

А л е к с а н д р К а г а н

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ

РАССКАЗЫ

2011

Александр Каган
НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ
Рассказы.
Издательство Publishing House GelaNY,
Нью-Йорк, 364 стр., 2011 год

В своей третьей книге, изданной в США, автор предстал перед читателем как вдумчивый, наблюдательный писатель, искренне сострадающий людям, где бы они ни жили, критически относясь ко всему негативному в нашей жизни.

*Художественное оформление книги
Юлии Соколовой*

Copyright © Александр Каган

All rights reserved.

No part of this book may be produced in any form without permission in writing from the author.

PRINTED IN THE UNITED STATES
OF AMERICA
by Publishing House GelaNY

*Автор выражает свою глубокую
благодарность за неоценимую помощь
в создании этой книги Почётному
гражданину города Нью-Йорк Белле Бери.*

ЖИЗНЬ В СОЮЗЕ

ПРОПАСТЬ

Отец Виктора работал гардеробщиком в театре. Семья жила на чаевые, из которых часть денег отдавалась хозяину. Жили скромно, но и не бедствовали.

Витя был мальчиком с обострённым чувством враждебности к несправедливости. Во дворе никого не обижал, заступался за слабых. Когда стал подростком, часто задумывался, почему так по-разному живут люди. Как бы сделать так, чтобы не было бедных и обездоленных? Революцию с её лозунгом “Свобода, равенство, братство!” воспринял с радостью и надеждой на лучшее будущее.

Когда настало время идти в армию, поступил на службу в ЧК. Он был рад этому выбору, так как борьба с преступниками и врагами народа в его представлении в полной мере соответствовала его идеалам борьбы за справедливость.

Отряд, в котором служил Виктор, осуществлял патрулирование улиц, охрану различных объектов. В 1920 году на страну, измученную разрухой, надвинулось новое несчастье – голод. Отряд направили на Павелецкий вокзал: надлежало в соответствии с декретом т.Ленина изымать продовольствие у прибывающих в столицу пассажиров. Виктор, который проявил себя исполнительным и дисциплинированным бойцом, был назначен старшим группы из 20 человек.

У пассажиров, задержанных со значительным количеством продовольствия, предназначенного явно для спекуляции, оно конфисковывалось, а их самих арестовывали. Но приходилось отбирать продовольствие и у людей, которые везли его в ограниченном количестве для личного потребления. Ежедневно Виктор был свидетелем душераздирающих сцен, когда у умоляющих и плачущих людей порой силой отбирали их скудные запасы. Эта работа с каждым днём вызвала всё большую неприязнь. Особенно тяжелое впечатление произвёл один эпизод. По перрону шел бородатый крестьянин в поддёвке, лаптях и с заплечным мешком, обвязанным верёвкой. Когда бойцы обнаружили в мешке сухари и стали отбирать его, мужик заплакал и вцепился в мешок.

– Сыночки, пожалейте! – заголосил он. – У меня здесь брат с семьёй, старики родители. Голодуют. Жена в деревне два месяца пекла хлеб, сушила сухари. Мы и наши пятеро детей жили впроголодь, чтобы собрать это. Сжальтесь, сыночки! Оставьте хоть малость!

– Правда, давайте оставим ему немного, – предложил Виктор.

– А как же декрет? – возразил кто-то.

Когда несколько человек силой оторвали мужика от мешка, он сел на землю и завыл, как затравленный волк. Это было невыносимо.

В какой-то из дней стало известно, что на дальних путях стоит пассажирский вагон и из него в крытый грузовик выгружают продовольствие: банки с маслом, мешки с крупой и сахаром. Через несколько минут бойцы оцепили вагон. Погрузка прекратилась. В распахнутой двери вагона

появился усатый человек в папахе и бурке. На груди его блеснул орден “Красного знамени”.

– Кто здесь старший?

Бойцы указали на Виктора.

– По какому праву вы здесь своевольничаете? Да вы знаете, кто я? – грозно спросил он.

– Я вас не знаю, но это не важно. Мы выполняем приказ и должны конфисковать у вас продовольствие.

– Я командующий армией Южного фронта. У меня в подчинении тысячи таких, как ты. Да я тебя сейчас... – и он начал расстёгивать висящую у него на боку деревянную кобуру, чтобы достать оттуда маузер.

– Вы что, не знаете о декрете т. Ленина? В стране голод. В Поволжье доходит до людоедства. Уверен, что вы коммунист. И вам не стыдно?

– Ладно! – скрежеща зубами проговорил командующий армией. – Заберите продукты обратно в вагон, – приказал он производящим погрузку красноармейцам, – а я уехал.

Через несколько часов уполномоченный ЧК по Павелецкому вокзалу вызвал Виктора.

– Звонили с Лубянки и приказали оцепление с вагона снять.

– Как же так? А декрет т. Ленина? Там же не сказано, что кому-то нужно делать исключение.

– Понимаешь, Витёк, есть люди, у которых особые заслуги перед республикой.

– Его заслуги оценены. Он награждён орденом.

– Ну, сам посуди. У нас есть люди, которые выполняют особо важную и ответственную работу для всей республики, для всего народа. Это народные комиссары, военачальники и другие.

Как они смогут эффективно работать, если они сами и их семьи будут ГОЛОДАТЬ?

– Разве его дети более голодные, чем дети других? И как же быть с нашим лозунгом “о равенстве”?

– Хорошо. Мы потом ещё поговорим. Ты устал. Собери своих ребят, отправляйтесь отдыхать.

После этого случая Виктор окончательно понял, что то неравенство, которое было раньше, приобрело новые формы – неравенства между начальниками и остальными людьми.

Когда закончился срок службы, Виктор поспешил расстаться с винтовкой, поступил на курсы электротехников, потом работал на заводе.

К сожалению, пропасть между руководящей элитой и народом начала рождаться почти сразу после революции. Она расширялась и достигла невиданных размеров. По одну сторону этой пропасти были элитные дома, пайки, закрытые распределители, больницы, санатории, госдачи, персональные машины и многое другое. По другую – полурабы – колхозники, стоящий в очередях за продуктами народ, деревянные уродливые бараки с удобствами во дворе, щедро украсившие собой необъятные просторы страны.

Виктор прожил долгую жизнь. И до самых последних дней ему часто снился плачущий бородатый мужик в лаптях, которого силой отрывают от мешка с сухарями.

2005 г.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Когда началась война, мне было шесть лет. Наша семья жила, в Белоруссии в Бобруйске, еврейское население которого составляло 80% всех горожан, то есть около 120 000 тысяч человек.

После прихода Гитлера к власти до нас доходили вести о судьбе евреев в Германии, позже в Польше. Чувствуя приближение войны, многие волновались. Однако старики уговаривали: “В 20-е годы немцы были здесь, но евреев не трогали. Больше доставалось от своих: петлюровцев, махновцев. Так что не паникуйте: немцы культурный народ – нас не тронут”.

Однако мой мудрый папа был с этим не согласен, и после первой же бомбардировки города 22 июня мы, несмотря на причитания бабушки: “Вейс мир! Что будет с нашим домом?!,” немедленно собрались в дорогу.

У нас не было лошади, и весь наш транспорт состоял из тележки, на которой папа – столяр-краснодеревщик иногда развозил заказы клиентам. На эту тележку покидали кое-какие носильные вещи, усадили моего 4-х летнего брата и двинулись в путь. Мама, бабушка и дедушка поочерёдно несли на руках мою 2-х летнюю сестрёнку. Я же шагал, держась за руку кого-нибудь из взрослых.

Выйдя из города, мы устремились по просёлочной дороге на восток. Дорога была забита в основном пешеходами, среди которых было много детей и стариков. Несмотря на то, что это были только гражданские люди, немцы бомбили

несчастных, измученных беженцев. Многие погибали, не успев сбежать с дороги и укрыться где-нибудь в канаве. Голодная сестрёнка всё время плакала и просила есть. Отец у кого-то выменял буханку хлеба, и девочке стали давать ломтик, который она долго жевала. Большую панику вызывали выбрасываемые с самолётов обрезки рельсов с многочисленными просверленными отверстиями. Падая, они издавали ужасный, действующий на психику вой. Часто разносились слухи, что немцы сбросили десант и вот-вот нас всех перестреляют. Люди чуть ли не сходили с ума от страха.

Так пешком мы добрались до Рогачёва. Там с муками втиснулись в теплушку и оказались на Урале. У отца с детства был повреждён коленный сустав, он хромал и не подлежал мобилизации. На Урале он начал работать на фабрике, и мы прожили там до 1946 года. За год до окончания войны похоронили дедушку.

Но вот закончилась война, и мы вернулись в родной Бобруйск, в котором теперь проживало только 15000 евреев – тех что эвакуировались. Остальных немцы расстреляли ещё в 1941 году, а, отступая, город сожгли.

К нашей огромной радости, наш дом на окраине города уцелел. Но он оказался заселённым. В нём жил милиционер. Это была странная личность. Как стало потом известно, он был сначала полицаем, потом чудесным образом превратился в партизана и, наконец, в милиционера. Нас этот мрачный человек не пустил даже на порог, и мы вынуждены были скитаться от дома к дому в поисках ночлега. Чтобы пресечь наши попытки вернуть дом, он сделал так,

что отца арестовали, обвинив в том, что он самовольно покинул на Урале важное оборонное предприятие, хотя там, на фабрике, все эти годы он изготавливал скамейки и табуретки.

Мы были в отчаянии, не зная, что делать. Кто-то посоветовал написать Калинин. И, как ни странно, это помогло: нам вернули дом и выпустили отца. Он вернулся совершенно больным: его били и морили голодом. Попав в наш дом, мы обнаружили, что в нём нет ничего: ни мебели, ни вещей, ни посуды. Бабушка зашла к соседу белорусу в надежде выпросить хоть что-нибудь из старья. В гостиной она увидела наш диван, который папа с особым старанием очень давно изготовил для своей семьи: мягкий, обитый плюшем, с двумя валиками по бокам, зеркалом и резной полочкой над головой сидящих.

- Боже мой! Наш диван! – в слезах воскликнула бабушка, надеясь вновь увидеть его у себя дома.

- Хорошо, что ещё остались живы! – прорычал сосед. – Иди, и чтобы ноги твоей здесь больше не было! – Бабушка съёжилась...

Долгое время мы спали на полу, а через несколько месяцев папа умер. Побой в милиции не остались без последствий.

Многие годы бедная мама, не имевшая никакой специальности, мучилась, чтобы прокормить своих малолетних детей. Помню, что меня постоянно не покидало чувство голода, а в школе, когда нас часто заставляли повторять: "Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!", мне хотелось плакать.

2008г.

ПРОМАХ

Состоялось внеочередное собрание Правления Союза писателей. Предстояло обсудить написанный ещё до войны роман одного советского писателя с еврейской фамилией. Это был известный писатель, прославившийся в годы войны своими пламенными антифашистскими статьями в газете “Правда”. В них он яростно клеймил коричневую чуму, призывая все советские народы на борьбу с ней. Сразу после войны он был награжден высшей наградой – орденом Ленина за весомый вклад в дело Победы.

Но вот настали иные времена. Был разгромлен еврейский антифашистский комитет, его члены репрессированы, закрыт еврейский театр, убит Михоэлс. Тут ко времени вызвать на ковёр избежавшего ареста писателя с еврейской фамилией, продемонстрировав высшим властям своё раболепие.

Присутствующие выступали один за другим, беспощадно клеймя роман, спеша тем самым продемонстрировать свою лояльность. Говорилось разное: о низкопоклонстве автора перед Западом, о недостаточном прославлении страны советов и советского образа жизни, о замалчивании руководящей роли коммунистической партии и т.д. и т.п.

В своей обычной ироничной манере не преминул пожурить автора и классик советской литературы. Тот самый, о котором ходили слухи,

что настоящим автором его единственного романа является умерший белогвардейский офицер.

Наконец на трибуну бодро вбежал молодой амбициозный писатель, интриган и карьерист, стремящийся всеми силами пробиться в Правление Союза.

– Публикация данного романа – большой промах издательства “Художественная литература”. Я возмущен тем, что подобные книги засоряют нашу советскую литературу, – проговорил он с надрывом. – Нам нужно решить, может ли автор такого романа быть членом нашего Союза.

– К этому вопросу мы перейдём чуть позже. А сейчас давайте дадим слово автору романа. Я думаю, что после всего сказанного здесь, ему есть над чем задуматься и что сказать нам в свое оправдание, – проговорил председательствующий.

Он давно завидовал более талантливому писателю с еврейской фамилией, не скрывал своей неприязни к нему и теперь предвкушал удовольствие увидеть того униженным.

Между тем писатель с еврейской фамилией, просидевший всё обсуждение с лицом, не выражавшем никаких эмоций, медленно поднялся на трибуну.

– Я внимательно слушал всё, что здесь говорилось, – начал он, – и понял, что за свою долгую жизнь так и не научился разбираться в людях, отличать зёрна от плевел. И в этом, признаюсь, моя ошибка.

Здесь говорилось много разного и часто много вздорного. Я не буду вступать в полемику. Хочу лишь ответить одному молодому человеку, который утверждал, что всё это я напридумывал,

сидя в своей квартире в Москве на улице Горького. Хочу привести пример, который я приводил студентам в Литературном институте. Я рассказал тогда им, как однажды ко мне домой пришел за консультацией начинающий писатель. У меня болела голова, и я, извинившись, что не могу начать с ним сразу беседовать, принял таблетку от головной боли. Не прошло и минуты, как он осведомился, прошла ли моя голова. Я понял, что его голова ещё никогда не болела. И если, вдруг, ему захочется описать головную боль, то как далеко это описание будет от реальности. Думаю, что многие знают, что я долго жил во Франции, был там свидетелем многих событий. Настоящий писатель может писать только о том, что сам пережил, что пропустил через себя. Этими принципами я руководствовался, работая над всеми своими произведениями.

Могу информировать тех, кто этого не знает, что роман переведен на двадцать иностранных языков и издавался за рубежом несколько десятков раз. Полагаю, это о чём-то говорит.

Ещё хочу сказать, что получил сотни писем, в которых читатели не по принуждению, а совершенно искренне благодарят меня за этот роман.

Среди множества этих писем для меня особенно ценно одно. Оно короткое, поэтому позволю себе его зачитать, – писатель вынул из кармана сложенный листик бумаги: “Я с интересом прочитал ваш роман. Вы написали умную и нужную книгу. Спасибо вам за это. И.Сталин”

Председательствующий онемел. Лицо его покрылось красными пятнами. Застыли в изумлении сидящие в президиуме члены

Правления. В зале несколько минут стояла гнетущая тишина, пока, пошептавшись с президиумом, председательствующий не очень уверенным голосом не объявил: – Заседание закончено. До свидания.

... Через несколько дней Правление Союза писателей единодушно проголосовало за присуждение автору романа Сталинской премии 1-ой степени.

2009 г.

ЭДИСОНОВ БРАТ

Мужчина спешил к поезду, волоча санки с тяжёлым рюкзаком. Рядом шли люди, увязая в рыхлом снегу нечищенного тротуара маленького подмосковного города. Вдруг мужчина ощутил, что поклажа стала намного легче. Оглянулся и увидел, как какие-то парни, подхватив его рюкзак, побежали к проёму в заборе, окружавшем здание заброшенной фабрики. Мужчина бросился вслед за ними. Стараясь не отставать, вбежал, в полуразрушенный цех, где его схватили за руки и связали.

- Отдайте мой рюкзак! - в отчаянии кричал мужчина.

- Ты что разоряешься? - обратился к нему главарь шайки в кепке с коротким козырьком. - "Мой рюкзак, мой рюкзак!" - передразнил он. - А может быть он мой? Чем докажешь? И что ты вообще за птица?

- Я инженер. Мы вместе с местными специалистами разрабатываем одну электронную систему...

- Чего, чего?

- Ну, как бы объяснить вам попроще? Сейчас у многих в домах телевизоры с крохотным экраном. Люди мучаются. В них всё плохо видно. Устанавливают линзы с водой. Но это мало помогает. Мы работаем над устройством, которое позволит создать телевизор с большим экраном. Это очень нужно людям. В рюкзаке детали устройства и приспособления для изготовления.

Там нет ничего интересного для вас. Очень прошу! Отдайте рюкзак!

– Ну-ка, Заморыш, ты как самый смыслённый загляни в мешок!

– Там какие-то железки с проводами. Ни денег, ни вещей нет, – сообщил тот через короткое время.

– Ладно. Злодей, покарауль его! А мы пойдём, помозгуем. Шайка скрылась в темном проеме двери.

– Я думаю, нужно замочить его, а железки продать, – высказался первым долговязый Ротшильд. – Раз это такое важное дело, деньжищ слупим тьму.

– Дурак! Куда ты это продашь? Кто будет с нами разговаривать и что мы сможем объяснить с нашим незаконченным начальным?

– У меня незаконченное среднее, – вякнул кто-то.

– Знаем, знаем тебя, отличник! Как ты по два года сидел в каждом классе!

– Я опасаюсь, – вступился осторожный Череп, – что, возможно, этот фрайер подстава. Отпустим его, а он побежит к мусорам и вскоре всех нас здесь заметут.

– Кто ещё хочет побазарить?

Все остальные молчали, и тогда после некоторого раздумья, главарь сказал:

– Возможно, мужик не брешет и эти железки принесут большую пользу. Моя мать, к примеру, даже в очках мучается и почти ничего не может увидеть в этом КВНе. Хоть нас называют отбросами общества, мы не враги своему народу и, если от железок будет польза людям, их надо отдать. Поэтому мужика отпустим и даже дадим ему охрану, чтобы какая-нибудь другая братва его по

дороге не ограбила. Если же окажется, что железки фуфло, а он подстава, охрана его замочит.

- Мы тебя отпускаем, Эдисон! - вскоре сообщил он связанному.

- Я не Эдисон, а Николай Смирнов.

- Ладно, Николай Эдисон. Мы решили тебе поверить. Бери свои железки и дуй, чтобы поскорее сделать телевизор с большим экраном. Может быть, и моя мать доживёт до этого и порадуетя. Даем тебе охрану, чтобы опять не стырили твой мешок. Она доведет тебя с железками до самого твоего завода, или как его ... С тобой поедут Заморыш и Злодей.

Когда трое подозрительных мужиков уселись в полупустом вагоне электрички, сидящая поблизости женщина в испуге схватила свои вещи и отодвинулась подальше. Злодей тотчас достал бутылку и спросил инженера:

- Будешь?

Услышав отрицательный ответ, сказал:

- Ну и дурак! А мы будем.

В основном он пил сам и вскоре заснул. А Заморыш всю дорогу разговаривал с инженером.

К вечеру они прибыли в Москву, и инженер повёл всех ночевать к себе домой. Его мать настороженно отнеслась к гостям, но, не подав вида, напоила их чаем и постелила на кухне на раскладушках.

- Ты теперь убедился, что он не легавый, - шепотом проговорил Заморыш Злодею. - Разве легавый привёл бы нас к себе домой? Эдисон - настоящий инженер, - продолжал с завистью Заморыш. - Он рассказал мне так много интересного об электричестве!

На другой день они проводили инженера к зданию с вывеской: “НИИ Радиоэлектроники” и остались ждать на лавочке вблизи входа. Через какое-то время инженер появился и, не скрывая радости, сообщил: “Эксперты одобрили разработку. Уверен, что через пару лет все мы сможем пользоваться телевизорами с большим экраном.

Вечером “охранники” уезжали домой. Улучшив момент, когда станционный туалет опустел, Заморыш сказал Злодею:

– Поезжай один. Я остаюсь. Хочу здесь поучиться. Эдисон обещал помочь – уж больно меня заинтересовало электричество.

– А что в нём интересного?

– Ты понимаешь, как ток бежит по проводам?

– Нет. Но на кой мне это надо?

– Дубина! А я хочу это понять. Может быть, стану грамотным, как Эдисон.

– Балда! Для этого надо учиться полжизни! Да ещё мозгами тронешься!

– А я всё-таки хочу попробовать. Может быть, когда-нибудь и сам придумаю полезную штуку...

– Ты это серьёзно?

– Вполне.

– Так не едешь?

– Нет.

– Значит, ты решил завязать? – с угрозой спросил Злодей. – Знаешь, что за это полагается?!

– Передай Плешивому, что я ему очень благодарен за то, что приютил меня. Ведь я умирал от голода. Побирался по помойкам. Я этого никогда не забуду. И, конечно, я никогда не продам братву.

– Это твоё последнее слово?

- Да.

- Ну, что же, прощай Эдисонов брат. - С этими словами, в ответ на протянутую для прощания руку Заморыша, Злодей всадил ему нож в грудь.

Вскоре на малине Состоялась встреча Злодея с братвой.

- Да, измена должна быть наказана, - произнёс Плешивый, выслушав рассказ Злодея. - Но, может быть, Заморыш, а у него была хорошая голова, со временем стал бы ещё одним Эдисоном и тоже придумал что-нибудь полезное людям. Но это полезное мы уже никогда не увидим, а жаль... Давайте помянем его, - и он стал разливать из бутылки в подставленные гранённые стаканы мутную жидкость.

2008 г.

НЕУДАЧНИК

– Я хочу с тобой серьёзно поговорить, – начала Катя, когда. Сергей уже собрался уходить на работу.

– Может быть, перенесём разговор на вечер?

– Нет, я больше не могу ждать! Наша совместная жизнь с тобой не складывается. Прежде чем расписаться, мы решили пожить вместе. Это длится уже почти полгода, и я окончательно убедилась, что мы должны расстаться.

– Я тебя не устраиваю, как мужчина...?

– Нет, с этим все в порядке и человек ты такой, с которым можно ладить, но ты не можешь хорошо ориентироваться в ситуации, показать себя должным образом окружающим и особенно начальству, недостаточно активен, а ведь иногда нужно кого-то отодвинуть с дороги плечом. Нет, я не говорю идти по трупам. Такова жизнь. В общем, ты размазня, неудачник.

– Но, Катенька...

– Можешь не продолжать, знаю, что ты мне скажешь... Я это уже слышала. Ну посмотри, как мы живём! Тебе 29, а ты простой инженер проектного отдела. Какие зарплаты уже получают твои одногодки! А твоя эта жуткая коммуналка на Сретенке! Я её просто ненавижу, так же, как и твоих кошмарных соседей! Пословица: “С милым рай и в шалаше” устарела. Она была хороша в те времена, когда у всех были удобства во дворе. Ну разве так можно жить во второй половине двадцатого века?! Я больше так не могу! Давай

расстанемся, как цивилизованные люди: без скандалов и сцен. Останемся друзьями. Я сегодня возвращаюсь к родителям.

- Но...

- Не уговаривай меня, пожалуйста. Моё решение окончательно. "Лодка любви разбилась о быт," - грустно улыбнулась она.

Сергей был подавлен. "Лодка любви разбилась о быт, лодка любви разбилась о быт," - не переставая повторял он. Работа не ладилась.

Всё валилось из рук. В обед не пошел в столовую - кусок не лез в горло. Не испытывая особых надежд, направился в профком.

- Как продвигается очередь на жильё? Моя жизнь рушится, жена решила уйти от меня - не может больше жить в коммуналке, где по утрам нужно занимать очередь в туалет! Когда я смогу получить хоть что-нибудь?

Ответственная по соц. быт. сектору достала толстую тетрадь.

- Смотрите, какой у нас огромный список претендующих на улучшение жилищных условий. В этом году мы заселили дом на 40 квартир, но это капля в море для коллектива в 1500 человек. В первую очередь мы обеспечиваем ветеранов войны, матерей одиночек, многодетные семьи. Ваша площадь, кстати, превышает минимальные 8 квадратных метров на человека. Так что вам ждать долго.

- Сколько же?

- До пенсии, - грустно пошутила она.- Советую копить на кооператив или взять в долг.

"Копить, - уныло подумал Сергей, - и с такой-то зарплатой? Занять? У кого и как потом отдавать?"

Ни на что не рассчитывая, он всё же обратился к руководителю группы:

- Алексей Петрович! Как насчёт повышения зарплаты? Жить не на что, налоги, заёмы... Остаются гроши. От меня решила уйти жена.

- Хорошая жена не уйдёт! Шучу! А с зарплатой дела неважные. В институте сейчас на это денег нет. Возможно, весной удастся прибавить кое-кому рублей по сто. Ты, кстати, сколько у нас работаешь?

- Три года.

- У нас люди ждут прибавки значительно дольше. Вот года через три, если будешь работать так же хорошо, как сейчас, прибавку получишь.

- Но ведь на собрании вы говорили, что я работаю лучше, чем многие другие, отдача больше. Как же с лозунгом: "Оплата по труду"?

- Ты должен понять. У нас многие старше тебя, у некоторых дети..., так что в первую очередь прибавка им. Не взыщи.

Сергей не видел никакого просвета. Он ещё достаточно молод. Силы есть. Мог бы подрабатывать ещё где-нибудь вечерами. Так нет. По законодательству работать по совместительству могут только рабочие, инженеры - нет. Что делать? Как жить дальше? Выхода нет...

Вечером по дороге от метро до дома в густой жиже воды и снега он промочил ноги - не выдержали выдавшие виды ботинки. Не обращая на это внимания, зайдя в комнату, не стал переобуваться. Мучительно хотелось есть. Открыл форточку и достал, висящий за окном свёрток с сосисками (купить холодильник было несбыточной мечтой). Газета, в которой были завернуты сосиски, размокла. Он достал две неприятно мокрые и

скользкие. Включил из комнаты персональную лампу на кухне, подключённую к его личному счетчику. Зажег газ в коптящей перекошенной конфорке.

“Что это за жизнь? – думал Сергей. – Что это за страна, в которой невозможно жить и один выход – умереть!” Он вспомнил, как в 38-м году арестовывали отца, которого уже больше никогда не видел, как конфисковывали имущество, отбирали квартиру и как через два года умерла мать, которая как жена, “врага народа” не могла найти нормальную работу, как её травили.

Вспомнил, как мучилась, пытаясь его прокормить, в этой жуткой коммуналке бедная бабушка и, как у него не хватало денег похоронить её. Как четыре года после окончания школы проработал слесарем, так как не мог поступить институт, пока посмертно не реабилитировали отца. Мог ли он забыть, как плакала бабушка, читая бумажку размером в пол-листа, где говорилось, что отец был осуждён на 10 лет, а в 41-м году умер от сердечной недостаточности. Как стало потом известно, всех осуждённых на этот срок просто расстреляли. И никаких слов извинений или сочувствия. Жизнь человека оценили клочком бумаги.

Вот он, Сергей, неудачник, а, по сути, жертва жуткого времени, в котором родился и жил. Единственное светлое, что было в его жизни – это Катя, а теперь и её нет! Как жить дальше? Он выключил газ, оставив кастрюлю с сосисками на плите. Шатаясь, словно пьяный, побрёл к себе в комнату, в полутьме больно ударился о большой сундук в коридоре. Подумал: “Когда же его, наконец, уберут? А, впрочем, мне уже всё равно”.

В центре комнаты на потолке зловеще чернел крюк. Когда-то здесь висела большая хрустальная люстра, которую бабушка продала, когда Сергей тяжело болел воспалением лёгких, и ему нужно было усиленное питание. “Хорошо ещё, что потолки высокие, а то при моём росте, – подумал Сергей. – Нужно бы оставить какую-то записку, но для кого?”

Словно в дурмане достал из шкафа последнее их с Катей приобретение – новую бельевую верёвку...

* * *

Прошли годы. У Кати за плечами остались два неудачных брака. Оба её мужа были вроде людьми неплохими, энергичными, успешными, что Кате импонировало. Но в отношениях с ними не было той теплоты, сердечности, родства душ, которые её когда-то связывали с Сергеем. На поверку оказалось, что это важнее всего прочего.

Однажды подруга пригласила её на юбилей своего мужа. Справлялось пятидесятилетие. Торжество отмечали в ресторане. Катя немного опоздала. Когда она заняла своё место, все были уже в сборе и даже прозвучали первые тосты. Катя начала с любопытством рассматривать присутствующих. Многие были ей знакомы, но были и люди, которых она видела впервые.

В противоположном конце стола она увидела высокого, бородатого мужчину. Его дорогой элегантный костюм, импортный красивый галстук, очки в золочёной оправе свидетельствовали о хорошем вкусе и достатке хозяина. Рядом с ним сидела также прекрасно одетая молодая, красивая женщина. Эта пара приятно выделялась среди

прочих гостей и потому вызвала повышенное внимание Кати. Ей сразу показалось, что-то знакомое в облике мужчины. Внимательно приглядевшись, она обомлела. Это был Сергей: возмужавший, солидный, уверенный в себе, какой-то академичный. Такой вид ему, видимо, придавала борода.

Как только подруга, обходящая поочерёдно гостей, подошла к Кате, та поинтересовалась:

– Кто это? Вот тот мужчина с бородой?

– Это новый знакомый мужа. Он у нас впервые. Он с женой, профессор, очень преуспевающий. Недавно получил Госпремию.

– А как его фамилия?

– Фамилия...? Точно не помню, но, кажется, начинается на...П.

– Петровский?

– Кажется, да. Да, кажется, Петровский.

Катя была взволнована и обрадована: “Как хорошо, что он жив! А ведь до меня доходили слухи, что он пытался покончить с собой. Я не поверила им. Ведь, чтобы совершить такое, нужно быть человеком достаточно мужественным и решительным. У Сергея как раз этих качеств не доставало, и потому возможность суицида в случае с Сергеем я полностью отменяла. К тому же в тот момент у меня был разгар романа с первым мужем. А о Сергее я заставила себя забыть. Все, что связано с ним считала перевёрнутой страницей жизни. Теперь же я так рада, что оказалась права.

Он жив и так изменился! Жаль, что в своё время я не сумела подтолкнуть его к переменам, что его побудил к этому только наш разрыв. Но как всё случилось, как он жил эти годы?”

Кате не терпелось это услышать из его уст. И интересно, как он прореагирует на её появление? С трудом дождавшись перерыва в застолье. Катя устремила к дальнему концу стола.

– Вы Сергей? Сережа...?

Мужчина встал навстречу Кате и стал с любопытством её рассматривать. Пауза затянулась и Кате стало неловко.

– Серёжа, ты меня не узнаёшь?

Мужчина протянул ей руку для приветствия.

– Владимир Петрович Покровский.

Катя остолбенела, на мгновение лишилась дара речи.

– Извините... Вы так похожи на моего друга молодости. Я в шоке. Ещё раз извините...

Видя её состояние, Покровский улыбнулся и попытался успокоить побледневшую и не находящую себе места Катю.

– Я сталкивался с подобным феноменом. В жизни бывают двойники, похожие, как близнецы. Видимо я и ваш друг действительно очень схожи.

Меж тем Катя было совершенно подавлена. Значит то, что ей говорили о Сергее, правда! И... А ведь он с его способностями вполне мог бы достигнуть того же, что этот Покровский, жить, наслаждаться жизнью, сейчас улыбаясь стоять перед ней... Катя не могла сдержать слёз.

– Извините, что я разочаровал вас, мне очень жаль, но мы не в силах многого изменить. Я сожалею. Было приятно познакомиться, – откланялся Покровский.

2007 г.

ПОЛЁТ ГАГАРИНА

– Внимание! Внимание! Сейчас будет предано важное сообщение! – прозвучал голос Левитана в привычных к тишине залах Ленинки. Сотни людей вздрогнули и возбуждённо зашумели.

– Неужели опять война?! – в ужасе произнёс кто-то.

– Этого не может быть, воевать вроде не с кем. Наверное, умер кто-нибудь из членов Политбюро.

– Раньше здесь об этом так не объявляли. Может быть сам Он?

Вскоре всё стало ясно: впервые в космосе человек! Где-то там, на немыслимой высоте, он облетает землю. Все были взволнованы. Многие бросились к окнам в надежде что-то увидеть. То же самое сделал и Грановский.

Уже несколько месяцев центральная библиотека на Моховой стала для него родным домом. Грановский просиживал в ней ежедневно по 12 часов фактически от открытия до закрытия, стараясь форсировать подготовку к сдаче кандидатского минимума. К этому, а затем и к скорейшей защите диссертации, подталкивали его не только уже не столь юный возраст, но также и материальное положение семьи, в которой недавно родилась дочь, аспирантской стипендии и скромной зарплаты жены было явно недостаточно для нормального существования и обеспечения всем необходимым ребёнка.

Жена выделяла Грановскому 1 рубль на ежедневные расходы: на проезд, покупку пачки

дешевых сигарет и обед. После нескольких дней работы в библиотеке он решил, что наиболее целесообразно съесть не весь обед сразу, а разбить процедуру приёма пищи на два этапа. Поэтому в течение дня дважды спускался в столовую в подвале Ленинки. При этом пришел к выводу, что меньше испытывает чувство голода, если откажется от вторых блюд и дважды в день будет есть суп.

Несколько раз в день Грановский делал перерыв на перекур. Курилка располагалась на самом верхнем этаже. Она была вечно в сизом табачном дыму и пропитана ядовитым никотином. Изо дня в день и почти постоянно, как казалось Грановскому, в ней пребывают одни и те же странные личности: небритые, обросшие, постоянно спорящие о смысле жизни и других чуждых ему материях. “У меня другие заботы, – думал он, невольно слушая эти дебаты. – Для меня сейчас главное, как прожить?”

Атмосфера библиотеки располагала к занятиям. Здесь можно было оперативно получить любую книгу или журнал. Тишина читального зала №2 для инженеров и научных работников, уютные зелёные абажуры на лампах, удобные столы – всё было хорошо продумано и организовано, чтобы создать наилучшие условия для работы.

Полным диссонансом этому оказались строительные работы, которые как-то в течение недели велись во дворе библиотеки. Звонкие удары кувалды по металлу гулко отдавались эхом во дворе-колодце библиотеки, выводили из себя. “Неужели дирекция пожалела нескольких десятков рублей, чтобы заплатить рабочим дополнительно за проведение этих работ в ночное время, когда нет

читателей? – возмущённо думал Грановский. Но через некоторое время до него дошло: невядалеке от библиотеки улица, которая, как он часто шутил с друзьями, носящая его имя. Там дом, где живут самые, самые... И, конечно, нельзя нарушать их ночной покой. А тысячи посетителей Ленинки – это же, по словам Великого вождя и учителя, – винтики и потому могут потерпеть. В общем, перебьются.

Конечно же, из библиотечного окна нельзя было увидеть спутник с космонавтом. Грановский вернулся на своё место, охваченный противоречивыми чувствами. С одной стороны, гордость за свою страну, которая первой осуществила этот полёт, радость, что человечество сделало новый крупный шаг в своём прогрессе. С другой стороны, критическая оценка самого себя, своих весьма скромных достижений в жизни. Ему 31 год. За 8 лет работы проектировщиком не продвинулся в должности – остался рядовым инженером. От оклада молодого специалиста поднялся всего на 200 рублей. В этом, возможно, его собственная вина. Желая уйти в науку, рассматривал свою проектную деятельность как временную и не принимал должных усилий для карьерного роста.

Вспомнилась недавняя случайная встреча с однокурсником в столовой Ленинки.

– Я живу в Новосибирске, главный инженер проектного отдела, – сообщил тот. Начали вспоминать других однокурсников: один уже начальник цеха, другой готовится к защите докторской, третий стал лауреатом Госпремии. Доев свой суп, Грановский стал смущённо прощаться. Оценив ситуацию, однокурсник сказал:

- Давай ко мне в Новосибирск! Гарантирую должность старшего инженера с соответствующим окладом.

- Спасибо. Но я только что с третьего захода поступил в аспирантуру. Мне это досталось очень тяжело. Все эти годы я мечтал заняться исследовательской работой. Другого пути для меня нет.

Они распрощались, пожелав друг другу успехов.

Но каковы будут эти успехи и когда они придут? Конечно он приложит все усилия, чтобы всё это состоялось, и как можно раньше. Но у него семья, ребёнок. За них он несёт ответственность уже сегодня.

А какой он кормилец?

От этих невесёлых мыслей трудно было вернуться к учебнику по технической термодинамике, экзамен по которой предстоял через месяц.

2008 г.

НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ОТПУСК

Семья Серовых переехала в новостройку на окраине города. Хотя стало далеко ездить на работу, Сергей и его жена Наташа были счастливы наконец покинуть общую квартиру и обрести отдельное жильё. Особенно радовалась Наташа собственной отдельной ванне и, хоть и крошечной, но собственной кухне. Новые белые дома вокруг и обилие зелени радовали глаз.

Но не обошлось без ложки дёгтя. В этом районе, впрочем как и повсюду в стране, сначала строились жилые дома и только потом инфраструктура: магазины, поликлиники, школы, благоустраивались дороги, налаживался нормальный транспорт.

Однажды Наташа рассказала Сергею подсмотренную сцену: как хозяин одной из квартир в их подъезде, работающий в министерстве иностранных дел, добирался до автобусной остановки. Одетый с иголочки, в белой рубашке с галстуком, высоко засучив отглаженные брюки, с дипломатом в руке шлёпал по лужам в резиновых сапогах. За ним плелась жена, тоже в сапогах, неся в руках его начищенные ботинки. На автобусной остановке – бетонном островке среди моря грязи, он переодевал обувь, а жена возвращалась домой, неся его грязные сапоги.

Но особенно огорчала супругов необходимость ежедневно возить Катю, которой пошел 5-й год, в детский сад в центр города по их старому месту жительства. За дорогу: сначала на автобусе, потом

на метро с пересадкой и, наконец, на троллейбусе, которая длилась более часа, да ещё в час пик, девочка страшно уставала. Выматывался и родитель, который в тот день вёз ребёнка. А ведь ещё предстояла длительная поездка на работу. Вечером всё то же самое в обратном направлении.

С замиранием сердца, надеждой и нетерпением стали следить они, как в их квартале начали строить детский сад. Радовались тому, как стройка набирает обороты. Когда она практически завершилась и стало известно, что в садике уже появился директор, Сергей тотчас отправился на приём к нему.

Директором оказалась молодая, довольно пышная, оживлённая дамочка с какой-то невероятно огромной причёской на голове. Здороваясь, она протянула руку Сергею так, как обычно протягивают руку для поцелуя.

“Судя по её внешнему виду и поведению, ей бы надо было быть театральным администратором, что ли,” – подумал Сергей.

Директриса, как показалось Сергею, смотрела на посетителя с интересом. Узнав, что он научный работник - кандидат наук, а жена старший инженер, заявила без обиняков:

– Относительно места вашему ребёнку в нашем саду и не думайте. Категорически нет.

– Это почему же? – заволновался Сергей.

– У меня есть предписание: в первую очередь брать детей одиноких матерей, потом из малообеспеченных семей, потом из семей рабочих... От этих категорий граждан уже поступило заявлений больше, чем мест в саду.

– Чем же виноват мой ребёнок? Тем, что его родители интеллигенция? Из-за того, что его папа

и мама долго учились, он теперь должен мучиться, проводя ежедневно 2-3 часа в переполненном транспорте?

– Я вам сочувствую, но ничем помочь не могу. Ваша семья по вашему положению считается хорошо обеспеченной и вы, к примеру, можете нанять няню.

– Няню с постоянным проживанием в однокомнатную квартиру...? Да и насчёт обеспеченности. Вы же, наверное, знаете, что людям, не имеющим высшего образования, разрешается иметь дополнительный заработок, работая в двух, даже трёх местах. Для нас же это невозможно...

– Через год-два в нашем районе построят еще два детсада. Надеюсь, тогда места хватит всем.

– Ещё два года мучений, – Сергей был просто подавлен. Он не скрывал разочарования.

Видя, что посетитель, получив отказ, не скандалит и не спешит уходить, директриса, изучающе посмотрев на Сергея, продолжила:

– Однако...

“Вот сейчас начнётся самое главное, – подумал Сергей, – наверное, нужно предложить деньги”. Но как это сделать? Он в этом плане совсем неловок. Нужно было сюда пойти не ему, а Наташе. У той это получается лучше. Он вспомнил, как год назад, когда нужно было отдать несколько десятков рублей продавцу мебельного магазина, чтобы вне очереди купить пару стульев, он долго топтался около продавца, но так и не сделал этого. Наташа тогда, естественно, его ругала, но что он может сделать, ну не умеет, не может он давать взятки...!”

По-своему расценив затянувшуюся паузу, директриса с некоторым разочарованием продолжала:

– Однако, я приму вне очереди десять детей, родители которых внесут наибольший вклад в подготовку детсада к открытию. Нужно выполнить некоторые работы, на которые не хватает средств: озеленение, благоустройство территории и площадок для игр детей, доставка мебели, некоторые малярные работы, мойка окон и т.д. Я буду вести строгий учёт отработанных родителями часов и возьму детей тех, у кого этих часов будет больше всего.

Сергей вздохнул с облегчением: “Я костью лягу, но попаду в десятку”, – решил он.

– Когда предполагается открытие садика?

– Приблизительно через месяц.

– Замечательно! Немедленно возьму отпуск. Вы будете мною довольны. В каком часу завтра выходить на работы?

Убедив начальство в необходимости отпуска из-за чрезвычайных обстоятельств, раздобыв ватные штаны и телогрейку, Сергей неистово взялся за труд в садике, не гнушаясь ни чем. Не привычный к интенсивной физической работе, он к концу дня буквально валился с ног.

Прошла неделя. В один из дней Сергей получил задание ехать за мебелью: детскими кроватками, шкафчиками и столиками. Директриса села в кабину водителя. Сергей вместе с ещё одним мужчиной – напарником залезли в открытый кузов грузовика. Был довольно холодный осенний день, и они, защищаясь от ветра, укрылись брезентом,

- Давайте знакомиться, - сказал мужчина. Сергей представился, в двух словах рассказал о себе.

- Я доктор физико-математических наук, работаю в Институте физических проблем, - начал свой рассказ мужчина, когда очередь дошла до него.

- Так вы знакомы с Петром Леонидовичем Капицей?

- Да. Разумеется. Ведь он наш директор. Мы встречаемся очень часто. Академик живёт в особняке прямо на территории института.

- Как же это так получилось?

- Видимо сказался опыт его пребывания в лаборатории Резерфорда в Англии, где он начал свою научную деятельность. Там, как в Оксфорде, так и в Кембридже, профессора живут прямо на территории университетов. Это очень удобно. Учёный в любое время, когда есть настрой или возникли новые мысли, уже через несколько минут может добраться до лаборатории и начать работать.

- Это замечательно.

- Да, придумано неплохо. Однако, давайте вернёмся к нашим баранам. Что надо предпринять, чтобы пробиться в заветную десятку?

- Я взял отпуск и хожу в садик ежедневно, как на работу, - признался Сергей.

- Я, к сожалению, так не могу. У нас сейчас сложные и ответственные эксперименты.

По прибытию на фабрику директриса отправилась оформлять документы, а замерзшие деятели науки прошли в какой-то предбанник и уселись на подоконнике, под которым проходила труба парового отопления.

Однако они не успели согреться, как появилась широкоскулая с румянцем на пол-лица полная

женщина в полувоенной неопределённого цвета гимнастёрке, перепоясанная на необъятной талии солдатским ремнём. “Такому румянцу могли бы позавидовать молодки с полотен Кустодиева,” – подумал Сергей.

Увидев мужчин в телогрейках, из карманов которых торчали рукавицы, в запачканных грязью резиновых сапогах, женщина презрительно фыркнула:

– Вы, что тут уселись? У нас грузчикам сюда заходить не разрешается!

– Сегодня такой холод! Мы продрогли... Очень прошу вас разрешить нам немного согреться, – начал упрашивать вкрадчивым голосом доктор наук.

– Не положено! – гаркнула женщина, явно наслаждаясь своей властью. – Освободите помещение!

– Ну и кадры подбирают в ВОХР! – сетовал доктор наук, когда мужчины оказались на улице.

– А вы разве не замечали? – спросил Сергей. – Чем ниже у человека статус, тем амбициознее он себя ведёт. В пределах своих скромных полномочий он мнит себя просто генералом.

– Что-то вроде комплекса Наполеона у людей маленького роста?

– Что-то в этом роде.

Минут через 20, вконец промерзшие, они начали грузить мебель.

На другой день начались работы по озеленению, которые длились неделю. Потом ещё и ещё...

Но, о счастье! Наконец наступил день, когда Сергей и Наташа, взяв дочку за руки, пошли знакомиться с воспитателем группы, в которую зачислили Катю.

2009 г.

НЕВЫЕЗДНОЙ

Илья запыхавшись вбежал в кабинет заведующего лабораторией.

- Герман Николаевич! Мой доклад приняли! Как я рад!

- Поздравляю, поздравляю! – седой, грузный мужчина привстал и пожал ему руку. – Горжусь тем, что ты мой ученик.

- Они прислали мне также приглашение! – Илья потряс разноцветными листами бумаги. – Да и не только мне. Даже жену пригласили! Вот уж не ожидал! Вы только посмотрите: предлагают на выбор отели. А это программа для жён – посещение музеев, салонов красоты и многое другое, – в восторге продолжал Илья.

- Не удивляйся. На Западе принято, что ученый едет с женой. Но это там.

- Понимаю, что для Кати это не светит. Что же касается меня...

Заведующий лабораторией прервал Илью. И, прежде, чем продолжить разговор, убедился, что дверь кабинета плотно закрыта. Затем тихо заговорил.

- Насчёт поездки я твоего оптимизма не разделяю. Как твой учитель, старший товарищ, наконец, просто друг хочу сказать, что будет сделано всё, чтобы ты не поехал в Чикаго.

- Как же так? Ведь меня пригласил оргкомитет Международного конгресса! Я должен представлять свой доклад!

– Опустись на землю! Найдут тысячи причин, по которым твоя поездка будет невозможна...

– Это из-за моего пятого пункта?

– Всё. Эта тема закрыта. Я вообще тебе ничего не говорил.

– Конечно, я знаком с ситуацией. Но в данном случае... Я ведь не собираюсь в туристическую поездку... Меня приглашают... Одним словом буду настаивать.

– Ну, ну...

– Пойду к главному изобретателю, – проговорил расстроенный Илья. – Он, кстати, меня вызывал.

От состояния эйфории, в которой Илья пребывал, не осталось и следа.

Главным изобретателем в институте за глаза величали заместителя директора Елисеева. Ни одна из заявок на изобретение не уходила из институтских стен без его участия, в результате он стал соавтором немыслимого для одного человека числа авторских свидетельств – нескольких сот. Естественно идеи многих из них не были ему до конца знакомы. Однако это его не смущало.

– Поздравляю, Илья Ефимович! Ты получил документы из оргкомитета Конгресса. Большой успех! Большой успех! Жаль только, что по этой работе нельзя подать заявку на изобретение. Ну, ты молодец! – Елисеев, который по слухам не очень жаловал иноверцев, выдавил из себя улыбку.

Улыбка у него была странной. Как уже и раньше отмечал Илья: с одной стороны человек вроде улыбается, но при этом улыбка таит угрозу.

– Спасибо! Я хочу уточнить относительно моей поездки в Штаты. Ведь я должен там представлять свой доклад.

С лица Елисеева улыбка мгновенно исчезла.

- Дело в том, что за участие нужно заплатить огромную сумму. Просто сумасшедшие деньги. Мы с Иваном Ивановичем это утром обсуждали. Сейчас он в министерстве. Таких денег в институте нет. Вот взгляни сколько нужно.

Илья посмотрел и ужаснулся.

- Да, денег нужно много, но для такого огромного института, как наш, это же копейки...

- Это ты так думаешь. Иван Иванович сказал категорически: "Нет".

- Да...? А если деньги я достану сам?

- На ответ оргкомитету совсем мало времени. Попробуй, - ответил Елисеев в полной уверенности, что собрать такую сумму и так быстро невозможно.

Вечером после работы Илья развил бурную деятельность: обзванивал родных, знакомых, даже полужнакомых людей. Кто-то что-то обещал дать взаймы. Илья сулил любые проценты. В результате удалось набрать около трёх четвертей нужной суммы.

На следующее утро он был у Елисеева.

- Я нашел деньги, которые покрывают основную часть затрат. Может быть, дирекция сумеет выделить недостающую сумму? Дирекция должна быть заинтересована в моей поездке: ведь на Конгрессе будет звучать имя нашего института.

- Иван Иванович сейчас в главке. Мы с ним обсудим это вечером. Приходи завтра.

На следующий день Елисеев выглядел возбуждённым.

- Иван Иванович категорически отказывается. Говорит, что не пойдёт на нарушение - выделение денег больших, чем полагается командированному

по КЗОТу. С деньгами в институте вообще плохо – перерасход зарплаты за квартал.

В тот же вечер Илью свели с маклером, который заломил такой процент, что Илье стало не по себе. Но выбора не было, и он согласился.

Следующим утром, когда Елисеев узнал, что Илья набрал всю сумму, он в первый момент был в растерянности, но быстро пришел в себя.

– А у тебя есть загранпаспорт?

– Нет. Я же никуда не выезжал.

– Это большая морока оформить загранпаспорт. А потом ещё нужно получить визу в посольстве. Империалисты долго тянут с этим. До открытия Конгресса не успеешь.

– Я постараюсь выяснить сроки оформления.

Илья потратил целый день, но остался доволен. Выяснилось, что всё можно оформить за неделю-полторы.

С этим он опять появился в кабинете Елисеева. Тот выслушал Илью почти враждебно.

– Сейчас не могу ничего сказать тебе. Поскольку ты упорно настаиваешь на поездке, то решено, что этот вопрос будет обсуждаться в четверг на парткоме. Ты приглашен.

Заседание парткома открыла тучная женщина, пересевшая много лет назад, и, казалось, навсегда, из кресла секретаря учёного совета в кресло секретаря парткома.

– Прежде всего, хочу поздравить тов. Гительзона с большим успехом. Он ещё достаточно молодой учёный, но уже достиг многого. Доклады на международные конгрессы из нашего прикладного института принимаются не часто.

Илья впервые присутствовал на заседании парткома, в состав которого преимущественно

входили начальники. От хвалебных слов секретаря он смутился и покраснел. Они вселили надежду.

- Но хочу отметить, что это заслуга не только тов. Гительзона, но и лаборатории, в которой он работает. Наконец, заслуга всего института.

- Какая же тут заслуга лаборатории и тем более института, если это теоретическая работа, выполненная Ильёй Ефимовичем в одиночку, без участия других лиц? - подал кто-то реплику.

- Не имеет значения. Тов. Гительзон сотрудник нашего института. Значит, тут ему были созданы все условия, его направляли, и в этом наша общая заслуга.

- Конечно, конечно - это заслуга всего института, - согласился Илья. - Без внимания руководства и помощи моих коллег ничего бы не получилось. Я также благодарен дирекции и партийной организации и заверяю вас, что сумею достойно представить доклад. Как говорится, не посрамлю чести института, ни на минуту не буду забывать, какую страну представляю.

- Не сомневаемся, что иного и быть не может.

"Кажется, пронесло," - подумал Илья.

- Однако существует одно обстоятельство, которое препятствует поездке тов. Гительзона.

Илья насторожился. Ведь все проблемы уже решены.

- Первый отдел не даёт добро в связи с вопросами секретности.

- Это нонсенс! Я не веду никаких секретных работ!

- Но в вашей лаборатории одна такая работа ведется.

- Я к ней не имею отношения!

– Она ведётся в соседней комнате и людьми, с которыми вы близко общаетесь.

– Я от них никакой информации об их работе не имею.

– Тем не менее, первый отдел считает это достаточным основанием, исключаящим ваш выезд за рубеж.

– Но это же смешно! Это же, наконец...

– Не волнуйтесь, тов. Гительзон. Ваш доклад не останется беспризорным. Его представит другое лицо. Дирекция рекомендует возложить эту миссию на тов. Петрову Зою Сергеевну. Она уже неоднократно выезжала в служебные командировки за рубеж. Тов. Петрова – кандидат технических наук, член КПСС, русская ... Как видите, эта кандидатура подходит по всем параметрам.

– Но в институте же нет денег для этой поездки! – вставил Илья.

– Деньги изыскиваются.

“Ах вот как, и деньги уже нашлись!” – Илья с возмущением взглянул на великого изобретателя. Тот демонстративно отвернулся и сделал вид, что что-то рассматривает за окном.

Конечно, иного и быть не могло. Ведь многим было известно, что муж Петровой – шишка. Занимает высокий пост в Комитете по делам науки и техники.

– Предлагаю голосовать, – меж тем продолжала секретарь. – Кто “За”? Так. Кто “Против”? Нет. Хорошо. Воздержавшиеся есть? Да, я вижу один. Что вас не устраивает, тов. Домогарский?

– Я считаю, что доклад должен представлять автор, а не другое лицо. Это не этично.

- Вы же слышали о причинах, которые вынуждают нас делать это.

- Всё равно, я остаюсь при своём мнении.

- Итак большинством голосов тов. Петрова рекомендуется для поездки в США на международный конгресс по теплопередаче.

“Герман Николаевич оказался, как всегда, прав,” - подавленный Илья поплёлся домой.

Через месяц возбуждённая Зоя Сергеевна отчитывалась на Учёном совете о своей командировке.

- Там присутствовало много учёных с мировым именем. Доклад нашего института вызвал большой интерес. Лично для меня было особенно ценным, - продолжала она с восторгом, - посещение научной лаборатории в одном из университетов, знакомство с постановкой исследовательского процесса, с более совершенными, чем у нас приборами, которые там используются и многим другим.

После заседания, отозвав Илью в угол, Петрова сообщила ему:

- Там многие спрашивали меня: где господин Гительзон? Почему он не приехал? Мы хотели бы с ним познакомиться. Мне пришлось сказать, что вы не смогли приехать по семейным обстоятельствам, а я ваша сотрудница...

“И я бы мог всё это видеть, общаться с интересными людьми. Мог бы, но... - подумал Илья с грустью. - Наверное, нужно было, когда я женился на Кате, принять её простую русскую фамилию, как это сделал заведующий лабораторией Борис Маркович Иванов. ...Впрочем, и это бы не помогло. Ведь, как говорится, бьют не по паспорту, а по лицу.

2008 г.

ПЕТЬКА И ГЕНЕРАЛ

Дождливым осенним днём на одной из московских улиц случилось ЧП. “Москвич,” выехавший на встречную полосу движения, врезался в военный джип. Водитель “Москвича” погиб. В джипе пострадали два человека, но в меньшей степени.

Некоторое время спустя в квартиру на 5 этаже панельной хрущёвки, в которой погибшего оплакивали его жена и её мать, позвонил мужчина среднего возраста в хорошо скроенном штатском костюме.

- Я, Сергей Петрович, - представился мужчина.

- Прежде всего хочу выразить вам своё соболезнование.

- У нас такое горе, такое горе! - причитала Лидия Ивановна - старшая из женщин. - Как мы теперь будем жить без нашего кормильца?!

- Я как раз по этому поводу. Хотя ни мой водитель - он сейчас на излечении в госпитале, ни тем более я не виноваты в происшествии, тем не менее я считаю своим долгом офицера принять участие в судьбе вашей семьи. Хочу сказать вам, - обратился он к вдове, - что буду оказывать финансовую поддержку, а также словом и делом помогать в воспитании вашего малолетнего сына.

- Вы не обязаны нам помогать.

- Поверьте, моего генеральского оклада вполне достаточно, чтобы помогать вам. Мои дети не будут обделены. Кстати их у меня нет.

- Нет, нет! Я ничего не могу принять. А сейчас

мне вообще не до этого. Слишком всё болит.

- Понимаю. Извините. Давайте вернёмся к этому вопросу позднее.

Как ни упиралась Татьяна Ивановна – жена погибшего, генерал не отступил и регулярно перечислял деньги, которые были совсем не лишними для скромного бюджета семьи. Периодически он сам появлялся в квартире на 5-м этаже. Всякий раз разговор шел в основном о Петьке, которому в момент гибели отца было всего пять лет. Мальчик рос, и, соответственно, росли проблемы, связанные с его воспитанием. В основном об этом говорила бабушка, которая, естественно, больше проводила времени с внуком.

Иногда интервалы между посещениями генерала были более короткими, иногда более длинными, что было связано с его работой. К сожалению, контакты с Петькой были не очень результативными в силу того, что были редки. Лидия Ивановна всё чаще жаловалась, что внук отбивается от рук. Как-то Сергей Петрович задержался у них дольше обычного. Пил чай и расхваливал варенье, которым его почивала Лидия Ивановна, непривычно расслабился, смягчился.

-- У вас уютно, замечательное варенье из крыжовника. Мне оно напоминает детство. Семья жила в небольшом городке Алексине. Покойная матушка была большой мастерицей варить варенье из крыжовника, которое называла "царским". Помнится, протыкала каждую ягоду иголкой.

- Какой может быть уют в нашей хрущобе, - возразила Лидия Ивановна. - Вот, наверное, в ваших хоромках...

- Да, конечно уж, в хоромах.., - почему-то грустно улыбнулся Сергей Петрович, - но зато там нет такого варенья.

- Сейчас я принесу баночку этого варенья. Возьмёте с собой.

- Что, ты, мама! Сергей Петрович вернётся домой с вареньем? Что там подумают? И вообще уже поздно. О вас, наверное, беспокоятся?

- Да, вы правы. Уже уйду, - заспешил Сергей Петрович.

- Извините. Я же от души. Не подумала, - виновато произнесла Лидия Ивановна .

Когда Петьке исполнилось одиннадцать, рослый, озорной мальчишка перестал признавать любые авторитеты, полностью потерял уважение к бабушке, мало прислушивался к тому, что говорила мать. В один из дней, когда позвонил Сергей Петрович, Лидия Ивановна пожаловалась:

- Петька совсем от рук отбился. Сладу с ним нет. В школе на него учителя жалуются. Таня с ним измучилась. Не знает, что делать. А, когда говорим пожалуемся генералу, получаем в ответ: "Он вовсе не генерал, всегда в костюме. Вы это нарочно для меня придумали". Поэтому у меня к вам просьба. Придите к нам хоть раз в форме и поговорите с Петькой, как генерал, по-мужски. Надеюсь, что это поможет.

Однажды в июне Петьке позвонил сосед по лестничной клетке Глеб.

- Петь! Выйди на балкон! Посмотри, какой драндулет подъезжает к нашему дому!

- Моща! - завопил, выскочивший на балкон Петька. - Я такого ещё никогда не видел! Это, наверное, новая "Волга".

- Дурак! Это “ЗИС” правительственный. Я такой видел на картинке. Интересно, к кому он? Ведь у нас в доме таких начальников нет.

- Смотри, смотри! Он остановился около нашего подъезда! Здорово! А вылезает из него генерал! Вот это да!!!

- Дурак! Это маршал, смотри, какая большая звезда на погоне! А орденищ!

- Ой! Идёт в наш подъезд! Выходи скорей на лестницу. Посмотрим, к кому он!

У Петьки глаза вылезли из орбит, когда маршал направился к их двери.

- Сергей Петрович? Это вы...???- заикаясь, произнёс он.

- Может быть, ты меняпустишь, - Сергей Петрович улыбнулся.

Увидев маршала, обомлели обе женщины. Когда они пришли в себя, Сергей Петрович сказал:

- В то время, когда обстоятельства свели нас, я был генерал-лейтенантом, недавно стал маршалом.

Закончив отвечать на вопросы Петьки по многочисленным орденам на мундире, Сергей Петрович сказал довольно жёстко:

- Чтобы заслужить награды и чего-то в жизни достигнуть, нужно, прежде всего, много и хорошо учиться. Тебе понятно?! А сейчас произведем разоружение. У вас есть мешок? - спросил он Лидию Ивановну.

Та с удивлением протянула маршалу большой пластиковый мешок.

- Ну-ка, Петр, всё оружие: режущее, колющее, пневматическое, все рогатки и прочее, всё быстро в мешок, - строго сказал он. Петька на удивление матери и бабушки без сопротивления расстался со всем этим своим сокровищем.

- А теперь кругом, шагом марш в свою комнату! - строгим голосом продолжал Сергей Петрович, - Мы с тобой ещё серьёзно поговорим чуть позже, а сейчас я должен поговорить об очень важном с твоей мамой.

- Вы меня пугаете, Сергей Петрович, - разволновалась Татьяна Ивановна. - Я боюсь, что вы сейчас предложите отправить Петю в Суворовское училище, а мне не хочется расставаться с ним.

- Нет, я о другом. Уже 4 года, прошло с тех пор, как я потерял жену после её тяжелой болезни.

- Как? Мы ничего не знали! Почему же вы с нами не поделились? - всполошились женщины.

- Я не хотел вас обременять своими переживаниями. Вам и так хватает ваших проблем. Но продолжу. Мы ведь уже знакомы много лет. Я привязался к вашей семье. Все вы, включая нашего шалопая, - он указал на комнату Петьки, - стали мне небезразличны. И потому..., и потому я предлагаю вам, - он обратился к Татьяне Ивановне, - ещё больше объединить наши усилия по воспитанию Петьки и сделать их регулярными.

- Я не совсем понимаю,- смутилась Татьяна Ивановна.

- Дорогая Татьяна Ивановна, выходите за меня замуж! - с прямолинейностью военного произнёс Сергей Петрович. - Я уверен, что совместными усилиями мы сумеем воспитать Петьку хорошим человеком. Как когда-то было сказано: "Победа будет за нами".

2008 г.

ПРОШУ ПРИНЯТЬ МЕНЯ...

Славнов проснулся, когда чуть начало светать. Какое-то время оставался в постели, стараясь снова заснуть. Но бесполезно. Тихо, чтобы не разбудить спящих жену и сына, вышел на балкон. Закурил. Было раннее утро, улица пустынна. Всё ещё отдыхало от вчерашнего жаркого дня. От неостывшего за ночь асфальта, обильно смоченного водой только что прошедшей поливальной машины, поднимался лёгкий пар. Для всех начинался обычный летний день, но не для него — Славнова. Сегодня ему предстояло принять очень важное решение, которое может изменить всю его дальнейшую жизнь, да и не только его...

Вчера состоялся не выходящий из головы разговор с парторгом отдела. Екатерина Ивановна, убедившись, что они в комнате одни и никто не может их слышать, начала так:

— Ну сколько ещё можно с этим тянуть? Дима, вы же умный человек и понимаете ситуацию, — она доверительно коснулась руки Славнова, — понимаете, что без этого не может быть роста. Скоро будет рассматриваться вакансия на должность старшего научного сотрудника. Мнение партийной организации будет многое определять.

Славнову тогда припомнилось, как некоторое время назад он встретил своего бывшего однокурсника. Тот, узнав, что Славнов недавно защитил диссертацию, поздравил его, затем спросил: “Ты вступил в ряды ...? Нет?” И, не став

больше выслушивать Славнова, продолжил: “Напрасно! Без этого не сможешь продвигаться. Год назад у нас была вакансия на должность заведующего сектором. Кроме меня было ещё два претендента. Один нацмен с типичным носом. Другой более старший и более опытный исследователь, чем я, но беспартийный. Выбрали меня. Первое время было как-то неудобно перед обоими, особенно перед более опытным. Но потом всё прошло. Я же не виноват. Не я выбирал. И вот уже почти год руковожу сектором с соответствующим окладом. Так что вступай поскорее. Не будь дураком!”

– Ну так что, Дима? Да или нет? – продолжала Екатерина Ивановна, заглянув Славнову в глаза.

“Я её понимаю, – подумал Славнов, – у неё свои интересы: нужно выполнять план по приёму. Но и в отношении меня она права: у меня нет альтернативы.”

– Да, – выдавил он.

– Ну и замечательно! Я сама дам рекомендацию. На этой неделе, не позже, жду заявления.

“Ну что же, пойду писать...” – решил Славнов, затушив сигарету. Он тихо пробрался в крохотную кухню их однокомнатной хрущевской квартиры. Положил на обеденный стол, который одновременно служил и его письменным столом, когда не использовался по прямому назначению, лист бумаги.

“Что я делаю?” – рука буквально отказывалась писать. Нахлынули воспоминания. 1937 год. Он мальчишка. Их, второклассников, заставили клеивать в учебниках истории фотографии прославленных маршалов. Тухачевский, Блюхер,

Егоров ...– эти люди награжденные таким количеством орденов – враги народа? Это не укладывалось в голове. В их подъезде из 12 квартир были арестованы хозяева девяти. Он никогда не забудет, как на его глазах в кузов грузовика швыряли, как дрова, книги зам.наркома финансов, с сыном которого, начитанным и приветливым мальчиком, он дружил. Вскоре, как и его отец, исчез и мальчик. А во всех девяти квартирах появились новые жильцы. В том же году арестовали брата мамы, доброго и всегда улыбающегося, дядю Шуру. Его красавица жена, тётя Надя, осталась вдовой, а его сын – без отца.

А, как недавно плакала его, Димина жена, когда получила извещение что реабилитирован её отец – простой инженер, работавший на заводе. В извещении было написано, что он (молодой и здоровый мужчина, арестованный в 1938 году) умер от сердечного приступа в 1941 году. Хотя давно уже было известно, что всех арестованных и осуждённых на сроки по пресловутой статье, просто расстреливали. Возмущению жены не было предела: в бумаге ни слов сочувствия, ни извинения, а само извещение напечатано на клочке бумаги. Такова цена человеческой жизни.

И вот он Славнов пишет заявление о приёме в эту партию, которая вскармливала палачей. Партию, державшую десятилетиями народ на положении полукрепостных крестьян, партию одурманивающую людей своей беззастенчивой пропагандой, отрезавшую их от всего мира, вынуждающую говорить правду только полупшепотом на кухне под звуки включенного радиоприемника. Что же он делает? Кто победит:

его принципы, его человеческое достоинство, или ...?

“Вступай, вступай! – при каждой встрече твердит ему тесть. – У нас только комунякам дорога. Если хочешь блага своей семье, вступай. Иного не дано”. Он не может, не имеет права забывать о тех за кого в ответе: сын скоро пойдёт в школу. Через несколько месяцев у них родится ещё ребёнок. Как обеспечить им нормальное существование? Вспомнилось, как только вчера жена в очередной раз вернулась от соседки – буфетчицы со взятой в долг мятой пятёркой. Как она, почти плача, сказала: “Когда же всё это кончится?”

С горечью в сердце, сцепив зубы, Славнов начал писать: “Прошу принять меня ...”

2009 год.

МЕЧТА ИДИОТА

Сергей был в прекрасном настроении. Только что купил в ЦУМе велосипед и сейчас бережно катил его по тротуару. “Сбылась мечта идиота, – улыбаясь, думал он, – в 27 лет впервые сяду на велосипед. Ну что же. Лучше поздно, чем никогда. Велосипед – это уже что-то. Конечно, иметь мотоцикл несравнимо лучше, но это несбыточно для молодого инженера”.

Вскоре он обратил внимание на идущую впереди него девушку. Она была довольно высокой, может быть чуть ниже Сергея. Светлые длинные волосы доходили до лопаток. Тонкую талию опоясывал ремешок, делающий фигуру ещё более рельефной. Даже низкий каблук туфель не мог не подчеркнуть стройность ног. Сергей невольно залюбовался. С огорчением подумал: “Не везёт мне – не встретил ещё ту, которую полюбил бы по-настоящему и которая ответила бы мне взаимностью”. Эти мысли невольно отвлекли Сергея от велосипеда. Взгляд его целиком сосредоточился на лёгкой фигурке девушки.

Через плечо девушки был перекинут ремешок, на котором висела крохотная сумочка – кошелек. Под мышкой она держала картонную коробку, обернутую в разноцветную бумагу. “Наверное что-то купила в Детском мире,” – решил Сергей.

Вдруг девушка охнула, остановилась и, наклонившись, начала массировать лодыжку. При этом она выронила коробку, а когда нагибалась, то на мгновение обнажилась намного выше колена её стройная нога, что не могло не взволновать Сергея.

– Что случилось? Могу ли я чем-нибудь помочь? – спросил он, подойдя к ней. Девушка обернулась. И тут он увидел её глаза- голубые, голубые. В них была растерянность и боль. Он ещё никогда не видел, чтобы глаза так передавали состояние человека. Он был потрясён.

– Может быть вам нужен врач?

– Нет. Нет. Это скоро пройдёт. Со мной так уже бывало.

– Давайте я остановлю вам такси.

– Нет спасибо. Такси мне не подходит. Я живу за городом и сейчас направляюсь к Казанскому вокзалу.

– К Казанскому? И мне туда же. Вот купил велосипед и теперь везу его домой. Вынужден идти пешком, в транспорт с ним никуда не пускают. Знаете что! Раз нам по пути, давайте поступим так: вы сядете на велосипед, а я вас повезу, идя рядом.

– Да что вы! – девушка смутилась. – До вокзала так далеко!

– Мне это, правда, не тяжело. Садитесь, пожалуйста.

– Но почему вы не едете на нём сами, а идёте пешком?

– Мне стыдно признаться, но я не умею на нём ездить. Это мой первый велосипед, так сложилось. Садитесь, садитесь.

– Мне очень неловко затруднять вас.

– Ерунда. Я буду рад помочь вам.

Когда они двинулись, укрепив коробку на багажнике велосипеда, девушка немного успокоилась – видимо острота боли прошла.

– Он такой красивый! Так мне нравится! – сказала она, поглаживая никелированный руль, – у меня никогда не было велосипеда. Родители не

имели средств. Заработки маленькие, а семья большая. Поэтому я тоже не умею на нём ездить. – продолжала она, словно ставя знак равенства между ними в этом вопросе. Нынешним летом после окончания 9-го класса, я поработала в пионерлагере вожатой. Немного скопила денег и сегодня купила сестре подарок. Ей исполняется 10 лет, и такой красивой куклы у неё не было никогда. Она будет счастлива.

Во время долго пути через Кировские и Красные ворота к Комсомольской площади Сергей и Женя – так звали девушку – успели о многом переговорить и многое узнать друг о друге.

Девушка нравилась Сергею всё больше. В какие-то моменты, чтобы сохранить равновесие, она невольно опиралась на Сергея, и касание её груди его безумно волновало.

Однако путь оказался не столь лёгким, как можно было ожидать, и Сергей порядочно устал, пока они добрались до цели. Перед входом в вокзал Женя сошла с велосипеда.

– Нога почти совсем прошла! Как это замечательно!

– Наша электричка только что ушла. До следующей минут 40, – сказал Сергей галантно усаживая девушку на скамейку и вытер потный лоб. – Пойду куплю билеты.

– Мне не нужно: у меня проездной.

– У меня тоже, но этому красавцу нужен багажный.

Заглянув в кассовый зал, где было полно народа, Сергей понял, что ему с велосипедом не протиснуться к окошку кассира. После некоторого раздумья он вернулся к Жене и оставил ей велосипед, ещё раз с восхищением взглянув на него.

— Пожалуйста, присмотри за ним.

Девушка посмотрела на Сергея широко раскрытыми глазами, но ничего не сказала.

Стоя в очереди в кассу, Сергей думал: “Какая чудесная девушка! Может быть мне наконец повезло и она та, которую я ждал? Конечно между нами разница в 10 лет. Но это не должно быть помехой! Она живет на соседней станции. На велосипеде каких-нибудь 20 минут. Они смогут часто видиться. У меня такое впечатление, что я ей тоже понравился. А какие у неё глаза! Им предстоит ещё целый час езды. Он сможет сидеть напротив неё, любоваться, говорить, говорить, держать в своей руке её руку. В предвкушении всего этого замирала душа.

Когда через 10 минут Сергей вернулся, то с изумлением обнаружил, что ни Жени, ни велосипеда нет. Он несколько раз выбегал на платформу, возвращался в зал ожидания. Всё было напрасно.

Стало очевидным, что больше он никогда не увидит Женю. Но как такое могло случиться?! Произошедшее было просто невероятным! Он допускал мысль, что Женя не хотела продолжать знакомство. Но об этом она могла бы сказать, поблагодарить за то, что выручил, и уйти. Но так сбежать... Это совсем не вязалось с её милым личиком и чистыми глазами. Сергей был поражён несовместимостью случившегося с тем, что видел и чувствовал совсем недавно.

Ушёл один поезд, второй, третий, а он, всё ещё на что-то надеясь, стоял около скамейки, у которой оставил Женю и велосипед, нервно теребя уже не нужный багажный билет.

2008 г.

ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ АБРАМОВИЧА

День выдался на редкость суматошным, и Абрамович вернулся домой позже обычного. С утра и до самых сумерек заведующий комбинатом общественного питания Абрамович мотался по базам. Он выбивал дефицит — мороженое мясо, рыбное филе и другие продукты, необходимые для бесперебойной работы столовых, в которых кормился весь мединститут.

Уже 23 года он занимал эту высокую должность. Совсем не легко, когда под твоим началом трудится более 100 человек работников питания. И все эти годы начальство было им довольно, и студенты были сыты. На базах все его знали, шли навстречу всем его просьбам, поэтому хоть сегодня особенно нервничать не пришлось, но Абрамович всё же устал.

Посетовав на отдышку — о этот лишний вес! — Абрамович начал облачаться в домашнюю пижаму. За этим занятием его застал звонок. Звонила секретарша ректора.

— Соломон Маркович! Приглашаю Вас на совещание к САМОМУ. Завтра в 8.00.

— Боже мой! Оксаночка, вы меня пугаете! Ведь раньше совещания не начинались ранее 10 часов. Случилось что-нибудь сверхъестественное?

— Как, вы ничего не знаете?

— Я сегодня не был в институте. Целый день на базах. Пришлось попотеть, чтобы достать кое-какой дефицит.

– Так вы ничего не знаете?!! У нас ЧП: иностранные студенты объявили забастовку – бойкотировали все занятия. Завтра на разборку приезжает из Киева зав. Управлением учебных заведений ЦК КПСС Украины. Что будет!

– А при чём здесь я? Наверное, моя персона на этом совещании ни к чему?

– У меня список обязанных явиться, который мне продиктовал САМ. Вы там фигурируете, так что до завтра.

– Какое отношение я имею к этому инциденту с иностранцами? – терялся в догадках Абрамович. Никакого!

Но всё же он начал нервничать, плохо спал и на следующее утро, разбитый и осунувшийся, в 7:45 был уже в институте.

Абрамович уже давно выработал для себя определённую линию поведения при общении с начальством. Что касается совещаний, то на них какие бы то ни были на то причины, никогда нельзя опаздывать. Но и приходить намного раньше тоже не следует. Сидишь, мозолишь глаза разным начальникам, и у них могут родиться идеи, как тебя зацепить, если даже это раньше не планировалось. Оптимально нужно появляться за пять минут до начала. Поэтому в распоряжении Абрамовича оставалось ещё немного времени. “Загляну-ка я в начальственный туалет, – решил он, – тем более ещё неизвестно, как долго придётся заседать”.

Этот туалет, расположенный недалеко от приёмной дирекции, все называли “Начальственным,” так как на этом этаже не было учебных аудиторий, только кабинеты начальства. Соответственно посетителями туалета были в

основном хозяева кабинетов. По этой причине данное заведение резко отличалось от других многочисленных институтских туалетов чистотой и даже некоторым уютом. Чистота и порядок в нем были предметом постоянной гордости непосредственного начальника Абрамовича — проректора по административно-хозяйственной части Иванова.

Посещение туалета вызвало у Абрамовича воспоминания о событии, имевшим место быть где-то полгода назад. Тогда его страшно напугал экстренный вызов к прокурору.

Шло расследование должностных преступлений работников торговли и питания. Тщательно проанализировав всю свою деятельность за предшествующие несколько лет и ещё раз убедившись, что за ним больших грехов нет, а лишь мелкие грешки (у кого их не бывает), Абрамович несколько успокоился. Однако, по дороге в прокуратуру раз десять забежал в туалет, а в кабинет вошел бледный с трясущимися руками. К его удивлению, прокурор, известный своей жестокостью, встретил Абрамовича с улыбкой.

— К нам на днях прибудет комиссия из самой Москвы. Нужно хорошо угостить товарищей. Я слышал, что вы большой мастер по организации банкетов. Можете устроить его в одной из столовых вашего института?

— Конечно! Буду очень рад сделать это для вас.

— Вот и хорошо. Но чтобы продукты были самого высокого качества — с рынка, а напитки — самые лучшие. Мы с вами потом рассчитаемся.

— Всё обеспечу в самом лучшем виде!

Банкет прошел на высоте. Подвыпивших, весёлых гостей поздней ночью развозили по

гостиницам на “Волгах” из прокуратуры. Прошло несколько дней. Из прокуратуры ни звонка с благодарностью, ни тебе оплаты за банкет. Выждав ещё пару недель и поняв, что оплаты не будет, Абрамович собрал заведующих цехами и предложил скинуться. Притом он первым достал из кармана и положил на стол пачку денег. Никто не стал возражать: кому хочется ссориться с прокуратурой? Абрамович не был особенно огорчён, хоть и расстался с хорошенькой суммой денег. “Вот и на этот раз, – успокаивал себя Абрамович, выходя из начальственного туалета, – наверняка я волнуюсь напрасно.”

Ровно в 7:55 он уже входил в кабинет ректора, миновав стол за которым восседала длинноногая красавица Оксана. И хотя Абрамович был очень озабочен, он не мог не позволить себе послать этой красотке воздушный поцелуй. За что тотчас был награждён милой улыбкой.

В кабинете уже были почти все приглашенные: проректоры, деканы, их заместители, заведующие кафедрами, старейшины землячеств иностранных студентов, комендант общежития.

“Зачем здесь Гунтмахер?” – подумал Абрамович, прошел в дальний угол и сел рядом с ним. В огромном кабинете стояла напряженная тишина, нарушаемая иногда настороженным шушуканьем.

Но вот напольные часы пробили 8 часов. Однако заседание не начиналось. Было видно, что нервничает и сам ректор. Напряженное ожидание продолжалось ещё минут 15. Наконец дверь широко отворилась, и в комнату вошла, вернее, ввалилась высокая дородная женщина с мрачным каменным лицом. Строгая чёрная одежда

подчёркивала её суровость. “Ну просто Васса Железнова”, – подумал Абрамович. Все встали. Ректор выскочил из-за своего стола, подбежал к вошедшей и подобострастно пожал небрежно протянутую ему руку. Затем он проводил женщину к специально поставленному для неё мягкому креслу, в которое она тяжело опустилась.

– Мария Ивановна, разрешите начать? – вкрадчивым голосом спросил ректор. Та слабо кивнула головой.

– Прежде всего, я хочу представить вам присутствующих здесь работников института.

И ректор начал перечислять, называя фамилию, имя и отчество каждого. Когда дело дошло до Абрамовича и коменданта общежития, то были названы только фамилии.

“Видимо, чтобы не дразнить гусей”, – подумал Абрамович, заметив, как передёрнулось лицо Марии Ивановны при упоминании его фамилии.

– А сейчас хочу предоставить слово представителям землячеств, пускай они объяснят причину такого странного поведения иностранных студентов, которое всех нас удивило и потрясло. Конечно же, наши сознательные советские студенты никогда бы не позволили себе сорвать учебный процесс.

Со своего места резко поднялся старейшина студентов из Индии – белозубый, смуглолицый, очень худой юноша с чёрными, как смоль, волосами.

– Я хочу сказать ...

Мария Ивановна резко прервала его взмахом руки. Опытный партийный работник, она, видимо, имела заготовленный план действий, как “спустить

пар” у взбунтовавшихся студентов, направить их эмоции в нужное русло.

– Мне уже всё ясно, – начала Мария Ивановна хорошо поставленным голосом оратора, умеющего убедить аудиторию в чём угодно.

– Вот я гляжу на вас, замечательных молодых людей, приехавшим к нам набираться знаний, чтобы потом бескорыстно и преданно служить своему народу, лечить больных, облегчать страдания детей и стариков. Уже несколько лет вы живёте вдали от своей родины, от своих близких и мне по человечески понятны ваши трудности. Я хочу обратить внимание присутствующих: какие они все худые и мне абсолютно ясно, что причина их недовольства – недостаточно хорошие бытовые условия. Главное же, что переполнило чашу их терпения – плохое питание, в чём виноват и за что ответит Абрамович. – С этими словами Мария Ивановна бросила угрожающий взгляд в сторону Абрамовича. Тот весь сжался, неуклюже прикрывая свой упитанный животик руками. Сделав паузу, Мария Ивановна продолжала:

– Но мы всё это исправим. Мы сделаем всё необходимое для улучшения ваших бытовых условий, наши дорогие иностранные студенты, чтобы конфликт был исчерпан. А виновных мы непременно накажем.

Испепеляющий взгляд Марии Ивановны теперь был обращен не только на Абрамовича, но и на Гунтмахера.

“Как эта баба всё повернула! – в ужасе подумал Абрамович. – По сути дела получается, что и “овцы целы и волки сыты”. Вот и найдены козлы отпущения и, конечно, это евреи. Всем хорошо, просто замечательно”.

Между тем Мария Ивановна обвела присутствующих работников института победным взглядом. В нём можно было прочесть: вот как надо работать – быстро, напористо, не размазывая найти и устранить причину конфликта.

Ректор с восхищением взглянул на Марию Ивановну и начал думать, как завершить совещание. Пожалуй, оставалось только получить заверение студентов, что они удовлетворены, прекратят забастовку и завтра приступят к занятиям. Поэтому он с удовольствием предоставил слово худому индийцу, которого прервала Мария Ивановна.

– Уважаемая госпожа, простите я не знаю, как вас называть, заблуждается. Причина нашего недовольства, принявшего столь крайние, но вполне принятые в цивилизованном мире формы, не в плохом питании. Мы с полным основанием можем утверждать, что в нашем институте питание значительно лучше, чем в других. Пища вкуснее и калорийнее. За что мы очень благодарны господину Абрамовичу. Да и общежитием мы довольны. Дело в другом. Как правильно сказала уважаемая госпожа, мы приехали сюда учиться, учиться медицине, чтобы стать врачами, которых так не хватает в наших странах. А что мы имеем? В наших учебных программах огромное время отведено изучению истории КПСС, классиков марксизма-ленинизма, политэкономии. Именно это и вызывает протест. Наши страны платят вам золотом, чтобы из нас готовили не коммунистических агитаторов, а врачей. Нам не интересны и чужды история становления КПСС, большевики, меньшевики и прочее. Перестаньте засорять наши головы этими бесполезными для нас

предметами, которые отвлекают нас от получения нужных нам знаний в области медицины. Мы не прекратим нашу забастовку, пока не получим заверения, что будем избавлены от изучения бесполезных для нас дисциплин.

Застигнутый врасплох таким оборотом событий, ректор с ужасом взглянул на Марию Ивановну. Её лицо покрылось красными пятнами, лоб взмок.

– Отпустите этих, – Мария Ивановна сделала жест в сторону Абрамовича и Гунтмахера.

– Если к Абрамовичу и Гунтмахеру нет вопросов, то они могут быть свободны, – неуверенно произнёс ректор и устало опустился в кресло. Предстоял долгий и трудный разговор.

Дома Абрамович, тяжело дыша, стал привычно облачаться в пижаму. Его жена молча стояла рядом, терпеливо ожидая, когда муж начнёт говорить. Когда процедура переодевания была закончена, Абрамович заговорил:

– Знаешь, Сарочка! Я сегодня мог запросто вылететь с работы и загреметь под суд, хотя не имел к делу никакого отношения. Я с горечью думаю, что в этой стране, что бы ни случилось, всегда будут виноваты люди с моей фамилией. Так было, так есть и так, наверное, будет всегда.

2000 г

КАК БРОСИТЬ КУРИТЬ

Николай возвращался из длительной командировки. Работа там была нервной и изматывающей. Перспектива отдохнуть, выспаться стала реальностью, когда удалось достать билет в спальный вагон. “Только бы соседом по купе была не дама или любитель выпивки, – подумал Николай. – Сейчас не хотелось ни интрижек, ни возлияний”. И вот повезло: его попутчиком оказался пожилой мужчина приятной наружности. Как это обычно бывает, разговорились. В 1993 году в разгар приватизации было о чём поговорить.

Из-за напряжённой работы Николай стал курить ещё больше. Часто выходил из купе, чтобы выкурить очередную сигарету. Когда, в который уж раз, он достал сигареты и, извинившись, хотел покинуть купе, сосед попросил его остаться.

– Вы очень много курите. Думаю, излишне говорить вам, как это вредно. К сожалению, мы начинаем думать о своём здоровье, когда оно уже потеряно. Хотите расскажу вам, как я бросил курить? – и новый знакомый посмотрел на Николая каким-то странным испытующим взглядом. Николай в этот момент почувствовал, что желание закурить прошло, и спрятал сигареты.

Дело было довольно давно. В ту пору я был ещё молодым человеком. После окончания аспирантуры и защиты диссертации у меня от переутомления возникли боли в сердце. Вскоре я попал на отдых в Кисловодск. Через неделю мой лечащий врач категорически заявил, что никакое

лечение мне не поможет, если я не брошу курить. А курил я, действительно, много. В основном сигареты “Дукат”, в маленьких оранжевых пачках. Были они, естественно, без фильтра. Пальцы, которыми держат сигарету, всегда были желтыми и пахли никотином. Поскольку я сказал врачу, что бросить курить не смогу, он решил послать меня на прием к гипнотизёру.

К гипнозу я относился скептически ещё со студенческих лет в медвузе, где учился на хирурга. У нас состоялся долгий и довольно нелिцеприятный разговор. Знаете, когда спорят два врача (хотя тут я был пациентом) – это всегда ужасно. Я дошел до того, что назвал все эти психотерапевтические штучки чуть ли не шарлатанством. В ответ в деликатной форме мне указали, что я невежда. В конечном итоге, скрипя зубами, будучи в полной уверенности в бесполезности, я согласился попробовать.

На следующий день, думая, что напрасно теряю время, я постучался в дверь кабинета врача. Из-за стола поднялся и пошел мне навстречу очень пожилой человек. Его приятное интеллигентное лицо украшала профессорская бородка и усы. Пышные седые волосы венчала белая медицинская шапочка. В вырезе белого халата виднелся идеально накрахмаленный воротничок рубашки и элегантно завязанный красивый галстук. Приятно улыбаясь, старик протянул мне руку для приветствия. Это было неожиданно. Я никогда не видел, чтобы так встречали пациентов.

Тем не менее, агрессивно настроенный, я тотчас выложил доктору всё, что думал о психотерапии”. Кроме того я совершенно уверен, что не поддаюсь гипнозу, так что вся эта затея

бесполезна," – выпалил я в заключение. Услышанное, казалось, совсем не огорчило старика. Он продолжал также дружелюбно улыбаться.

– Я никогда не спору с теми, кто ко мне приходят, – ответил доктор. – Это не в моих правилах. Кроме того, я вижу, что вы действительно не тот человек, которого можно загипнотизировать. Так что вы правы. У нас ничего не получится. Но у меня к вам одна просьба.

Старик доверительно наклонился к моему уху и перешел на полупшепот.

– Как вы видите, я довольно преклонного возраста, и там, – он указал пальцем наверх (этажом выше размещался кабинет главврача), – уже давно хотят отправить меня на пенсию. Если вы сейчас сразу отсюда уйдёте, то там будет повод для нового разговора о том, что старик уже не справляется и ему пора на отдых. А у меня, знаете, внучка учится в институте, и мне нужно её поддержать ещё хотя бы пару лет. Поэтому я вас прошу: мы просто посидим, поговорим, а там – он снова поднял палец вверх, – будут думать, что я работаю.

Мне стало жаль этого милого старикана, да и спешить мне было некуда, и я согласился. У стола друг против друга стояли два больших мягких кресла, мой собеседник опустился в одно из них и жестом пригласил меня сесть в другое. Я сел и сразу почувствовал себя комфортно. Оглянувшись вокруг. Большой полированный стол был абсолютно пуст. Ни бумаг, ни чернильниц – ничего. Стены заставлены стеллажами с книгами. В углу на тумбочке – ваза с красивыми, пышными цветами. Тёплый ветерок теребит на окнах

кисейные занавески. Всё это совсем не напоминало казённый кабинет врача. Скорее кабинет учёного, в котором было по-своему уютно. Меня охватило чувство спокойствия, позабылось всё, что ещё несколько минут назад вызывало раздражение. Я полностью расслабился.

– Как вы себя чувствуете? – услышал я приятный голос старика. – Вам хорошо?

– Да.

– Вы чувствуете себя комфортно?

– Да.

– Вы чувствуете тепло кресла?

– Да.

– Вам хочется расслабиться, отдохнуть, закрыть глаза?

Через несколько минут я, как говорится, отключился. Человек, к которому я пришел с такой неохотой, оказался превосходным мастером своего дела. Несколько встреч с ним оказалось достаточно, чтобы я бросил курить навсегда. Но это ещё не всё. Наши встречи многое изменили в направлении моей дальнейшей врачебной деятельности. Если будет время и желание, зайдите когда-нибудь ко мне. Поговорим и, может быть, я окажусь вам полезным.

С этими словами собеседник протянул Николаю свою визитную карточку. Надпись на ней гласила: “Профессор Лазарев – психотерапевт”.

1988 г.

ПИТЕР

Уже несколько суток, словно гигантский утюг, то мерно вздымаясь, то проваливаясь вниз, разламывал на двое упругие волны нос могучего корабля, пересекающего Атлантику. Стемнело, и беззвёздное небо слилось с океаном в единстве тёмных и мрачных красок.

На одной из палуб в полном одиночестве стоял невысокий молодой человек. От не столь холодного, но достаточно резкого ветра, не спасал даже высоко поднятый воротник пальто. Но молодой человек не уходил. Он стоял, крепко вцепившись руками в перила, вглядываясь в окутанную мраком бескрайность, словно желая разглядеть то, что ждёт его там в приближающейся с каждым часом такой же бескрайней, как этот океан, стране.

Пётр Большаков возвращался из США в Советскую Россию после учёбы в Бостонском Технологическом институте. В его чемодане лежал новенький диплом, в котором говорилось, что он успешно защитил диссертацию ему присвоено звание доктора по специальности физическая химия.

Закончилось 2-х летнее пребывание в стране, в которой многое в первый момент казалось ему непонятным и удивительным. Но, чем дольше он там жил, тем яснее ему становилось, почему в этой стране так стремительно развивается промышленность, наука и техника, почему она настойчиво отвоёвывает передовые позиции у

старушки Европы. Умение много и результативно работать, заинтересованность в результатах труда, деловитость, предприимчивость американцев, их целеустремлённость – всё это сильно отличалось от того, что было на Родине.

Со временем он стал воспринимать как должное минимум затрат времени на бытовые проблемы: утром у дверей своей комнаты он находил заказанные им с вечера продукты. Уходя в лабораторию, у дверей оставлял грязное бельё, а вечером там же забирал отстиранное и выглаженное. Вскоре по прибытии в США он взял в рент практически новую машину, которую сдал, уезжая, заплатив за это умеренную сумму. Каждый вечер он оставлял машину в гараже в 2-х шагах от дома, а утром забирал её вымытой и заправленной бензином. Однажды машина заглохла на улице. Уже через пять минут после звонка подъехал мастер, который устранил неисправность. К хорошему быстро привыкаешь. Все эти бытовые удобства радовали Большакова вдвойне, поскольку они давали возможность уделять максимум времени науке.

Большаков был поражен скоротечностью процесса подготовки к экспериментам и организации самого процесса исследования. Лабораторная установка была создана им за неделю! То, на что дома уходили месяцы, было осуществлено за несколько дней! Это было поразительно! По его заказу буквально на другой день представители разных фирм доставили приборы и оборудование и продемонстрировали их исправность. Не было никаких проволочек и проблем.

Большаков с энтузиазмом приступил к проведению экспериментов. Все операции он осуществлял сам – никаких лаборантов и техников в помощь. Это требовало большего напряжения, зато давало опыт и уверенность в надёжности результатов. В помещении, где была установка, не было даже стула – никаких отвлечений от установки, приборов – работать нужно было стоя, динамично, напряжённо. Зато в комнате рядом: столы, стулья, тишина – всё, что необходимо для расчетов и осмысливания результатов опытов. Продуманность и организованность всего процесса исследований поражала, не могла не импонировать.

Но как быстро пролетели эти два года, в течение которых Большаков подготовил свою диссертационную работу и попутно овладел английским языком. Настал день, когда он пришел попрощаться со своим руководителем – учёным с мировым именем.

– У вас блестящие способности, – обратился к нему седой профессор, – завидное трудолюбие, хорошие руки. Я хочу сделать вам предложение, которого удостаиваются немногие. Предлагаю остаться работать здесь, в этих стенах, со мной. Вы могли бы продолжить начатое направление исследований. Уверен, вас ждёт успех. Что касается материальной стороны, то, думаю, вы в праве рассчитывать на достаточно высокое вознаграждение, которое обеспечит вам хорошую кредитную историю и потому в скором времени вы сможете приобрести жильё и вести достойный вас образ жизни. Боюсь, что совсем другой вас может ожидать там, в России..., – профессор указал на газету, лежавшую на его столе.

Большаков регулярно читал американские газеты. Вначале все, что писалось о ситуации в

России, о зверствах НКВД, он воспринимал, как буржуазную пропаганду. Но сообщения становились всё мрачнее, репрессии расширялись, расправы становились всё более жестокими. Такое нельзя было придумать, и Большакову стало ясно, что многое имеет место. Особенно его потрясло, когда в числе репрессированных “врагов народа” были названы имена людей, верность которых делу революции у Большакова не вызывала никаких сомнений.

“Равенство, свобода, братство” – эти слова не были для Большакова просто лозунгом. Это был пламенный призыв, на который он откликнулся всей душой, всем сердцем и без колебаний ещё юношей встал под знамёна революции.

Оторванный от дома, он не мог сам себе объяснить всего того, что происходит там сейчас. Но вера в торжество идей социализма в нем не ослабевала. “Лес рубят – щепки летят,” – утешал он себя известной поговоркой. Ни на минуту не забывал напутственные слова замнаркома перед отъездом в США: “Вам оказано большое доверие. За вашу учёбу мы заплатили большие деньги. Их сейчас так не хватает нам для покупки продовольствия, лекарств. Но мы идём на эти жертвы во имя будущего. Учитесь прилежно и возвращайтесь в готовности двигать вперёд нашу науку”.

Что мог ответить Большаков на предложение своего научного руководителя? Ничего, кроме благодарности за высокую оценку его персоны. И вот теперь, с каждым часом приближаясь к России, он не мог не думать о своём будущем. Ему уже 35, пора создавать семью, заводить детей. Он полон сил, располагает необходимыми знаниями, чтобы успешно работать, хочет работать, любит выбранное дело, но как сложится жизнь...?

Прошло несколько десятков лет. Однажды утром сотрудников одного из Московских институтов в фойе перед проходной встретило траурное объявление. Оно гласило, что скончался один из старейших сотрудников института кандидат химических наук Большаков.

Кто-то на мгновение останавливался и снимал шапку, глядя на фотографию в траурной рамке, кто-то подходил поближе, чтобы прочесть написанный мелкими буквами текст. Некоторые, преимущественно молодые, проходили без остановки, лишь на мгновение, фиксируя в сознании: “Опять кто-то умер из стариков”.

Через несколько дней состоялись похороны. Накануне в Комитет комсомола вызвали несколько крепких, рослых парней.

- К вам общественное поручение, - обратился к ним секретарь, - партком просит помочь им в похоронах - некому выносить гроб. На завтра вы освобождаетесь на весь день от работы.

После завершения печальной процедуры, когда все начали расходиться, один из парней, не так давно работающий в институте, поинтересовался:

- Кто-нибудь может рассказать хоть немного о Большакове, а то, как получается, - принимал участие в похоронах, а о том, какого человека похоронили, кроме фамилии, ничего не знаю.

Все то ли спешили домой, то ли мало знали об умершем, поэтому промолчали. Откликнулся лишь один, одетый не слишком тепло для прохладного осеннего дня.

- Мы с Большаковым работали в одной лаборатории. Кое-что могу рассказать... Но если не возражаешь, давай зайдём куда-нибудь, посидим, в тепле, возьмём пива...

- Ну, что тебе рассказать, - начал он, когда ребята устроились за не слишком чистым столом какой-то забегаловки, потягивая пиво прямо из горла бутылок.

Как учёный он был довольно известным в своей области - лауреат Сталинской премии. Однако по служебной лестнице высоко не поднимался, несмотря на большой партийный стаж. Я не знаю причин. Может быть, из-за своего несолидного вида? Был он маленького роста, щуплый, с некрасивым простым лицом, большим носом картошкой, изъеденным оспой, маленькими узкими глазами, редкими волосами не то русыми, не то седыми. Одевался очень просто. Даже сверхскромно. В ненастную погоду носил давно вышедшие из моды калоши. Имел неприличную привычку подтягивать брюки, как будто терял их.

Был он замкнутым человеком. Неохотно шел на контакты. Никогда не ходил в столовую - что-то разогревал на плитке из принесённого из дома. Никогда ничего не рассказывал о себе. Ни с кем на работе не был близок. Также скромно он жил. Всю жизнь в общей квартире со множеством соседей и лишь за несколько лет до смерти переехал в хороший дом в квартиру, где его соседями была всего одна семья. В общем, внешне заурядная, серая личность.

В то же время мне рассказывали о его героическом прошлом. Не знаю, правда это или нет, но он якобы служил в гражданскую войну в Красной Армии. В качестве разведчика был заслан

в Самару, где обосновались белочехи. За хороший почерк был зачислен в штаб писарем, откуда регулярно передавал своим важные сведения. Много дней как бы балансировал на острие ножа, проявляя завидное хладнокровие и мужество. Каким-то чудом узнал о своём провале. Накануне ареста ночью бежал. Потом воевал с басмачами в Средней Азии. Был награждён высшей в то время наградой – орденом “Красного Знамени”. Получил ранение. Лечился в Москве, а затем пошел учиться и закончил химико-технологический институт. В числе наиболее способных и, одновременно, преданных революции, был направлен на учебу в США. Проучился там два года и вернулся хорошо подготовленным исследователем, а затем всю жизнь проработал в нашем институте.

Его дотошность и скрупулезность при подготовке экспериментов была просто феноменальной. Однажды я был свидетелем того, как он сваривал термопары. Казалось, чего тут может быть проще: скрутил два зачищенных конца проводов и ткнул в электрод. Так нет, Большаков повторял эту процедуру с одними и теми же проводами раз десять, после каждой сварки тщательно рассматривал спай в увеличительное стекло, срезал его, неудовлетворённый результатом, повторял сварку вновь и вновь, пока не убедился, что спай получился нужной формы, нужных размеров, а, главное, хорошо проваренным. Пайку серебром при сборке установки производил с ужасной дотошностью сам лично. Механик, в обязанности которого входило это осуществлять, лишь ассистировал, подавая инструменты. Думаю, что не ошибусь, если скажу,

что лучшего экспериментатора в нашем институте не было.

Расскажу тебе один просто анекдотический случай, который, однако, свидетельствует о выдержке и находчивости Большакова, которые ему, надо полагать, помогали и в гражданскую войну.

Как ты знаешь, мы работаем с горючими и взрывоопасными газами. Периодически нас посещают пожарные инспекторы. Однажды заходит инспектор в комнату Большакова. Стучит вакуумнасос, включены приборы, установка работает. Большаков сидит с дымящейся в мундштуке сигаретой. У инспектора просто глаза вылезли из орбит при виде такого грубого нарушения техники безопасности. Конечно, Большаков не был ни авантюристом, ни невеждой. Он хорошо просчитал, что если бы из установки попал в помещение даже весь находящийся в ней газ, то все равно взрыва бы не произошло, и потому его курение было безопасным. Формально же это было грубое нарушение, влѣкшее за собой административное взыскание и другие неприятности.

Инспектор поднял страшный крик. Большаков сидит, пишет. Никакой реакции. Крик продолжается. Большаков безмолвствует. Такая ситуация длилась несколько минут, пока сигарета не затухла. После этого Большаков спокойно обращается к инспектору: “Что вы кричите и мешаете работать?”

– Вы курите, у вас открытое пламя в руке!

– Где? – удивлѣнно спрашивает Большаков, – Это вы о сигарете? Так она загашена. Можете в этом убедиться.

Инспектор ушел ни с чем.

Но, пожалуй, самым интересным в жизни Большакова было одно событие...

– Что же это?

– Рассказ и так получился очень длинным. Боюсь, что тебе всё это уже наскучило?

– Нет, что, ты! Я слушаю с интересом, а сейчас ты меня прости, заинтриговал. Прошу продолжить, если у тебя ещё есть время, но через минуту. Я только ещё возьму пива.

Важное в жизни Большакова событие, которому я лично для себя не могу найти объяснения, произошло во время его возвращения из Америки в Европу: на борту парохода во время многодневного плавания он встретил девушку – дочку русских иммигрантов, которая после нескольких лет учёбы в США возвращалась к родителям в Лондон. Завязался скоротечный и бурный роман, что совершенно не вяжется с личностью Большакова.

Он закончился тем, что девушка уехала с Большаковым в Россию и стала его женой. Когда мне это рассказали, я просто не поверил: фантастика, сюжет для романа. А, главное, я тебе ещё не сказал, эта девушка, которую звали Маша, была очень красива, голубоглазая с длинными светлыми волосами.

– Я у них там дома видел на стене фотографию очень красивой девушки с длинной косой, может быть, это было она?

– Скорее всего это действительно было её фото. Итак красивая девушка Маша, бросив своих родителей и отказавшись от обеспеченной жизни на цивилизованном Западе, поехала в страшную коммунистическую Россию с невзрачным,

сереньким Большаковым, чтобы всю жизнь скромно, даже очень скромно, прожить в коммунальной квартире, без родственников, которых не было ни у того, ни у другого, не заведя детей, не имея, как мне кажется, друзей и интересной работы.

Всю свою жизнь она посвятила Питеру – так он назвался при первой встрече, и так она его звала всю жизнь. Питер! Он был ей и отцом, и мужем, и ребёнком. Она нежно и заботливо ухаживала за этим щуплым, невзрачным человеком, который не отличался хорошим здоровьем. Он был единственным светом в её окне! Сколько я ни пытался найти мотивацию её решения, это так и остаётся для меня загадкой. Да, жизнь удивительна и не всегда понятна! А ты женат?

– Пока нет.

– Я тоже. И ещё не известно, какие сюрпризы ждут нас. А эту старушку очень жаль. Видно, что она одинока и раздавлена горем. Что с ней теперь будет?

Через несколько дней молодые люди случайно встретились в обеденный перерыв.

– Ты ведь интересовался Большаковым, которого мы хоронили, не правда ли?

– Да. А что?

– Тут такие дела...!

– Расскажи поскорее!

– Во-первых, умерла Мария Ивановна!

– Да, что ты?!

– Старушка прожила после смерти мужа ровно месяц. Наверное, умерла от тоски, поскольку до этого сильно не болела. Получилось почти, как в сказке: они жили долго и счастливо и умерли в один день. О её кончине сообщил их сосед.

Помнишь, когда мы выносили гроб, в приоткрытую дверь высунулся такой рыжий жлоб – это был он. Он явился к нам в отдел кадров и сообщил, что Марию Ивановну уже похоронили, и со словами: “Нам чужого не надо,” отдал коробку с наградами и документами Большакова.

Ты, наверное, знаешь, что сейчас существует положение, что если в коммунальной квартире освобождается комната, её вправе занять соседи, у которых жилплощадь ниже нормы. Так вот жлобина заявил, что теперь в бывшей комнате Большакова будут жить его дети и он уже начал ремонт. А когда в кадрах поинтересовались, что может быть остался архив, научные записи, имущество, наконец, жлобина в ответ сказал: “Все бумаги и барахло мы повыкидывали. Там не было ничего ценного, а тоже мне учёным назывался”. Конечно, они всё присвоили, поскольку не было наследников. Он бы и ордена присвоил, да, видимо, побоялся, что придётся отвечать за это.

– Наверное он с нетерпением ждал этой комнаты и обстановку в квартире создавал соответствующую.

– Скорее всего, это так и было. У нас немало “хороших” людей, которые за копейку готовы перегрызть горло, а за комнату... Ну, ты сам понимаешь!

Но это ещё не всё. Совсем недавно к нам в лабораторию пожаловали представители компетентных органов, рылись в бумагах Большакова, просили вскрыть его сейф. Оказывается, жлобина вскоре после начала ремонта обнаружил под подоконником за батареей тайник, в котором лежал пистолет. Он сильно испугался и сообщил в милицию. Пистолет

оказался заряженным полным боекомплектом, аккуратно смазанным. Было видно, что хозяин хорошо следил за ним. За незаконное хранение оружия Большаков мог схлопотать большой срок. Но не побоялся этого. Он, видимо, вообще ничего не боялся – такой уж был человек.

Я долго думал, зачем ему нужно было оружие, а потом, понял: как человек сильной воли и большого мужества, он хотел всегда быть готовым, если нужно, защитить самое дорогое, что у него было – свою любовь и свою честь. Я уверен, он без колебания направил бы дуло своего пистолета на того, кто сделал бы попытку обидеть Машу. А если бы за ним пришли люди с голубыми петлицами – было такое время, когда могли прийти за любым, тем более за ним, побывавшим в Америке, он отстреливался бы до последнего патрона. Последний оставил для себя. Этот человек не смог бы допустить, чтобы его поставили на колени со связанными за спиной руками в углу мрачного подвала Лубянки в ожидании пули в затылок.

Видимо такую сильную личность, достойную любви, тогда в далёкие 30-е годы среди вод Атлантики сумела увидеть в невзрачном Питере красивая девушка с длинной русой косой.

2001 г.

СТРАСТЬ

Начальнику конструкторского отдела Яковлеву позвонили из отдела кадров:

- У нас ваша служебная записка. Вы пишете, что нуждаетесь в инженерах.

- Да, очень много работы, а конструкторов не хватает.

- Тут сейчас пришла одна женщина. Правда у неё стаж работы не очень велик. Хотите поговорить с ней?

- Конечно. Сейчас спускаюсь.

Навстречу Яковлеву со стула поднялась довольно высокая молодая женщина в светлом пыльнике, который сидел на ней как-то мешковато. "Не умеет одеваться," - было первой реакцией Яковлева и тут... он увидел её глаза: серые, серые, в которых одновременно было и любопытство, и волнение, и вопрос. "Серые глаза и тёмные волосы - редкое сочетание. Кажется такие женщины нравились одному из русских царей. Ему таких специально разыскивали. А я смогу видеть эти глаза почти ежедневно..". В груди у Яковлева что-то дрогнуло.

Женщина протянула Яковлеву руку.

- Алина... - уловив его пристальный, заинтересованный взгляд, добавила,-... Петровна.

Задав для порядка несколько вопросов, Яковлев сказал:

- Ну, что же, вы нам подходите. Идите оформляйтесь.

Вскоре Яковлев ощутил, что хочет видеть нового конструктора как можно чаще. Иногда он задерживался около её кульмана дольше, чем это было необходимо. Алина ощущала эту все большую заинтересованность Яковлева в ней, а, вскоре и он понял, что не безразличен Алине, что, увидев его, у неё как-то по-особенному загорались глаза. Между ними рос и креп вначале не заметный другим взаимный интерес.

Однажды Яковлев набрался смелости и, улучив момент, когда они остались вдвоём, сказал:

– Не могли бы вы сегодня задержаться минут на 15. Я должен завершить кое-какие дела. А потом мы могли бы пройтись пешком до метро и поговорить.

Прогулки до метро стали регулярными. Близость росла и вскоре они перешли на “ты”.

– Меня сосватали, – как-то рассказала Алина. – Георгий на 20 лет старше меня. Дома была тяжелая обстановка. Отец выпивал, я была просто вынуждена бежать от родителей. Думала “стерпится, слюбится,” но не слюбилось. Единственная отрада - дочка. Ей 7 лет.

– У меня два сына-близнеца. Замечательные ребята. Женился по любви, но сейчас что-то не так...

Сближение в их отношенияхросло и настал момент, когда они оба ощутили, что уже не могут довольствоваться только редкими поцелуями и объятиями...

“Как хорошо там, на “презренном” Западе, – думал Яковлев.– Мужчина приглашает женщину в ресторан, потом они идут в отель. Без проблем снимается номер... У нас же: поход в ресторан – пробой в бюджете семьи, а гостиницы – только по

предъявлению командировочного удостоверения и паспорта. А, если с женщиной, предъяви удостоверение о браке. Мужики как-то ловчат: кто где, кто как. В лучшем случае просят на пару часов квартиру у приятеля. Все это так неловко, унижительно. У Яковлева не было приятелей со свободной квартирой,

Время шло, и вот Алина однажды проявила инициативу:

- Моя тётя на лето уезжает на дачу. В её однокомнатной квартире остаются цветы, которые мне поручено поливать. Мне нужен помощник.

В хрущевскую пятиэтажку, где была квартира тёти, они зашли по очереди с интервалом в 10 минут, чтобы усыпить бдительность старушек, вечно сидящих у подъезда, сначала Алина, потом Яковлев.

- Поможешь мне раздеться? - спросила Алина.

Дрожащими руками Яковлев начал расстёгивать пуговицы лифчика и оторвал одну.

- Какой ты неловкий! Или привык, что женщины сами раздеваются?

- Виноват! Опыта маловато, - проговорил Яковлев, сгорая от нетерпения.

Потом было такое...!!!

Когда они, наконец, оторвались друг от друга, уставшая Алина сказала:

- Ты просто гигант! Мой Георгий уже никуда не годится. Любит, в основном, руками, ну а ты...

Периодически они продолжали поливать цветы. Но вот кончилось лето, и с дачи вернулась тётя. Стало грустно.

Однажды в октябре они шли под дождём к метро. Настроение было подстать погоде, и Алина сказала:

– Вчера мне позвонила твоя жена.

– Как это!!! – в ужасе воскликнул Яковлев. – Как она узнала про нас? Что сказала?

– Наверное “добрые люди” с работы “порадовали,” но женщины вообще хорошо чувствуют ситуацию. Однако ты не волнуйся. Маша мудрая женщина. Она не стала говорить, что выцарапает мне глаза или пойдёт жаловаться в партком. Она стала рассказывать о том, какой ты хороший семьянин, как любишь своих детей, сколько внимания им уделяешь.

– Ну и ...?

– Выражаясь языком шахматистов, наша ситуация “патовая”. То положение, в котором мы сейчас находимся, дальше сохраняться не может. Мы мучаемся и, как выяснилось, мучаем своих близких. Окончательное наше сближение просто невозможно. Я уверена, что ты никогда не будешь счастлив вдали от своих сыновей, без ежедневных контактов с ними.

– Об этом мне страшно подумать. Они для меня самое важное в жизни. Горд тем, что я для них главный авторитет. В воскресенье как раз собирался взять их на футбол.

– Вот, видишь, у наших отношений нет будущего. И потому..., потому нам следует расстаться.

– Совсем? Ты с ума сошла... Впрочем... – это, наверное, единственное решение.

На следующий день в кабинет Яковлева зашла секретарь отдела:

– Алина Петровна на сегодня взяла отгул и оставила заявление об увольнении, – секретарь застыла в позе ожидания.

“Наверное, эта сплетница ждёт моей реакции, чтобы потом рассказать о ней “по секрету всему свету”. Нужно собраться, чтобы не выдать себя, чтобы рука не дрожала,” – решил Яковлев и начал вслух читать заявление .

– “...в связи с изменением места жительства...”
Что же, причина уважительная, – произнёс он и написал в углу крупными буквами “Согласен”.

2008 г.

СЛАДКОЕ ХОББИ

На кондитерской фабрике, славившейся своими шоколадными изделиями, возникли трудности с теплоснабжением. Их никак не удавалось устранить. Решили пригласить для консультации известного теплотехника профессора Станкевича. Тот прибыл на фабрику со своими аспирантами. Через короткое время уже были готовы рекомендации по устранению неполадок.

Директор фабрики, рассыпаясь в благодарности, принимал профессора в своем кабинете.

- Вы не можете себе представить, как мы вам признательны! Ведь под угрозой была работа всего производства. Вы нас просто спасли! Огромное спасибо! Мы не знаем, как вас благодарить. Назовите любую сумму...

- Работа была несложной и отняла мало времени. Я не возьму денег. Лучше угостите меня хорошими шоколадными конфетами, - профессор хитро улыбнулся.

- С удовольствием.

Профессора проводили в помещение, обставленное шикарной мебелью, и усадили в мягкое кресло. На низком столике разложили наборы в красочных коробках, которых профессор раньше никогда не видел в продаже.

- Это мы производим в ограниченном количестве для номенклатурных работников, - пояснил директор.

Профессор попробовал несколько конфет из разных коробок. Лицо его не выражало восторга. Заметив это, удивлённый директор спросил:

– Вам не понравились наши конфеты?

– Неплохо, но...

– Что-то не так?

– Должен вам признаться, что я уже более сорока лет коллекционирую и апробирую рецепты изготовления шоколада. Не обижайтесь, но немало из собранных мною превосходят...

– Вы задели нашу профессиональную гордость, – произнёс директор, – но сейчас мы вам докажем, что можем производить продукцию самого высокого класса. Разложенные перед профессором коробки забрали и заменили другими. Они отличались ещё большей изысканностью и красочностью оформления. Профессор попробовал и воскликнул:

– Это совсем другое дело! Можете, можете... – и пожал руку удовлетворённо улыбающемуся директору.

– Такие наборы изготавливаются специально только для персон самого высокого уровня: президентов, премьеров и их жён. Вот недавно во время визита короля Ирана Реза Пехлеви у нас побывала королева Сорея – поразительно красивая женщина.

Для вас мы сделали исключение.

– В благодарность за то, что был удостоен столь высокой чести, я, пожалуй, пришлю вам пару рецептов из моей коллекции. Попробуйте сварить такой шоколад, не пожалеете!

2007 г.

ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА

– Изольда, ты должна серьёзно подумать о себе!

– Что ты имеешь в виду?

– Годы бегут очень быстро, девочка. Тебе уже скоро сорок. Моё здоровье не ахти. Сколько я ещё протяну? Ты остаешься одна в гордом одиночестве.

– Зачем ты мне сыплешь соль на рану? Хотя уже прошло больше 10 лет, как не стало Юры, я не могу его забыть. Твой сын был так хорош, что ни один из знакомых мне мужчин не может даже приблизиться к его уровню. Наша с тобой потеря была и остаётся невозполнимой.

– А знаю, что ты максималистка. Но, может быть, ты хочешь невозможного? Ты не могла бы немного опустить планку?

– Мы с тобой уже много раз говорили на эту тему. Ты прекрасно знаешь, что я не могу переступить через многое. Да и зачем? Чтобы испортить жизнь двоим, в том числе себе?

– Но как страшна одинокая старость! Сейчас это тебе трудно представить. А что будет через двадцать и тем более тридцать лет, когда ты, возможно, станешь больной и немощной. Меня охватывает ужас при одной мысли о такой перспективе.

– Что же делать? В данном вопросе я бессильна. Может быть такова моя судьба?

– Если считаешь невозможным обрести надёжного спутника жизни, то заведи хотя бы ребёнка.

– Как, без мужа? Без ...

– Да, да! Даже я с позиции консервативного предшествующего поколения считаю это и моральным и нравственным. Ты обретёшь самого близкого тебе человека, который будет рядом с тобой всю твою жизнь. Ему при полной взаимности ты отдашь всю свою любовь, заботу, тепло, нежность. Отдашь всё. Обрести и воспитать такое существо – подарок не только себе, но и обществу. Поэтому я уверена – это нравственно.

– Даже если всё так, как ты утверждаешь, всё равно мне представляется это практически неосуществимым по ряду причин.

– Что ты считаешь препятствием?

– Во-первых, я не вижу мужчины, которого я бы хотела видеть отцом моего ребёнка. Во-вторых, если бы даже такой человек появился, я не представляю себе, как могла бы возникнуть ситуация при которой он мог бы стать отцом моего ребёнка. В третьих ... Впрочем, первых двух моментов достаточно, чтобы считать эту идею нереальной.

– Опустись на землю! Мне недавно рассказывали, как сейчас поступают многие женщины, решившие растить ребёнка без отца. Едут в отпуск на курорт. Короткий роман без всяких обязательств, и всё.

– И ты мне предлагаешь такой путь?! Мама, ты сошла с ума! Разве я смогу при моей брезгливости переспать после нескольких дней знакомства с каким-то мужиком, приехавшим на курорт специально, чтобы развлечься? Нет. И тысячу раз нет. И давай закончим этот разговор.

– Если ты настаиваешь, то давай закончим. Но видит Бог, я стараюсь только для тебя, потому что

ты уже давно стала мне родной дочерью. И ты это прекрасно знаешь.

Разговор закончился, и две женщины, которых связала судьба, разошлись в разные углы небольшой московской квартиры. В ней они остались жить после того, как трагически ушел из жизни молодой мужчина. Одна из них оплакивала его, как безутешная мать, другая, как столь же безутешная молодая вдова.

Казалось, после этого разговора каждая из них осталась при своём мнении, но прошло несколько месяцев, и Изольда уехала к тёплому морю в отпуск. Не без колебаний была оставлена на время работа, которая после смерти мужа стала единственным интересом в её жизни. Прощаясь, свекровь напомнила ей о давнишнем разговоре:

– Смотри не упusti шанса. – увидев кислое лицо Изольды, добавила. – Ну сделай это через не могу.

“Конечно, Полина Михайловна искренне желает мне добра, – рассуждала Изольда по дороге на Кавказ, – но то, что она мне предлагает, не может случиться со мной. Я в этом уверена. Это просто чепуха. Однако спасибо профкому за путёвку: отосплюсь, накупаюсь в море, отдохну, и это будет замечательно. Об остальном забудем и думать”.

За первую неделю отпуска Изольда успела уже неплохо загореть, посвежела, в общем, чувствовала себя прекрасно. Много раз она ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. Некоторые предпринимали определённые усилия, чтобы познакомиться с интересной длинноногой брюнеткой, которая приехала в отпуск одна. Однако Изольда, прочтя нескрываемую похоть в их

глазах, быстро и довольно резко отшивала этих курортных Дон Жуанов.

Чтобы не набирать вес, она взяла себе за правило после обеда не ложиться вздремнуть, как многие другие. Садилась с книгой в укромном уголке холла дома отдыха. Эта книга, привезенная из Москвы, очень занимала Изольду. Написанное с глубоким пониманием предмета и одновременно с большой теплотой о жизни и творчестве французского импрессиониста Мориса Утрилло волновало и заставляло сопереживать. Вместе с этим певцом Парижа, безумно влюблённым в древний и прекрасный город, Изольда мысленно бродила по уютным парижским улицам уже знакомым ей по романам Гюго, Мопассана и особенно Бальзака, которого она обожала. Бродила, взволнованная красотами Лувра и Версаля, Тюильри и Елисейских полей. В эти минуты она ничего не замечала – была там – в узких улочках Латинского квартала или любовалась величественным зданием Гранд Опера.

– Вы читаете Анри Перрюшо?

Этот вопрос заставил Изольду уйти из мира грез и взглянуть на сидящего в соседнем кресле мужчину. Раньше она его не заметила. Видимо он появился, когда Изольда совершала свою прогулку по Монмартру или набережным Сены.

“У него довольно приятное, интеллигентное лицо и умные глаза, которых не могут скрыть очки с сильными линзами,” – отметила Изольда.

– Да, это Перрюшо. Но почему это вас так удивило?

– Не так уж много людей интересуются у нас импрессионистами, а тем более читают такую редкую книгу о них. Это просто уникально!

- Я люблю импрессионистов, особенно Ренуара, Моне, Дега. Но вот об Утрилло мало что знаю и, признаюсь, читаю эту книгу с большим интересом.

- Мне тоже очень симпатичен этот художник. Когда я был в Париже, то искал улицы и здания, знакомые по его картинам. И, представьте себе, многие находил.

- Так вы были в Париже? В наше время побывать за границей – и тем более во Франции – это просто чудо!

Беседа становилась интересной. Было решено её продолжить вечером на прогулке после ужина.

“О море в Гаграх! О пальмы в Гаграх! Кто вас видал, тот не забудет никогда!” Изольде хотелось каждый раз повторять эти слова из популярной песни, когда она попадала на приморский бульвар, соединяющий Старые и Новые Гагры. Действительно, каждый, кто бывал здесь, особенно в вечерние часы, не мог оставаться равнодушным. По одну сторону неясные очертания близких гор с мерцанием огоньков в домах разбросанных по склонам. С другой стороны бескрайность моря, тонущего в сгущающихся сумерках. Негромкий шорох прибоя, пальмы, магнолии. Наконец, пьянящий сладкий запах южных цветов, листьев, трав, которым невозможно надышаться, потому что хочется дышать ещё и ещё. Изольда наслаждалась всем этим, одновременно слушая Германа. Он делился впечатлениями о виденном им в музеях Парижа. О тех бесценных сокровищах искусства, около которых, как думалось Изольде, ей никогда не доведётся стоять рядом. Внезапно Герман остановился.

– Давайте найдём какой-нибудь междугородний телефон. Я должен позвонить Олечке.

– Кто это? – как бы автоматически опросила Изольда.

– Это моя жена, мы женаты уже 15 лет. Все эти годы мы выезжали на отдых вместе. Вот и в этом году были куплены две путёвки. Однако в последний момент Олечку не отпустили на работе – срочные дела. Тогда я тоже решил не ехать. Так она меня буквально выпихнула. Я действительно нуждался в отдыхе – этот год выдался таким напряжённым! Я звоню ей каждый день – она волнуется за меня, я за неё. Ей одиноко. У нас пока ещё нет детей. Мы не спешим их заводить, хочется пожить для себя. Дети так связывают!

“У нас с Юрой тоже не было детей, но не потому, что мы их не хотели – просто не успели. А как жаль!” – с грустью подумала Изольда.

После звонка они продолжили прогулку. Герман по-прежнему вёл рассказ, но уже как-то более рассеяно. “Вот он сейчас общается со мной, а думает о другой”, – решила Изольда. Однако это её совсем не задевало. – “Там своя жизнь, в которую я не собираюсь вторгаться. Мне просто интересно слушать, и всё”. Прощаясь, Герман предложил завтра вместе отправиться на пляж.

На другой день по дороге на пляж Изольду одолевали нелепые мысли.

“Конечно, он очень культурный человек, многое знает и мне с ним интересно, но..., а если у него уродливо кривые ноги или ужасно волосатая грудь, как у обезьяны. Мне будет это неприятно, и я едва ли смогу это скрыть”. Ей было стыдно этих мыслей, но они навязчиво лезли в голову, и

Изольда с опаской поглядывала на шагающего рядом Германа.

Но волнения оказались напрасными.

Успокоенная Изольда отдала себя объятиям утреннего солнца. Оно ощущалось всем телом, даже закрытыми глазами, как что-то розовое, проникающее через сомкнутые веки глаз. Невольно улыбаясь этому состоянию блаженства, Изольда слушала очередной рассказ Германа. Вдруг он прервался. Изольда открыла глаза и увидела, как Герман, склонившись к ней, близоруко щурясь, внимательно рассматривает её руку.

– У вас такие красивые руки, такие длинные, тонкие пальцы! Наверное, такие же у Плисецкой. Вы помните Умирающего лебедя Сен-Санса в её исполнении?

С этими словами Герман взял её руку и поднес к губам. Прикосновение его губ не вызвало у Изольды никаких ощущений. Но вот он случайно, а может быть и нет, коснулся её щекой. Прикосновение этой короткой мужской щетины ударило, как током, заставило всё тело вздрогнуть.

Не успела Изольда по возвращении переступить порог квартиры, как сгорающая от нетерпения свекровь задала вопрос, не дающий ей покоя:

– Ну, ты выполнила мой наказ?

– Может быть, – Изольда смущённо покраснела, – Точно скажу тебе недели через две.

– Ах, ты, моя умница!

Старушка заключила Изольду в объятия.

Прошли годы. Много изменилось в судьбе страны и живущих в ней людей. Никогда раньше

не могла себе представить Изольда, что на пороге своего 70-летия будет жить в Америке. Но так случилось, и в погожий апрельский день впервые после зимы она попала на океан. Немного прошлась по деревянному настилу эстакады, тянущейся вдоль пляжей Брайтона, и устало присела на лавочку. На краю её, углубившись в чтение сидел неопрятно одетый старик. Он был очень увлечён. Как и все очень близорукие люди, держал книгу близко к лицу и потому Изольда не могла не увидеть обложку. Она была поражена.

– Вы Герман? – спросила она, не отдавая себе отчёта, зачем это делает.

– Откуда вы знаете моё имя?

– Мало, кто читает такие редкие книги об импрессионистах, – почти процитировала Изольда, запомнившуюся ей фразу.

Старик посмотрел на неё изучающим взглядом. Было видно, что компьютер его памяти усиленно работает. Наконец, удивлённый и растерянный, он воскликнул:

– Неужели это вы, Изольда?

Изольда кивнула головой.

– Как давно это было! Не знаю, как вам это сказать... я тогда отступил от своих правил, и это был единственный раз в моей жизни! Я потом часто задавал себе вопрос, как это могло произойти? Ведь я любил свою жену и у нас был прекрасный союз. Видимо во всем виноваты Гагры: это солнце, это море – всё это вместе и конечно вы, ваши руки... всё это было прекрасно, но так скоротечно, что порой мне казалось, что всё это – приснилось. Да и вся жизнь пронеслась так быстро! В прошлом году я похоронил Олечку. А детей мы

так и не завели. Теперь я один, поэтому так неухожен.

Герман беспомощно провёл руками по своей одежде.

– Недавно достал здесь на Брайтоне все 8 томов Перрюшо и вот перечитываю. А как вы?

– Мама, мама, куда же ты пропала?

К Изольде подошла запыхавшаяся молодая женщина. Большие очки в тёмной оправе невольно придавали строгость её лицу.

– Я давно тебя ищу, пробежала, наверное, половину бордвока.

– А я пригелась тут на солнышке и вот разговорилась с ...господином, товарищем, – Изольда мучительно подбирала нужное слово, – гражданином. Он тоже из Москвы.

Это сообщение не заинтересовало молодую женщину.

– Ты очень долго сидишь на солнце, и это меня волнует. “Как она похожа на отца! То же очертание лица, подбородок. Когда эти два лица рядом – это особенно чётко видно,” – подумала Изольда.

Молодая женщина заинтересовала и старика. Он буквально впился в неё взглядом. Между тем та, не обращая на него никакого внимания, продолжала:

– Мама! Ты уже побыла сегодня на солнце больше, чем тебе можно и я настаиваю, чтобы мы возвращались домой. Я сейчас пойду и позову Игоря. Они с Даниелой рассматривают у воды каких-то крабов. Потом мы позовём тебя к машине. Пожалуйста, никуда не исчезай отсюда.

– Хорошо, детка, не волнуйся.

Женщина, провожаемая долгим взглядом старика, удалилась.

– Это ваша дочка?

– Да, здесь и зять и внучка. Вся семья.

“Какое счастье, что они у меня есть! – подумала Изольда. – Царство небесное Полине Михайловне. Какая она была умница, что тогда настояла, буквально заставила меня... А то я была бы одинока, как этот Герман. По-человечески его жаль, но уже поздно и не нужно что-либо менять. Зачем тревожить дочку – для неё её отец давно умер. А Герман, проживший всю жизнь в заботах лишь о самом себе, боясь трудностей, которые приносят дети, пусть останется со своими книжками. И в них черпает то, что ему теперь не достаёт в жизни.

– Но вы тогда говорили, что не замужем, что у вас нет детей, – настойчиво продолжал Герман. – Может быть это...

В его глазах прочиталась надежда.

– Нет, нет! Я потом скоро вышла замуж. Отца её сейчас нет в живых. Это просто случайность, что мы с вами встретились ещё раз. Спасибо Перрюшо. Мне пора. Прощайте.

Изольда тяжело встала и медленно пошла навстречу дочке, которая делала ей призывные знаки рукой.

1996 г.

ТРЕВОЛНЕНИЯ НА ТАМОЖНЕ

В 1980 году мы уезжали из СССР через пограничную станцию Чоп. В очереди на таможенный досмотр перед нами оказалась большая семья с многочисленной кладью. Мы приготовились к тому, что осмотр их вещей будет долгим. Однако, как только таможенники приступили к досмотру, вдруг внезапно заорал один из их многочисленных детей – мальчик лет 3-4х. Не заплакал, именно заорал, исходя слезами. Никакие уговоры матери не помогали. Он орал так громко и истерично, что таможенники просто затыкали уши руками. Стараясь поскорее избавиться от этого ужасного крика, они весьма быстро и поверхностно провели досмотр и с облегчением выпроводили семью.

Однако, возбуждённые случившимся, видимо решили отыграться на нас, с остервенением набросившись на наши чемоданы. По чьему-то совету мы везли с собой консервы, надеясь немного сэкономить на первых порах свои скудные финансы. Консервы были немедленно отобраны, конфисковали две серебряные ложки, которые жена всё же засунула в чемодан, хотя я не советовал ей это делать. Придирались буквально ко всему. Но вот дело дошло до Торы.

- А это ещё что за книга? - с удивлением воскликнул таможенник.

- Это Тора. Для евреев она, как для русских Библия.

Таможенник начал с интересом рассматривать книгу в жестком, кожаном, тиснёном переплёте. Тора была естественно на иврите. Таможенник полистал несколько страниц. Проверил, не заложено ли что-нибудь между листами.

И вдруг он заметил единственную фразу, напечатанную русскими буквами: "Отпечатана в Варшаве в 1901 г". Лицо таможенника побагровело.

- Вы что, хотели вывезти культурно-историческую ценность?!!! Ведь вас же предупреждали, что этого делать нельзя!!!

- Это не культурно-историческая ценность из музея. Это Тора моего отца. Он много десятков лет обращался к ней в своих ежедневных молитвах. Теперь она служит мне

- Смотри-ка, - таможенник обратился к своему напарнику, - что хотел вывезти этот...

- Да! За это мало не покажется!

- Но она мне необходима для ежедневной молитвы! - попытался слабо защищаться я.

-- Это объясните в суде!

Я посмотрел на жену. Она побледнела и была готова расплакаться. Явно нервничали дети.

- Ладно, - сказал я, - простите, я не знал, но раз это культурно-историческая ценность, передайте её в музей.

И тору бросили в огромный ящик с конфискатом.

В это время таможенники добрались до коллекции сына. 7 летний мальчуган не захотел расстаться со своей коллекцией, в которой было десятка два значков.

- Нельзяя!!! - загремел таможенник, держа в руках крохотную картонную коробку.

- Это же не культурно-историческая ценность,
- пытался встать на защиту я. - Эти значки продаются в любом киоске Союзпечати по 10 копеек за штуку.

- Нельзя...!!!

- Не трогайте - это моё! - закричал сын.

Но коробка вслед за торой полетела в ящик с конфискатом.

- Не расстраивайся, сынок, - пытался я успокоить ребёнка, - там, куда мы едем, я куплю тебе много значков. Они будут гораздо красивее этих.

И так с плачущим сыном мы сделали последний шаг на пути к другому миру. Через несколько дней в Вене, готовясь к отъезду в Италию, мы снова столкнулись с семьёй, знакомой нам по таможне.

- Рад за вас, что вы так легко прошли досмотр,
- обратился я к ним, рассказав о наших мытарствах. - Вам так повезло, что именно в начале досмотра ваш малыш разревелся.

- Это не случайно он так разорался, - доверительно сказала мне женщина. - Меня можно осудить за это, но я в ответственный момент уколола малыша булавкой в мягкое место. Это, конечно, был плохой, но вынужденный поступок. Иначе у нас отобрали бы много того, что нам здесь пригодится. Когда сын вырастет, я ему обязательно расскажу об этом. Надеюсь, он поймет и простит свою мать.

2007 г.

ОДНОЛЮБ

Игорь был однолюбом. С тех пор, как шестнадцать лет назад они сыграли свадьбу с Татьяной, у него не было других женщин. Впрочем, их не было и до того. С Татьяной они познакомились в год окончания института, а через год поженились. Вскоре родилась их единственная дочка – Оля.

Татьяна... Игорь всегда считал, что ему в жизни страшно повезло. Это, как выиграть в лотерею “Волгу”. Красивая, умная, рассудительная, спокойная, хорошая хозяйка и мать. Как сразу много достоинств в одном человеке!

Стройная, подтянутая фигура (Татьяна всегда следила за своей талией), длинные, красивые ноги, нежная белая шея, увенчанная головой, нет головкой с небольшим, но выразительным ртом, карие бархатные глаза и длинные каштановые волосы — всё это было прекрасным. А когда перед выходом в “свет” она умело использовала косметику, одевала плотно обтягивающее фигуру платье, она становилась просто неотразимой. Не сразу Игорь привык к тому, что встречаемые мужчины не сводили с неё глаз, а затем долго провожали взглядом. Постоянно к ней лезли знакомиться. Вот такая у него жена!

И дома она чудо. Здесь всегда чистота и порядок. И десятки всяких рецептов блюд она знает. Правда стоять в очередях за продуктами не любит. Здесь Игорь главный снабженец. То заказ на работе получит, то схватит какой-нибудь

дефицит. А если, не дай Бог, кто-нибудь заболит, то Татьяна знает, как лечить от любых болезней. И лекарствами, и травами, и настоями. Всегда найдёт нужных докторов. В общем, быстро поставит на ноги.

Рассудительная Татьяна организовала жизнь по распорядку. И даже в постель они стали ложиться, как бы по расписанию. Но это особо не тяготило Игоря, так как в постели тоже всё было хорошо.

Игорю постоянно хотелось видеть Татьяну. В отпуске они всегда вместе. Разлуки — командировки для него острый нож. Хорошо, что они не часты. На работу ей Игорь звонит каждый день не менее двух раз: “Танечка, сегодня скользко, будь осторожна!” Или “Танечка сегодня падают сосульки. Иди по тротуару дальше от домов и будь внимательна!” Так хочется защитить Танечку от всех бед и напастей!

На работе над Игорем подшучивали, говорили: “Ты у Татьяны под каблуком”. Игорь не обижался, только улыбался: “Для меня семья — главное в жизни”.

Рост у Игоря хороший — 180 см. В институте он много занимался спортом и сохранил атлетическую фигуру. И лицом не дурён. В общем, женщины на него обращали внимание, да и сейчас, когда ему уже 41, он часто ловит на себе их взгляды. Но Игоря это не волнует — он спешит к Танечке. Иногда, когда встречаются особенно красивые женщины, Игорь начинает их сравнивать с Татьяной — такая у него защитная реакция. И она всегда выигрывает: “У Татьяны и руки красивее, и изгиб шеи, и ноги ... Нет, нет у Татьяны, конечно, всё лучше”.

В последний год Игоря замучил гастрит — наверное, от нерегулярного питания: приходилось прилично перерабатывать — попробуй в наше время одеть двух женщин! Врачи настаивали съездить в санаторий на воды, чтобы локализовать болезнь. И путёвка нашлась в профкоме. Игоря это не радовало. Во-первых пропадал летний отпуск, а было намерение всей семьёй поехать на Волгу. Во-вторых грустная перспектива уехать из дома почти на целый месяц. Но Татьяна настояла: “Ты подлечись, отдохни, можешь немного развлечься, но не очень. Не забывай про спид”. Она улыбнулась. Игорь немного обиделся: “Мне-то уж об этом можно было не говорить”.

К поезду на курорте были поданы автобусы, которые привезли отдыхающих прямо в санаторий. На регистрацию выстроилась целая очередь, и у Игоря было время осмотреться. Игорь был в санатории впервые, но слышал от многих, что некоторые сюда приезжают не столько лечиться, сколько развлечься. Игорь смотрел на ожидающую встречи с администратором толпу и ему не бросались в глаза мужчины, готовые кинуться за первой попавшейся женщиной, или женщины, жаждущие немедленного знакомства. Публика была большей частью пожилой и, видимо, провинциальной. Наверное, самой молодой была женщина лет 35. Она была без головного убора, как это принято в Прибалтике, в длинном пальто с поднятым воротником. Волосы коротко острижены. На стройных ногах чёрные низкие полусапожки на каблуке. Когда женщина случайно обернулась, Игорь заметил неопределённого цвета глаза и, как ему показалось, невыразительное лицо. Она была ниже Тани и

более хрупкого сложения. “10 к 1 в пользу Тани, – сработала защитная реакция, ну и хорошо”, – подумал Игорь.

После обеда Игорь решил погулять и осмотреть окрестности. Санаторий располагался на краю курортного городка. К его территории примыкал лес. Между ними не было ограды, и Игорь через несколько минут оказался на лесной тропе. Вскоре на одной из скамеек он заметил утреннюю незнакомку. Она сидела спиной к тропе, лицом к солнцу и что-то сосредоточенно рассматривала. Игорю стало любопытно. Он тихо подошел, стараясь не побеспокоить, и увидел на ладони женщины первую весеннюю бабочку. Это чудо природы, как и хозяйка ладони, наслаждались солнцем, теплом. Обе были как бы в трансе. Однако появление Игоря всё же спугнуло бабочку, и та полетела искать столь же теплое, но более безопасное место.

– Простите. Я виноват, – извинился Игорь.

Женщина обернулась к нему. Её глаза были совсем не сине-зелёные, как показалось утром, а серыми, почти стальными, немного печальными, а лицо миловидным и нежным.

Инга — так звали незнакомку, жила в маленьком посёлке в сельской местности. Несколько лет назад у неё умер муж, и она осталась с дочкой на родине мужа без родных и без близких, – рассказала она Игорю.

— Тяжело одной растить ребёнка я, наверное, уехала бы к родителям, если бы не работа. Конечно, к моей профессии некоторые могут относиться несколько скептически: подумаешь учительница литературы в школе. Наконец, учителя нужны везде. Но моему классу оставалось

полтора года до выпуска, и я просто не могла бросить ребят, с которыми работала несколько лет. А потом привыкла к самостоятельной жизни. Вот так и осталась. Теперь у меня новые ученики. Конечно, ужасно устаю. Ведь дома нужно проверять тетради и готовиться к следующим занятиям. Только по воскресеньям можно немного отдохнуть, но за неделю накапливаются домашние дела. Поэтому времени для развлечений практически нет. Да и сельская интеллигенция оставляет желать лучшего: мужчины больше любят заглянуть в бутылку, а женщины посплетничать. Поэтому главное для меня ребята, общение с ними. Здесь в посёлке, где все на виду, контакты с учениками продолжаются и за стенами школы. Учитель здесь не просто учитель, но и товарищ, пусть несколько старший по возрасту. Поэтому нужно не только знать, чем живут ребята, но и самой читать то же, смотреть те же фильмы, вместе с ними работать во время практики, не отставать на лыжне или в походе, и даже в умении танцевать не уступать.

Вечером, готовясь ко сну, Игорь подумал, что нужно изменить соотношение: “10 к 3 в пользу Татьяны,” – решил он.

На другой день они встретились, как хорошие знакомые. Потом встречи стали регулярными. Здесь, на курорте первая половина дня у всех занята процедурами. Всё остальное время Игорь и Инга стали проводить вместе.

— Ты не можешь себе представить, как сейчас трудно преподавать литературу! Ребята читают в основном детективы, фантастику. Их интересуют летающие тарелки, инопланетяне и аномальные явления. Что им переживания передового

дворянства конца 19 века, или интеллигенция начала 20 века? Как заинтересовать их классикой так, чтобы они читали её не по принуждению? Именно читали, а не знакомились с сюжетом. Ведь только Тургенев, Толстой и другие великие писатели могли так гениально показать то, что так необходимо людям: верность идеалам, человеколюбие, любовь.

С каждым днём Инга открывалась Игорю новому.

– Вот представь себе: растёт человек и не только физически. Ты наблюдаешь, как год от года меняется его психология, кругозор, взгляды, как он формируется как личность. И ты в какой-то степени управляешь этим процессом. Как это интересно и ответственно! Увидеть положительные результаты своего труда в сформировавшейся личности — это огромное моральное удовлетворение. Ради этого стоит переносить все трудности учительствования.

На третий день вечером они первый раз пошли на танцы. Татьяна в танце обычно представляла величественное зрелище. Броско красивая, довольно высокая женщина, в безупречной подобающей случаю одежде, всем своим видом, всеми движениями словно призывала: смотрите на меня, любуйтесь мною. Это был танец для окружающих. Танец Инги был иным. Она как бы стремилась к самовыражению. Это был танец для себя, для души. И он больше импонировал Игорю.

Игорь, как было заведено, довольно регулярно писал и звонил домой. При этом он с удивлением обнаружил, что не очень скучает, а наоборот ощущает радость свободы от правил и распорядков, установленных Татьяной: “Игорь,

почему ты уселся в кресло? Ты ведь знаешь, что этого нельзя делать сразу после обеда. Иди постой у стенки, как это делают французы". Или: "Игорь, иди под душ и в постель! Уже пора!" И Игорь шел в ванную, не испытывая особых волнений от того, что через несколько минут будет обладать красивым телом Татьяны. Это стало привычной нормой, такой, как причёсываться или чистить зубы по утрам. Здесь же он делал то, что ему хотелось и когда хотелось. Делал то, что требовала душа. Оказывается свобода — это прекрасно!

"Что касается Инги, то в своей первоначальной оценке её я был не прав", — часто думал Игорь. Попытки сравнивать её и Татьяну теперь, по прошествии нескольких дней, были мучительными, и ни к какому окончательному выводу он не пришёл.

Удивляли Игоря и глаза Инги — никогда ему не приходилось видеть столь выразительных глаз. Если Инга радовалась, глаза просто струились радостью, если она огорчалась, глаза источали непередаваемую печаль и грусть. Человек с такими глазами не может лукавить и притворяться. Может быть, поэтому с таким доверием относятся к ней ученики?

Однажды вечером после кино они решили прогуляться. О многом уже было переговорено в предшествующие дни: о перестройке, о социалистическом выборе, о грядущем повышении цен и вообще о всех трудностях жизни, которые сейчас волнуют каждого. Но сегодня почему-то не хотелось говорить ни о политике, ни о чём.

Был первый по-настоящему тёплый весенний вечер. Дурманил, опьянял лесной воздух — этот букет из запахов сосны, можжевельника, оттаявшей

земли, прелости и ещё чего-то неизвестного. Игоря волновала близость Инги, которую он держал за руку. Почти молча они дошли до одного из примечательных мест, которое нравилось им обоим. Лесная тропа здесь упиралась в обрыв. Внизу петляла небольшая речушка, за ней луг и далее до самого горизонта сплошные ярусы лесов. Было безветренно и как-то необыкновенно тихо. Они простояли довольно долго, молча любуясь, как сумерки заволакивали лесные дали, медленно приближались к ним.

– Почему так не проста жизнь в этом мире, где казалось сама природа создана для счастья людей, для любви, – сказал Игорь не скрывая волнения.

Рука Инги дрогнула в его ладони. И тогда он обнял Ингу, прижал её к себе так крепко, что почувствовал её грудь.

– Зачем ты мучаешь меня? – тихо, почти шепотом спросила Инга.

Ничего не отвечая, Игорь нагнулся и стал целовать её лицо, её глаза, её холодные зовущие губы. Потом они пошли к Игорю. Не зажигая света, начали молча раздеваться. Слыша где-то рядом нервное дыхание Инги, Игорь чувствовал, как у него дрожат пальцы и кружится голова в ожидании того, что сейчас, через какие-то мгновения совершится. Потом он протянул к Инге руки, и они с каким-то стоном заключили друг друга в объятия. Их два обнаженных тела превратились в одно большое с двумя бешено стучащими и готовыми вырваться из груди сердцами под напором обрушившегося на них водопада чувств, желаний, страсти.

О время, время! Как ты бываешь неумолимо и безжалостно к людям! Порой, когда надо

торопиться, оно движется, едва волооча ноги, и минуты тянутся часами. Когда же его хочется затормозить, остановить, оно мчится со скоростью курьерского поезда.

Вот и пролетели 24 дня. Игорь с Ингой взяли билеты в один поезд. Но, если Игорю езды где-то сутки, то Инге всего несколько часов. Поезд уходил поздно вечером. А ранним утром, ещё в темноте Инга должна была выйти на маленькой станции, где остановка всего две-три минуты. Всю ночь они не спали. Инга сидела, тесно прижавшись к Игорю, положив голову ему на плечо. Её волосы щекотали ему лицо, он чувствовал их запах. Это было последнее, что запомнилось.

– Я ни на что не рассчитываю, ничего не жду, – сказала Инга прощаясь, – просто я страшно благодарна судьбе за эти счастливые для меня дни, за то, что я снова почувствовала себя женщиной.

Поезд быстро набирал ход. Одинокая фигурка Инги на пустынной платформе, быстро уменьшаясь в размерах, растаяла в темноте. “Ну вот, всё кончено, – подумал Игорь, всё ещё не в силах оторваться от окна. – Как будто это был сон, наваждение? Нет, это было реально. Только что он пожимал её дрожащую руку и видел её глаза... Если бы не было Татьяны, Оли, то я, наверное, остался бы на этой станции вместе с Ингой. Попытался начать новую жизнь – стал бы фермером, построил дом где-нибудь на опушке леса. Неистово работал – силы не занимать. А вечерами возвращался с поля усталым в пропитанной потом рубашке. Инга встречала бы меня радостным криком. Я брал бы её, хрупкую, лёгкую, на руки, она обнимала меня за шею, доверчиво прижимаясь, а я целовал её глаза. А в часы отдыха

мы купались бы в тёплом лесном озере, о котором рассказывала Инга. Там в июле расцветают необыкновенно крупные лилии и плавают непуганные лебеди”.

Между тем поезд вёз его на восток в большой город, где его ждали другие люди, другая жизнь. Пытаясь настроить себя на эту старую привычную жизнь, Игорь чётко осознавал, что по возвращении что-то, что он сам ещё точно не знал, изменится в нём. Знал он также, что в его памяти останется надолго, может быть навсегда, прибалтийский лес, напоённый терпким запахом сосны, и женщина с серыми глазами, которую он держит за руку.

1996 г.

СТАРУШЕЧИЙ БИЗНЕС

Убогая старушка, одетая во всё чёрное, одиноко стояла у края дороги с перекинутой через плечо холщёвой сумкой. Все живущие на Каспии знали: в таких сумках хранится икра, которую можно приобрести по цене намного ниже магазинной. Около старушки затормозила машина.

– Цена, как обычно. Сколько? – спросила старушка,

– Одну упаковку.

Старушка быстро достала и бросила в приспущенное стекло пакет, перевязанный резинкой. Получила деньги, и машина тотчас тронулась.

Достав обрывок бумаги и огрызок карандаша, она записала номер, так как не полагалась на ослабевшую память. Прodelала это старушка очень быстро, а затем с резвостью, совсем не вязавшейся с её обликом, побежала к калитке близстоящего дома. Запыхавшись, вбежала в дом и схватила телефонную трубку.

– Васятка, записывай: голубой “Москвич”, №..., один пакет.

Сообщение принял сидящий в милицейской будке за поворотом дороги старшина.

– Спасибо, маманя. Бегу!

Уже через считанные секунды старшина тормознул голубой “Москвич”!

– В чём дело, начальник?

– Права, талон техосмотра!

- Почему остановили? Я же ничего не нарушал!

- Вопросы буду задавать я. Вы же отвечать! Права в порядке, талон техосмотра не просрочен.

- Значит я могу ехать?

- Не надо спешить. Икру везёте?

- Зачем она мне. Да я её терпеть не могу.

- Возможно, но давайте проверим.

В мгновение ока был обнаружен пакет, который не успели ещё спрятать.

-Так...! Решили меня обмануть! Откуда икра?

- Купил... в магазине.

- Упаковка не магазинная. Где чек? Ясное дело. Купили ворованную! Сколько здесь? - Старшина на ладони прикинул вес пакета.

- Не менее двух килограммов. Икру изымаем. Составляем протокол. - Он протянул руку к висящей на боку планшетке.

- Зачем составлять протокол, начальник, может быть так уладим?

"Сейчас сунет мятую десятку - подумал старшина, - это же смешно".

- Как это уладим?! Да за это полагается такой штраф, что мало не покажется! А если случай повторится, то статья.

- Не горячись, начальник, давай договоримся мирно.

"Даст двадцатку — не больше, а это мало. Ну я ему сейчас покажу!"

- Вы что, взятку хотите мне дать? Я вас — пособника расхитителей государственной собственности должен скрыть от правосудия? Да я ... - начал кипятиться старшина.

Поняв, что малой кровью не отделаться, водитель полез в бумажник.

— Ладно. Вот мамаше приберёг на подарок.
Но, видно, не судьба, — устало произнёс он и сунул

старшине сторублёвку.

— Только ради вашей матери иду навстречу, – проговорил старшина, быстро пряча купюру.

Через пару часов старшина заглянул к матери, чтобы перекусить. Достал из рюкзака и вернул ей отобранные у водителей пакеты с икрой.

— Спрячьте скорее в холодильник. Уже какой по счёту день они ходят по кругу. Как бы икра не протухла. А вообще, маманя, вы молодец – сегодня славно поработали! Дай Бог нам и дальше не хуже.

– Господи, прости меня, грешную! – крестясь на икону произнесла старушка при упоминании Бога. – Не ради себя стараюсь. Ради единственного дитяти – сыночка Васятки.

Вася уже давно мог бы построить себе новый дом. Но ждал пока закончит стройку начальник отделения милиции и его заместитель.

“Нечего лезть поперек батьки в пекло, – рассуждал Василий, – дом со временем построю, но чтобы соблюсти субординацию, чуть меньший, чем у заместителя начальника.”

А вот насчёт машины Васятка не выдержал ... Купил “Волгу” последней модели. Когда её увидели сослуживцы, ахнули.

– У меня братан работает в Мурманске на флотилии “Слава”. Деньжищ зарабатывает тьму, а тратить некуда. Вот прислал матери на именины.

Сослуживцы знали, что никакого брата у старшины нет. Им было хорошо известно откуда идут деньги. У всех самих уже были автомобили. Правда такого красавца, как у Васи, не было ни у кого.

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Природа одарила Янкелевича низким ростом, щуплой фигурой и характерным носом. Такие мужчины не вызывают восторга у женщин. Это доставляло Янкелевичу много переживаний в молодости, но, может быть, в порядке компенсации, Бог наградил его хорошей головой. Последнее позволило ему со временем достигнуть предельно возможного для беспартийного с типичным профилем — должности старшего инженера в одном из московских проектных институтов.

Янкелевич много лет честно выполнял свои служебные обязанности, периодически выбирался в члены профбюро отдела, был исправным членом кассы взаимопомощи. За многие годы службы никогда не уклонялся от посещения овощной базы, каждую осень выезжал на уборку картошки в подшефный колхоз, с энтузиазмом трудился на многочисленных субботниках по предпраздничной уборке улиц. Так день от дня, из месяца в месяц, из года в год рутинно текла его жизнь.

Однако, несколько раз в год с ним случалось что-то, чего он не мог объяснить сам. Он ощущал какой-то мощный прилив вдохновения, творческий порыв. Тогда он уединялся в дальнем углу большой комнаты, где трудились десятки проектировщиков. Там, в этом укромном месте за столом, заваленным бумагами, скрытый от посторонних глаз огромной чертёжной доской

кульмана, он начинал творить. Правда и тогда, прежде чем начать писать первые фразы, он не забывал надевать свои чёрные сатиновые нарукавники, чтобы не протереть локти на пиджаке, которым он очень дорожил. По заведенному правилу пиджак должен был служить не менее одной пятилетки. Другое дело брюки — раз в два года покупались новые. Тут не помогала и подстилка, привязанная тесёмками к стулу. А чтобы не подменили стул, снизу его крупными буквами была написана фамилия хозяина. Так делали все.

Охваченный жадой творчества, Янкелевич погружался с головой в этот сладостный процесс. Он не замечал времени. Не ходил в столовую в обеденный перерыв, чтобы проглотить рублёвый обед, а на десерт забить в “ козла ”.

Уже на второй день его бдения становились очевидными для руководителя бригады, и он с трудом пробирался сквозь лабиринт столов и кульманов в дальний угол к Янкелевичу.

– Ну, что, Семён Израилевич, опять?

Застигнутый врасплох Янкелевич машинально попытался закрыть руками исписанные листы бумаги.

– Ну ладно. Не буду мешать. Творите, но не забудьте включить меня.

Янкелевич, стараясь не потерять мысль, молча кивал.

На следующий день, по окончании рабочего дня, его на минуту попросил задержаться руководитель группы. Убедившись, что они остались одни, он доверительно полупшепотом проговорил: “Семён, я слышал, ты опять пишешь.

Молодец! Одобряю! Но ты, как всегда, не забудь включить меня”.

Через несколько дней Янкелевича вызвал главный инженер отдела.

Начальство, как и положено, сидело в отдельной комнате.

– Шила в мешке не утаишь. До меня дошли сведения, что вы готовите заявку на изобретение. Расскажите вкратце, в чём суть.

– Ну что же, дельно, – высказал он своё мнение после того, как Янкелевич изложил основную мысль. – Я надеюсь, что руководство отдела, – он кивнул в сторону пустующих в этот момент столов начальника отдела и главного механика, – будет, конечно, включено.

Ещё через какое-то время главный инженер отдела с отпечатанным текстом заявки явился с докладом к главному инженеру института.

– У меня очень мало времени. Потом как-нибудь прочту. Изложите суть.

Главный инженер отдела почти слово в слово повторил то, что он слышал от Янкелевича.

– Ну что же, даю добро. Но вы не забудьте включить Ивана Ивановича, – и он указал пальцем в сторону кабинета директора.

Следующий этап обсуждения заявки проходил в Главке в узком кругу: начальник главка, его заместитель, директор и главный инженер института.

– Я очень стеснён временем, не могу читать, – начальник Главка отодвинул положенные перед ним страницы.

– Кто доложит? Только очень кратко!

Главный инженер института изложил в двух словах основную идею.

- Дельно, дельно, а экономический эффект прикидывали?

- Да, - продолжил главный инженер, - я давал поручение экономистам. Думаю, удастся снизить себестоимость процентов на 12 - 15, - на лице начальника появилась улыбка.

- Будем внедрять! Поищи завод, - он кивнул своему заму. - Да включи в заявку производителей: человека три, четыре, чтобы все были заинтересованы. На днях об этом доложим замминистра. Его нужно обязательно включить, без него не обойтись. Да, ещё, Иван Иванович, это которую заявку подготовил в этом году ваш Эдисон-Янкелевич?

- Кажется, пятую или шестую.

- Нужно его как-нибудь отметить.

- Сделаем. Можно на доску почёта.

Начальник главка поморщился.

- Нет. Это не годится. Будут люди из райкома, увидят эту физиономию ... Дайте ему грамоту какую-нибудь.

- Будет сделано!

Последнее совещание по заявке проходило у замминистра. Он считал себя сторонником справедливости и демократических методов руководства. Поэтому в его просторный кабинет были приглашены все соавторы заявки. Их оказалось не так мало за огромным столом заседаний. В самом конце стола на кончик стула скромно присел Янкелевич.

- Давайте начнём, - сказал замминистр. - Хочу разобраться во всех деталях и тонкостях предложения. Давайте, Антон Антонович, кратко изложите самую суть.

Начальник главка начал что-то мямлить, запинаясь. На помощь пришёл его зам, но и у того как-то не всё складывалось.

- Всё. Достаточно. Ну, а как с экономикой? – Ожидаемый экономический эффект его впечатлил.

- Что же, проделанная работа заслуживает одобрения. Теперь дело за производственниками. Надеюсь, они нас не подведут.

Производственники согласно закивали.

- Однако перейдём к рассмотрению состава авторского коллектива. Дайте мне список.

Не более одной минуты потребовалось замминистра, чтобы просмотреть его и принять нужное решение. Вот, что значит многолетний опыт руководителя.

- Предлагаю справедливое решение: расположить всех авторов в алфавитном порядке. Все согласны?

Хотя всем было понятно, что при таком раскладе первую строчку займёт сам зам. министра Анисимов, а вторую - начальник главка, присутствующие дружно закивали.

- Осталось последнее: распределение авторского вознаграждения, - продолжал зам. министра. – Предлагаю выделить авторов, стоящих во главе списка. Первым двум – 50 %, а остальным в равных долях. Надеюсь, возражений нет. Все свободны.

Начальник главка и его зам. вернулись в свои кабинеты. Производственники уехали на заводском микроавтобусе. На служебной “Волге” отбыли директор и главный инженер института. У министерских дверей с Янкелевичем распрощались его коллеги по отделу. В “Жигулях” руководителя группы ему не осталось места.

Янкелевич понуро поплёлся к троллейбусной остановке. Его одолевали разные мысли. Он уже давно смирился с тем, что каждый раз занимал последнее место в списке авторов.

Если бы моя фамилия начиналась на букву “А”, то хитроумное начальство, наверное, предложило бы расставить авторов в обратном алфавиту порядке, и я всё равно оказался бы на последнем месте. Хочешь, жни, а хочешь, куй ...

2004 г.

ОПАСНОЕ ХОББИ

В 50-е годы в научных кругах Москвы у многих на слуху было имя академика Реброва. Он прославился не только своими научными достижениями, но и своим хобби – коллекционированием анекдотов. Обладая блестящей памятью, он не только знал их огромное количество на любые темы, но также умел их рассказывать виртуозно.

Обычно в перерывах между докладами на какой-нибудь конференции или годичного собрания Академии наук, он дружески обнимал собеседника за плечо и предлагал: “Хотите новый анекдот, свеженький, свежайший”. Рассказав его, не дожидаясь реакции слушателя, начинал громко, заразительно смеяться.

Когда академик умер, жена стала разбирать его архив.

Её внимание привлекло содержание сейфа в кабинете мужа. Там были дипломы, авторские свидетельства, правительственные награды. Там же она обнаружила несколько толстых общих тетрадей.

“Неужели муж вёл дневник, – подумала она. – Возможно, найду там повествование о нашем с ним романе и много другого любопытного”. Однако её ждало разочарование. В тетрадях были записаны сотни анекдотов. Все они с педантичностью учёного были рассортированы и пронумерованы. В одной из тетрадей были анекдоты на бытовые темы, в другой про Василия Ивановича, в третьей об евреях, далее из серии “Армянское радио отвечает”. Открыв наугад эту тетрадь, она прочла то, что не могло не заставить её грустно

улыбнуться: “Нас спрашивают: что делать, чтобы не выпадали волосы из горжетки? Мы отвечаем, что не знаем что такое горжетка, но, на всякий случай, рекомендуем женщинам меньше ездить на велосипеде”. Одна из последних записей была таковой: “Нас спрашивают, почему стало меньше юмора в наших передачах? Мы отвечаем: те хохмы, которые мы раньше передавали, сочинял один еврей, который жил в доме напротив тюрьмы. Сейчас он живёт в доме напротив”.

Самая последняя тетрадь привела её в ужас. Там были политические анекдоты. Начинались они невинными: “На очередных переговорах Молотов и госсекретарь США поспорили: есть ли свобода слова в СССР.

– У вас её нет, – сказал госсекретарь.

– Есть, – ответил Молотов.

– Нет. У нас можно свободно критиковать власть. Любой гражданин может среди улицы кричать: “Президент Трумен дурак!” и ему ничего не сделают.

– У нас тоже любой гражданин может выйти на Красную площадь и кричать: “Президент Трумен дурак!” и ему тоже ничего не будет”.

А дальше пошли такие анекдоты, что у испуганной женщины перехватило дыхание. Даже за один такой анекдот можно было бы получить 10 лет! “Нужно немедленно ликвидировать эту тетрадь, которая в любой момент может погубить всю семью,” – решила она и стала вырывать одну страницу за другой затем разрывая их на мелкие клочки.

“Я до конца не знала своего мужа, – подумала она, – хотя мы прожили вместе столько лет. Он был не только очень умным, но и исключительно смелым человеком”.

2007 г.

ВЫЗОВ К НАЧАЛЬСТВУ

Вечером, собираясь домой, начальник погранзаставы вызвал старшину.

– Завтра еду к начальству. Вызывают.

– Угу, – понимающе кивнул старшина.

– Утром пошли двоих-троих ребят, пусть рыбы наловят. И чтоб была по высшему разряду.

– Будет сделано!

– И вот ещё что – джип подготовить к дороге, заправить. Водителю выдай сухой паёк и чтобы рта не раскрывал. Куда едет начальство – военная тайна.

– Будет сделано!

– Скажи ему также, что за хорошую службу дам недельный отпуск. Сможет съездить домой. Ну, в общем, чтобы всё было в порядке. Понял?

– Так точно, товарищ майор! Всё будет нормально. Не в первый же раз...

Следующим утром машина остановилась на окраине небольшого посёлка возле неприметной избы. С криком “Папочка приехал!” на крыльцо выскочила и повисла на шее у майора миловидная молодая блондинка в наскоро накинутом коротком халатике.

– Папочка приехал! – ещё громче крикнула она в расчете, что это дойдёт до ушей соседей и даст им повод посудачить: “Какой хороший отец у девки! Аккурат два раза в месяц приезжает проведать”.

Между тем майора взволновала обнажённая выше колена стройная нога и мелькнувшая в полураспахнутом халате ложбинка между

большими молочно-белыми грудями. Он уже был в нетерпении. Ему хотелось, как можно быстрее сорвать халатик с этого молодого тела и целовать, целовать, целовать...

Вечером по дороге на заставу, уставший и разомлевший, он рассуждал: "Какая это была у меня замечательная идея иметь дело с работницами детского сада. Они все такие чистенькие, да и проверяют их регулярно, никакой заразы не подцепишь. Ну и, конечно, молодые! Вот предыдущая была такой пышненькой. А нынешняя – ну просто огонь! Прямо весь выдохся..."

На заставе майора ждал старшина с мешком рыбы. Майор заглянул, остался доволен. Похвалил старшину.

- Не много ли здесь, как думаешь?

- В самый раз, товарищ майор. Мария Игнатьевна будет довольна. Семья-то у вас немаленькая. Детишки рыбу любят. До следующего вызова к начальству как раз хватит.

- Спасибо за службу, старшина! Я тобою доволен. Приятно иметь дело с толковым человеком...

Старшина удовлетворённо улыбнулся.

- На следующей неделе – твой черёд. Поедешь выбивать дополнительное довольствие. Твоя-то небось тоже заждалась. Видел её как-то, хороша баба, ядрёная, как у нас говорят. Ну ладно, поехал я домой...

Прежде, чем сесть в машину, майор зашел поглубже в лужу, запачкав сапоги и забрызгав грязью галифе. Для достоверности...

- Машуня, дети! Вот и я. Устал смертельно! Порыбачил весь день. Зато улов какой!

– Папка, папка пришел! – бросились с криком к отцу дети. Кого-то он погладил по головке, кого-то потрепал за ушко. Затем все они стали с любопытством рассматривать рыбу, вываленную в большое корыто. Самые смелые даже трогали её пальчиками. Майор тоже проявил любопытство.

“Какой у меня хороший муж! Не пьёт, как другие офицеры. Ну, если когда выпьет, то самую малость. А как любит детей! Семьянин, заботливый. Повезло мне в жизни!” – подумала смертельно уставшая от домашних забот и ухода за детьми женщина и чмокнула мужа в потную щёку.

2005 г.

По перрону шёл бородатый крестьянин в поддевке, лаптях с заплечным мешком, обвязанным верёвкой (к рассказу “Пропасьть”)

Он живёт на соседней станции. На велосипеде каких-нибудь 20 минут. Они станут часто видаться (к рассказу “Мечта идиота”)

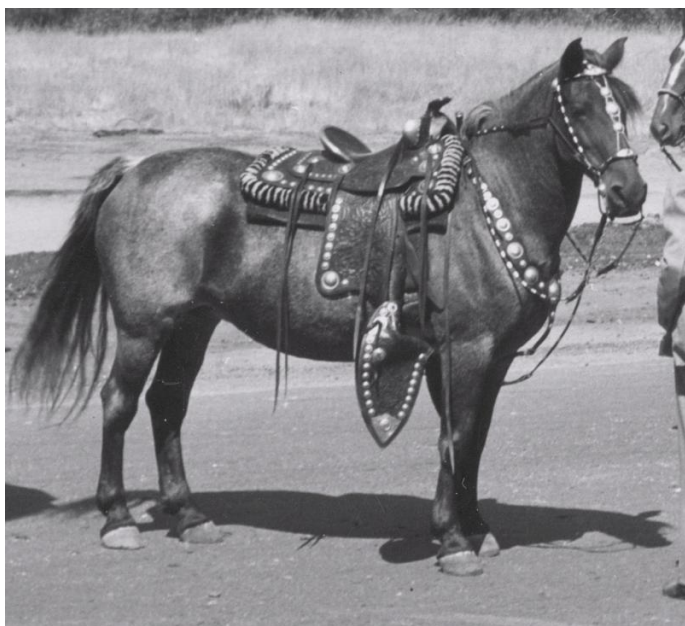
Вы читаете Анри Перрюшо?
(к рассказу “Интересная книга”)

Янкелевич понуро поплёлся к троллейбусной остановке. Его одолевали разные мысли. Он уже давно смирился с тем, что каждый раз занимал последнее место в списке авторов своего изобретения (к рассказу “Авторское свидетельство”)

Жарко. Зяма расстегнул шинель и тут...слева блеснула звезда Героя.... (к рассказу “Истоки подвига”)

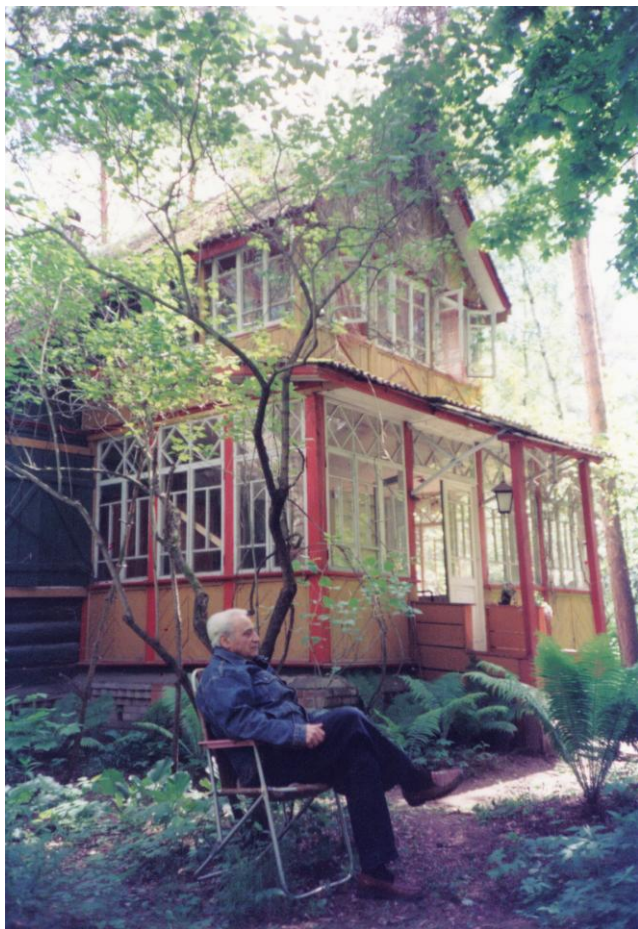
На кожаной уздечке поблескивали металлические украшения. (к рассказу “Граф Монтекристо”)

Этот домик стоял на отшибе. В нём не горел свет. Из трубы не шёл дым. Дорожка к нему была полностью занесена снегом. Всё это создавало впечатление отсутствия признаков жизни (к рассказу “Российский Робинзон”)

Рано ещё становиться на якорь. Бабы пока на меня клюют: перед его глазами промелькнули все, с кем он перезнакомился по Интернету, с кем гулял и спал. (к рассказу “Настоящий полковник”)

Ещё несколько шагов, и вот широкие ступени крыльца под навесом, на застекленную террасу. Сколько раз на них сидел и играл он ещё мальчишкой (к рассказу “Свидание с прошлым”)

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

ИСТОКИ ПОДВИГА

Когда началась война, я немного не дотягивал до 18. Был я парень рослый, крепкий – занимался штангой и, как только ушел на фронт отец, мечтал как можно скорее последовать за ним. Очень боялся, что война закончится и я не успею повоевать. Вскоре я ушел в армию добровольцем. После трехнедельной подготовки с командами типа: “Коротким коли!,” я в чине младшего сержанта уже ехал в теплушке на Запад. Это не была вновь сформированная часть, а разноплановое пополнение. Ещё при погрузке в вагон мне бросился в глаза невысокий, шуплый парень. Форма сидела на нём как-то неуклюже. Все было скособочено, полузастёгнуто. Тонкие ноги болтались в широких голенищах сапог. Он всё время шмыгал носом. В общем, производил жалкое впечатление. Ну какой из него получится воин? Чувствуя моё расположение к себе, он улёгся на нарах рядом со мной.

По худосочности и subtilности Зяму – так звали этого парня – при мобилизации определили в связисты. Были в вагоне представители и других военных специальностей. Среди всех новобранцев, явно угнетённых вынужденной разлукой с домом, выделялись трое парней. Они, видимо, были знакомы друг другу ранее. Щедро сыпавшийся мат и наглое поведение выделяли эту блатную шпану. Они сразу же начали задавать тон. Покрикивая и отталкивая других, заняли лучшие места около буржуйки. На этом очаге все по очереди прямо в

выданных на дорогу консервных банках грели свою еду. Эти трое лезли без очереди, грубо расталкивая и матеря всех. Со мной они были более осторожны. Уважали силу, которую видели во мне.

В конце первого дня пути Зяма рассказал мне, что на узловой станции, на которую поезд прибудет завтра, он должен встретиться с матерью. Мне казалось, что это невозможно. Как можно разыскать Зяму на станции, забитой десятками эшелонов с людьми? Я изложил Зяме свои доводы. “Ничего, – сказал Зяма, –мама меня обязательно найдёт!” В первый раз я услышал в его голосе твёрдость.

Они действительно встретились. Непостижимо, как этой маленькой, хрупкой женщине с узелком в руках, удалось отыскать наш эшелон и в нем Зяму. Зяма неловко спрыгнул к ней. Они обнялись и, обнявшись, долго стояли. Я увидел, что они оба плачут. Она, видимо, навсегда прощаясь с единственным сыном. Он от того, что бросает её – одинокую и слабую в чужом городе, куда они были эвакуированы с Украины.

Поезд ушел. Зяма долго ворочался на жестких нарах – не мог заснуть. Утром я увидел, что он что-то ищет в своем солдатском мешке. Со слезами на глазах он сказал, что мать вчера передала ему скудные припасы, которые копила несколько последних недель. И вот теперь их нет. Трое ехидно улыбались. Было ясно, что это дело их рук. Мне очень хотелось побить этих подонков, но смалодушничал. До сих пор не могу простить себе этого.

Прибыв на стацию назначения, мы попрощались с Зямой. Я был уверен, что мы больше никогда не встретимся, так как никаких шансов выжить на войне у такого человека, как Зяма, как мне думалось, не было.

Весной 1945 года война приближалась к концу. Наша дивизия уже воевала в Восточной Пруссии. Воевал я вроде бы неплохо: гвардеец, кавалер ордена “Отечественной войны,” двух орденов “Славы” и нескольких медалей. Комбат обещал послать меня на курсы подготовки лейтенантов, но был убит, и я так и не стал офицером.

В один из дней наша часть двигалась по шоссе на запад. Вдруг внезапная остановка. Вижу, нам навстречу вдоль дороги медленно движутся два связиста. Им тяжело. Ноги вязнут в грязи. Первый несёт на спине тяжёлую катушку. Когда они подошли поближе, то в походке того, что с катушкой, в наискось застёгнутой шинели, как-то поперек нахлобученной пилотке, мне показалось что-то знакомое. И я, наконец, узнал Зяму, соскочил с машины, подбежал к нему и мы обнялись. По его лицу текли струйки пота. Был тёплый день, да еще тяжелая катушка, которую связисты, видимо, несли по очереди. Жарко.

Зяма расстегнул шинель, и тут... Слева блеснула золотая Звезда Героя, а справа – красные и желтые нашивки ранений. Я был поражен. Зяма тихо произнес: “Вот так получилось,” и как-то виновато, улыбнулся. Расставаясь, я пожелал ему скорейшего возвращения домой, и встречи с мамой. Больше мы никогда не виделись.

Позже я много думал о том, какой же подвиг мог совершить солдат-связист? Может быть, Зяма был именно тем связистом, о котором

рассказывали: будучи раненным в руки, чтобы обеспечить связь, он зубами зажал оборванные оголенные концы проводов? И как, вообще такой человек, как Зяма, мог совершить подвиг?

Готовность к подвигу не обязательно определяется обладанием пудовыми кулаками и “бесстрашием” там, где не можешь получить отпор. Могли ли совершить подвиг те трое, которые по дороге на фронт обворовали своего же товарища - солдата. Уверен: нет и тысячу раз нет.

В моем понимании, чтобы совершить подвиг нужно обладать высокими нравственными качествами, нужно очень любить своих близких. Быть готовым пожертвовать своей жизнью ради них. Видимо, таким человеком, готовым отдать свою жизнь, чтобы защитить маму, и был тщедушный и нескладный Зяма.

2006г.

ПЕРВЫЙ БОЙ

- “Последний бой - он трудный самый” - поётся в известной песне. Но это не совсем так. Мне кажется, что самый трудный - первый бой, - взволнованно проговорил седой мужчина с орденскими планками на пиджаке и отдышавшись продолжал.

- Когда перед началом атаки вражеская артиллерия начала обстреливать наш передний край, мне показалось это настоящим адом. И раньше в кино видел разные ужасы, но такого... Это трудно описать словами, и может понять лишь тот, кто пережил всё это сам. Я был страшно напуган. Присел в окопе на корточки, весь сжался, закрыл голову руками и замер.

Артподготовка закончилась. Началась атака врага, и раздалась команда “Огонь!”, а я всё сижу, сжавшись в комок. Тут подбегает ко мне командир взвода, трясёт за плечо и, видя, что я не реагирую, как закричит: “А ну, жидовская морда, на огневую позицию! Открыть огонь!” Наверное, он выбрал нужные слова. Если бы он закричал: “Застрелю к чёртовой матери!” или “Пойдёшь под трибунал,” я бы, скорее всего, не отреагировал. Но тут я встрепёнулся и бросился к пулемёту.

После боя командир взвода подошёл ко мне и, устало хлопнув меня по плечу, сказал: “Ну, с боевым крещением! Ты извини меня, парень, но в тот критический момент я должен был заставить

тебя очнуться и вступить в бой". Лейтенант оказался хорошим мужиком. Мы долго потом воевали вместе. Он погиб в 1943 году. Это был единственный случай в моей жизни, когда я был благодарен за оскорбительные слова в мой адрес.

2008 г.

ГРАФ МОНТЕКРИСТО

Строительный батальон перебрасывали на другой участок фронта.

— А ну-ка, Костя, гони к обозам, – приказал комбат своему ординарцу, молодому всё знающему и всё умеющему пареньку.

“Газик” рванулся и, потонув в облаке пыли, запрыгал по ухабам к хвосту колонны. Солдаты шли тяжёлым натуженным шагом. Комбат с любовью смотрел на них – бывших плотников и каменщиков. Война оторвала их от любимого дела, бросила в гущу боёв, и теперь часто своими руками они взрывали то, что строили раньше. Они взрывали сейчас, чтобы потом, после победы, построить ещё больше и ещё лучше.

Батальон двигался, колонна замыкалась конным обозом.

— Подожди меня здесь!

Комбат вылез из “Газика” и зашагал вдоль колонны. Дорога, размытая дождями, иссушенная солнцем, была бичом для обозников. Выбившиеся из сил лошади с трудом тащили свой груз. Картина обоза мало радовала комбата. Вдруг взор его привлекла необычная картина. К одной из телег сзади был прицеплен фаэтон с огромными задними колёсами и складным верхом. На фаэтоне, глядя в небо узко расставленными полозьями, лежали беговые дрожки. Сзади всего этого нагромождения двигалась лошадь. Чёрная, как смоль, она бережно ставила свои ноги в дорожную

пыль. На кожаной уздечке поблескивали металлические украшения, а сверху лежала попона, настоящая добротная попона, с бахромой и мохнатыми кистями по углам. В походе лошади и её поведении чувствовалось полное равнодушие ко всем перипетиям войны, к плохой дороге и резким крикам обозников, подбадривающих лошадей.

“Не лошадь, а артист какой-то, – подумал комбат, – и что это вообще за цирк?” Он подозвал первого попавшегося бойца и спросил об этой лошади.

– Это Граф Монтекристо, – усталый обозник улыбнулся.

– Я вам сейчас покажу “графов”! Цирк устроили! Позвать начальника обоза! – распорядился комбат.

К нему подбежал запылённый лейтенант.

– Что за балаган? – зашумел комбат. – Чья это лошадь?

– Ваша, товарищ майор.

– Моя?

– Конечно ваша, товарищ майор. Два дня назад её привёл Костя вместе с этим, – лейтенант указал на фаэтон, – и сказал, что это ваша, пусть пока побудет у нас.

– Ладно, разберёмся, – комбат пошел к машине. “Газик” ждал комбата у обочины.

– А ну, вылезай, сукин сын! – приказал Косте рассерженный майор. – Мародёрствуешь, цирк устроил в батальоне! Командира посмешищем сделать хочешь?

В серых чистых глазах ординарца появилось страдающее выражение. Майору нравилось Костино открытое лицо, курносый нос, его

расторопность, умение всё быстро и хорошо делать. Страдающее выражение Костиных глаз, когда его распекали, всегда смягчало майора. То же получилось и в этот раз.

— Рассказывай, как было!

— Два дня назад, — начал Костя, — когда мы стояли в Н , прибегают ко мне ребята и говорят, что лошадь пропадает. Её бросил бежавший хозяин. Стоит себе бедняга в конюшне без сена, без воды. Я ей с руки хлеба дал, так она мне, товарищ майор, всю ладонь облизала. А какие у неё глаза умные. Я посмотрел — такие глаза...! Вы видели, товарищ майор, какие у неё глаза? Ну прямо человеческие.

— Ты, я вижу, ещё мальчишка.

— Ну вот, я и подумал: лошадь всё равно пропадёт, тут скоро осень, развезёт. На газике не пройдёшь, а в этом тарантасе вам, товарищ майор, хорошо будет объезжать роты во время работы, ну а зимой на санках. Я уже попробовал, товарищ майор, она и под седлом ходить может. Ну я ... лошадь ведь всё равно пропадала, ну я ... — в глазах Кости загорелись озорные огоньки.

— Ладно, — прервал майор, — мы об этом ещё поговорим, а теперь во вторую роту.

Почувствовав, что судьба Графа Монтекристо решена, Костя на радостях дал сходу третью скорость. Газик занесло на первом же ухабе.

Граф Монтекристо прошел с батальоном всю осень и зиму. Лошадь действительно оказалась полезной. В осеннюю распутицу комбат объезжал своих солдат, работающих в нескольких километрах, в экипаже. Это выглядело несколько смешно, но во многих случаях спасало. К Графу Монтекристо и его экипажу привыкли. Среди

многих хороших качеств лошади майора более всего привлекало хладнокровие графа, который совершенно равнодушно относился к стрельбе. Он не шарахался и даже не поворачивал голову в сторону пулемётных очередей. Один минус был у Монтекристо: будучи запряженным и чувствуя под ногами более или менее приличную дорогу, он шёл спокойной трусцой, должно быть, вспоминая времена, когда перевозил пассажиров. Никакая сила не могла заставить его увеличить скорость. Косте, с которым они были в самых лучших отношениях, это удавалось очень редко. В общем же комбат был доволен лошадью. Зимой они ездили с Костей на санках, часто опрокидывались из-за узкого разлёта полозьев. Майор ругался. Костя клялся, что на этот раз обязательно разведёт полозья, а через некоторое время всё повторялось снова.

Однажды в марте батальон получил приказ проложить параллельно линии фронта десятикилометровую дорогу. На его выполнение дали один день. Ночью по этой дороге должны были пройти сконцентрированные в лесу части, готовые к прорыву вражеской обороны.

Целый день майор разъезжал вдоль трассы, на которой шла работа. Со стоном падали подпиленные у самого корня сосны. Расчищался путь через лесное озеро. Поздно вечером мимо майора стали проходить измученные, но выполнившие задание солдаты. Первая рота, работавшая на самом отдалённом участке, должна была вернуться в расположение другим путём. Комбат не знал, как у них обстоят дела, курил папиросу за папиросой и наконец приказал Косте пробежаться и выяснить, ушла ли первая рота.

– Не могу, товарищ майор, оставить вас в лесу одного – не имею права! Имею категорический приказ комиссара не делать этого.

Такие разговоры случались часто, и каждый раз комбат обещал Косте, что это в последний раз.

– Волнуюсь, – признался майор, – не прислали связного! Давай, голубчик, ну ей Богу последний раз, а мы с Графом доберёмся – дорога теперь есть.

Костя даже не пошевелился.

– Кто здесь в конце концов командир? – рассердился комбат. – Отправляйся!

Комбат остался один. Санки, в которые был запряжён Граф, стояли у самой дороги. Быстро смеркалось. Линия переднего края всё ярче очерчивалась багровым заревом. Сзади темнел лес. Приближалось время прохода штурмовых частей. В белых маскировочных халатах, с суровыми лицами, озаряемыми зеленоватым светом ракетных вспышек, безмолвными рядами двинулись солдаты прорыва. Таинственностью и холодом повеяло на майора от этого безмолвного движения белых теней, нарушаемого слабым хрустом снега и шорохом халатов. Пожелав им удачи, майор вздохнул с облегчением – задача была выполнена. Теперь по дороге, плотно утоптанной теми, кто пошёл в бой, можно было вернуться в расположение батальона. Граф медленно затрусил, увлекая за собой лёгкие санки. Майор задумался и вдруг, метрах в восьмистах от себя, увидел тени, легко скользившие на лыжах параллельно дороге. “Должно быть, наши,” – в первое мгновение подумал он. Но какое-то подсознательное чувство заставило майора вложить обойму в висящий у него на груди автомат и расстегнуть кобуру “ТТ”.

Несмотря на вмешательство кнута, Граф не выражал желания увеличить скорость, а тени на лыжах не отставали. Вдруг слева с другой стороны раздалось короткое и лающее: “Русс, сдавайсь!”

Резко повернув голову, майор увидел двух идущих в нескольких метрах от него лыжников. Пальцы сами нажали на спусковой крючок автомата — фигуры упали в снег. Стало ясно, что майор столкнулся с вражескими разведчиками.

Услыхав выстрелы комбата, лыжники устремились к нему. Зазвучали автоматные очереди. Встав на колени на самое дно санок, майор отчаянно стегал лошадь, но обстрелянный, высокомерный Граф был неумолим. Лыжники приближались. “Неужели конец, — подумал майор, — так глупо — у себя в тылу”. И вдруг Граф рванулся и, словно подхлестнутый кем-то, пустился в бешеный галоп, которого ещё никогда не приходилось видеть комбату. “Только бы не перевернулись санки!” — думал он, отвечая короткими очередями на выстрелы отстающих лыжников.

Санки не опрокинулись, и вскоре, они примчались в расположение батальона. Только тут майор заметил кровавый след, тянущийся за санями. Бешеный галоп был лебединой песней Графа Монтекристо. Лошадь начала спотыкаться и затем с храпом упала на бок. Майор соскочил с санок и застыл, пораженный глазами лошади: в них было такое отчаяние, тоска. Майору, который много раз видел смерть, стало не по себе. К лошади поспешили бойцы. “Как она могла столько бежать с такой раной?” — раздались недоуменные голоса.

Майор побрёл в командирскую землянку. Начальника штаба и комиссара он застал за

столом. В углу на печурке уютно пыхтел чайник. Комбат молча подошел к сидевшим и попросил налить водки. Он всё ещё не мог прийти в себя, но не от стрельбы, не от смертельной опасности, которая ему ещё совсем недавно угрожала, а от скованного болью взгляда по-человечески умных глаз Графа Монтекристо. Этого невозможно было забыть!

Начальник штаба ждал обычного комбатовского: “Хватит”. – Давай ещё, – прохрипел комбат и опрокинул целый стакан.

Комиссар первым догадался, что с комбатом что-то произошло. Он встал, поднёс к носу пахнувший перегоревшим порохом ствол автомата комбата и понимающе подмигнул начальнику штаба.

Ни о чем расспрашивать было не нужно. Всё и так было ясно. Шла война.

1958г.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Солдат в задумчивости медленно шел вдоль оград изб. Их часть, потрёпанную в тяжелых боях с русскими, отвели в тыл на несколько дней на отдых. “Ужасная война, – думал он, – сколько крови уже пролилось и сколько прольется ещё?” Как не хотелось ему идти воевать! Как было тяжело расставаться с уютным, утопающим в цветах домиком на окраине крошечного городка в Вестфалии, в котором время словно замерло на столетия. Но при тотальной мобилизации в 1942 году забрали и его – единственного сына одинокой матери.

На краю деревни около ветхой избы его внимание привлекла старуха, которая колола дрова. Женщина с усилием поднимала увесистый топор, после каждого отколотого полена отдыхала, тяжело дыша. Солдат был поражен увиденным. “Может быть и моя мать сейчас мучается, выполняя непосильную работу, – подумал он. – Придет ли кто-нибудь ей на помощь?”

После некоторых раздумий он прошел за ограду и взял из рук женщины топор. Та испуганно отбежала в сторону, не понимая, что будет дальше. Солдат скинул шинель... Через полчаса, когда выросла горка наколотых поленьев, он устало воткнул топор в колоду, вытер рукавом потный лоб и ничего не говоря ушел.

Ночью к старухе тайком пробрался её сын – Федор, минёр в партизанском отряде.

- Когда же ты, маманя, успела столько? - спросил он удивлённо, увидев наколотые дрова.

- Это не я, а солдатик один.

- Какой солдатик? Фриц, что ли?

- Ну да, он.

Фёдор был поражен.

- Он, наверное, того... - Фёдор покрутил пальцем у виска.

- Ты что? Он так помог мне! Дай Бог ему здоровья!

- Какое там здоровье?! Их всех, гадов, нужно поубивать!

- Ты этого не тронь! Если встретишь, не убивай! Ты его узнаешь: он такой..., - старуха запнулась, - такой ... худенький, в серой пилоточке.

- Все они в серых пилотках, гады! Они ещё получат...!

Утром солдаты, и среди них тот, что колот дрова, уехали на грузовике с открытым кузовом. В двух километрах от деревни на просёлочной дороге грузовик подорвался на поставленной Фёдором mine. Все, кто ехал в нём, погибли.

2009 г.

НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ

За успешные действия в тылу врага было решено наградить правительственными наградами группу наиболее отличившихся партизан. Представленных к званию Героя Советского Союза, привезли на Большую землю.

В преддверии вручения наград устроили им торжественную встречу, накрыли столы. Руководил мероприятием какой-то штабной генерал. В ожидании появления героев он просматривал список награждённых. Дойдя до одной из фамилий, генерал побагровел и громко воскликнул:

– Что уже и жидам стали давать Героя?

Владелец злосчастной фамилии, как раз входил в помещение. Услышав только что произнесённые слова, он без раздумий схватил со стола первую попавшуюся бутылку и стукнул ею генерала по голове. Генерал рухнул на пол. Скандал, замешательство! Виновника взяли под стражу, генерала отправили в госпиталь.

О произошедшем доложили Пономаренко – первому секретарю ЦК Белоруссии, возглавлявшему партизанское движение страны. Пономаренко был в растерянности: за такие поступки полагается трибунал, но ударивший был командиром одного из лучших партизанских отрядов. Ну и генерал тоже хорош... Что делать? Это надо решать в верхах.

Сталин, выслушав Пономаренко, после короткого раздумья произнёс:

– И в правду, герой. Дайте ему “Красное Знамя” и пусть дальше воюет.

2006г.

ЭТО ВАМ ЗА ВСЁ...

Обутая в старые галоши, в которые с трудом втискивались опухшие больные ноги, Арина перепиливала в одиночку двухручной пилой толстое бревно. Работа длилась уже не первый день. Это был тяжкий труд для старухи, которой перевалило за восемьдесят. Но, что делать? Как пережить приближающуюся зиму без дров?

За этим занятием её застал солдат, резким движением отворивший висящую на одной петле калитку.

– Яйки, млеко! Бистро, бистро!

– У меня ничего нет. Разве не понятно, что у хозяйки такой развалюхи ничего не может быть.

Солдат или ничего не понял, или не хотел понимать. Он отворил ворота хлева и был разочарован. Хлев был пуст. Ещё в прошлом году забрали кормилицу – козу, которую долго оплакивала Арина. Разозлённый неудачей солдат направился к курятнику.

“Как хорошо, что я упрятала Хохлатку,” – подумала Арина. Она сделала это еще утром, когда солдаты в очередной раз нагрянули в их деревню. В курятнике солдата также ждало разочарование. Он уже собирался уходить, когда Хохлатка, разбуженная скрипом отворяемой двери, начала копошиться в углу, заваленном соломой, а затем вылезла и доверчиво пошла навстречу солдату. Она привыкла, что вслед за привычным скрипом двери появляется хозяйка, которая непременно приносит какое-нибудь скромное угощение.

Обрадованный солдат схватил Хохлатку и крепко сжал. Непривычная к столь грубому обращению, курица возмущённо завоптала, норовя клонуть солдата. Тогда он сжал рукой её ноги и вниз головой вытащил из курятника. Увидев это, Арина в отчаянии бросилась к солдату; плача, она просила оставить ей курицу, говорила, что это единственное, что у неё есть, умоляла, почти валялась в ногах.

“Что хочет эта глупая, старая женщина? Как она не понимает, что я победитель. Что я могу делать на этой земле все, что хочу. И раз я голоден, я обязательно заберу эту птицу”.

Меж тем Хохлатка, раскрыв крылья, дёргалась и рвалась изо всех сил.

Это рассердило солдата. Он размахнулся и ударил курицу о бревно. Тело Хохлатки сразу обмякло. Она перестала дёргаться.

Не в силах видеть это, Арина закрыла лицо руками. Так она простояла некоторое время, а потом медленно пошла к курятнику. В нём было зловеще тихо. Ещё совсем недавно здесь была Хохлатка, не только её кормилица, но и её подруга, собеседница – в общем, единственное живое существо, которое оставалось рядом с ней, доживающей свой век старухой. Ещё вчера она привычно угощала Хохлатку прямо с руки, а та аккуратно склёвывала нехитрое лакомство. Ещё вчера она гладила золотисто-серебристые перья на её спине, рассказывая ей о своих хворобах, о бедах одинокой старости. И вот теперь она ее лишилась! Как пережить это горе...

Пошарив в соломе, в привычном месте она нашла яйцо. Одно, небольшое, последний подарок Хохлатки. Арина осторожно отнесла его домой и

закутала в тёплое тряпье. “Сейчас не ко времени, но вдруг удастся сохранить его и вылупится цыпленочек, а потом вырастет новая Хохлатка”. Как ей хотелось верить в это!..

Арина не могла успокоиться, не могла вечером заснуть. Корила себя за то, что не ударила этого наглого рыжего лопатой по голове. “Я всё равно долго не проживу, а так может быть стало одним супостатом меньше,” – думала она. Эта мысль не давала покоя.

Ночью, когда стихли громкие голоса подвыпивших солдат, Арина прихватив бутылку с керосином, заткнутую бумажной пробкой, посплелась к дому, где они заночевали. Убедившись, что рядом никого нет, она полила приступок входной двери керосином и со словами: “Это вам за Хохлатку, это вам за всё!” – чиркнула спичкой. Пламя мгновенно заиграло на сухом дереве.

Арина не успела уйти далеко, как к ней подбежали двое полицаев.

– Ты что здесь в такой час делаешь, старая? Что это за бутылка? – спросил один из них, увидев бутылку, которую не успела спрятать Арина.

– Давай сюда! Понятно, – сказал он, понюхав, – ясно, кто устроил поджог! Ну ты за это получишь...!

И они потащили за собой упирающуюся Арину.

На другой день в деревню прибыл для расследования случившегося офицер “СС”. Ему рассказали о произошедшем.

– Сколько солдат пострадало?

– Ребята хорошо погуляли и были сильно на взводе. Трое, видимо самых пьяных погибли, пятеро получили сильные ожоги.

- Мерзавцы! Дисциплина совсем распаталась! Вызвать ко мне их командира! Он за это ответит! А сейчас я хочу допросить партизана. Мне сообщали, что поджигатель задержан.

- Партизана нет.

- Как это нет?!

- Это не партизан. Это старуха.

- Старуха???

- Да, старуха. И очень древняя. Едва ходит.

Офицер был поражен: "Если старуха совершает такое, то как нам победить этот народ? Война так затянулась, ей не видно конца. Наверное, я ещё не скоро увижу свою Гретхен"...

- Что делать со старухой? - прервал его размышления вопрос.

- Как обычно, что делают с поджигателями...

Когда Арину, окружённую солдатами, куда-то повели, она понимала, что это последние минуты её жизни. Жалела ли она о том, что жизнь кончается?

"Днём раньше, днем позже, - думала она. - Всё равно совсем близка голодная смерть. А так я сгубила хоть сколь ни есть врагов, пришедших, чтобы нести людям горе. Жаль только что без меня пропадёт последнее яичко Хохлатки".

В самую последнюю минуту она успела прокричать: "Это вам за Хохлатку, это вам за..."

Присутствующий офицер спросил полиция о том, что прокричала старуха.

- Она прокричала о какой-то Хохлатке. Совсем с ума сошла!

ВЫ ЖЕ НЕ ФАШИСТ...

Получив приказ, майор Смирнов тотчас выехал к месту нового назначения. Путь был довольно долгий – из Кенигсберга в Баварию. Всё по дороге носило следы только что закончившейся войны. Сравнивая увиденные разрушения с теми, что Смирнову довелось повидать на Брянщине и на Украине, его не покидала мысль: “Мало немцам досталось. Им бы наше горе: мало, мало им...”

К вечеру уставший водитель попросил об отдыхе. Вскоре они въехали в маленький городок, стоящий на берегу неширокой извилистой реки, где-то впадающей в Одер. На крохотной площади, куда сходилась несколько улиц, высилась уцелевшая кирха с забитой досками входной дверью.

Внимание майора привлёк домик с обилием цветов за низкой оградой. “Кругом разрушения, а тут цветы,” – с раздражением подумал Смирнов, однако велел водителю остановиться.

– Фрау Шиллер, – представилась хозяйка дома – аккуратно причёсанная блондинка в переднике. – Конечно, вы можете у нас переночевать, но у нас совсем нет продуктов, чтобы что-нибудь для вас приготовить.

В машине были консервы, взятые на дорогу. И вскоре майор Смирнов уже мог отведать сваренное хозяйкой блюдо.

Фрау Шиллер помогала дочь. Как показалось Смирнову, девушка лет семнадцати, полностью оформившаяся, с развитой грудью, которой было

тесно в узкой кофточке. Девушка была весьма миловидной и, как подумалось, смотрела на него с интересом. Майор был молод, высокий, черноволосый, приятной наружности, был образован, знал языки. Он всегда нравился женщинам. Девушка вызвала у него желание познакомиться с ней поближе. В этом он окончательно утвердился после выпитого за столом: “Я победитель, заслужил возможность расслабиться... и ей я, кажется, нравлюсь... Так почему же нет?”

Улучив момент, когда фрау Шиллер вышла из комнаты, Смирнов тоном, не допускающим возражения, сказал, обращаясь к девушке:

– Приходи ко мне сегодня в одиннадцать!

– Как это? – девушка испуганно посмотрела на него.

– Ты что, не поняла? Придешь в одиннадцать! Я буду тебя ждать!

– Зачем? Я должна спросить разрешения у мамы.

– Что ещё? – резко спросил Смирнов. – Ты всё прекрасно поняла.

– Хорошо, хорошо, господин офицер. Не сердитесь. Я приду.

Ровно в одиннадцать в комнату Смирнова постучались. “Вот она, немецкая пунктуальность,” – радостно подумал он. Однако вместо девушки в комнату вошла её мать.

– Что это значит? – сердито спросил Смирнов.

– Прощу меня выслушать, господин майор, – в голосе женщины зазвучали, слёзы. – Я прошу вас, я умоляю... пощадите мою дочь – ей всего пятнадцать! Она... она девочка. Я понимаю, вы молоды, вам нужна женщина... Возьмите меня, –

фрау Шиллер начала дрожащими руками расстёгивать пуговицы на платье.

– Прекратите! Как вам не стыдно! – Смирнов не мог сдержать злобы. – Вот вы просите пощадить вашу дочь, а я прошел пол своей страны. И видел там столько крови, столько насилия. Вам такое не может привидеться. Ваши солдаты не щадили наших девушек, наших детей. Вы первые пришли в наш дом.

– Я всё понимаю, – голос фрау Шиллер дрожал. – Война – это ужас, это кошмар. Нет прощения тому, что делали некоторые наши... Надругаться над детьми – это не могли делать люди. Это делали нелюди – фашисты. Но ведь вы... вы не фашист, господин майор.

В устремлённых на него глазах фрау Шиллер Смирнов прочёл такое, что вынужден был отвернуться.

– Уходите немедленно!

Дверь захлопнулась.

“Вы же не фашист, господин майор, – повторял и повторял Смирнов, не находя себе места. – Да, господин майор не фашист. Он три года шел сюда, чтобы победить эту чуму”.

Хмель прошел, и стало стыдно за свою минутную слабость. Вышел, позвал водителя.

– Собирайся, мы уезжаем! – приказал он.

– Как? Сейчас, среди ночи? Где же будем ночевать?

– Да, немедленно! В крайнем случае поспим в машине, не в первый же раз.

2008 г.

ОДНАЖДЫ В 1947...

В 1947 году трое молодых лейтенантов после окончания училища ехали на восток к месту первой службы. Столик в купе был заставлен бутылками — обмывали новенькие погоны.

Под вечер на одной из станций в их купе зашёл низкорослый мужчина с восточного типа лицом. Гражданский костюм выглядел на нем мешковато, не скрывая шуплости хозяина. В руке он держал маленький чемоданчик. Мужчина, видимо, был очень утомлён. Коротко поздоровавшись, тотчас залез на верхнюю полку и заснул.

Между тем лейтенанты продолжали застолье. Недавно кончилась война, и, конечно, разговоры велись вокруг неё. Больше всех разглагольствовал рыжий лейтенант, задававший тон в компании. В какой-то момент, разгорячённый выпитым, он заявил:

– На фронте воевали одни русские. А разные там евреи, косоглазые и прочие чёрные отсиживались где-нибудь в Ташкенте, пока мы, русские, проливали кровь.

– Как же так, – возразил один из лейтенантов, – смотри сколько орденских планок на пиджаке этого. – Он указал на спящего.

– Неужели ты думаешь, что этот хлюпик действительно воевал? Да все они хилые и малодушные. Наверное торговал дынями. А награды купил в Одессе. Там можно всё купить.

Спящего разбудили громкие голоса. Услышав последние слова, он тотчас соскочил с полки.

— Я вам вчера не представился: майор Юлдашев. Воевал с первого и до последнего дня. Недавно демобилизовался и вот еду домой в Узбекистан. Я бы, конечно, мог показать вам документы. Но это просто смешно. Однако кое-что покажу.

Он расстегнул рубашку на смуглой груди, изуродованной шрамами. Самый большой и зловещий из них протянулся почти от плеча до пояса. Лейтенанты ахнули.

— А ты, молокосос, который не нюхал пороха, — обратился он к рыжему лейтенанту, — что ты знаешь о том, что было на фронте, о том, как там сражались люди разных национальностей?! Как ты, подонок, посмел порочить целые народы?! Если ты сейчас не возьмешь свои слова обратно, не извинишься, я застрелю тебя, как шакала, и рука не дрогнет.

С этими словами он достал из чемоданчика именной парабеллум — награда от командующего армией за мужество — и снял его с предохранителя. У лейтенанта мгновенно хмель прошел.

— Извините, товарищ майор, — проблеял он, — мы тут немного приняли ... Я был неправ, извините, пожалуйста ...

Через минуту ни лейтенантов, ни их вещей в купе уже не было. Когда они спешно перебрались в другой вагон, один из них сказал:

— А ведь он действительно мог застрелить. Решимость сделать это я прочёл в его глазах. А ты ещё говорил, что все они трусы.

2007 г.

НА ПУТИ К КАПИТАЛИЗМУ

ПИСЬМО ИЗ ИЗРАИЛЯ

Он шел, как всегда, медленно, тяжело переставляя ноги, стараясь разглядеть под снегом еле заметные наледы, понимая, что падение и любой перелом — это уже конец.

Маршрут был хорошо известен, и сотни раз пройден во время ежедневных прогулок. Вот там, метров через сто, у телефонной будки будет двухминутная остановка, чтобы успокоилось сердце. Потом небольшой подъём и снова остановка на перекрёстке в конце квартала.

В это время дня, в сумерках, на окраине города улицы всегда пустынные. Телефонная будка также была пуста. “Трубку сегодня не оторвали и шелухой семечек не насорили”, — с удовлетворением отметил старик.

Отдыхая, он по привычке осматривал всё вокруг и не мог не заметить свёрток бумаги, чуть припорошенный снегом. Ткнул его ногой. В нём оказались газеты. Из одной из них выпал конверт. Нагнуться и поднять его было совсем не легко. Но старик не пожалел, что сделал это. Конверт местами чуть подмок, однако сохранилась яркая марка с надписью, выполненной восточной вязью, и довольно чётко просматривался адрес. Главное,

письмо было не вскрыто и, вероятно, не побывало в руках адресата.

Адрес был местный. Старик хорошо знал эту пятиэтажку, которая была совсем рядом. Как-то вдруг возникло желание самому занести письмо, вручить лично, увидеть удивлённо-радостную реакцию, принять слова благодарности, наконец, просто услышать благожелательный человеческий голос. Может быть, это от одиночества?

Так или иначе, но он начал отклоняться от привычного маршрута: “До программы “Время” ещё часа полтора, успею. Если квартира выше второго этажа, то письмо опущу в ящик”. Почтовый ящик оказался открытым, со сломанным замком, а квартира была на третьем этаже. “Ладно уж, доберусь, как-нибудь потихонечку,” – решил старик.

Остановившись у красиво обитой двери и стараясь отдышаться, он почему-то засомневался: “Правильно ли сделал, что пришёл сюда? В конце концов, я делаю доброе дело – принес письмо”.

На звонок открыли не сразу, а потом без привычного “Кто там?” (видимо изучение его фигуры через глазок не вызвало опасения) дверь открылась, и он увидел одетую по-домашнему, но со вкусом, пожилую женщину с миловидным русским лицом. Последнее обстоятельство удивило старика – это не вязалось с обратным адресом на письме, и он застыл в замешательстве.

– Добрый вечер! – сказала женщина, слегка улыбаясь, словно заметив растерянность незнакомца и желая его подбодрить.

– Добрый вечер! – повторила она. – Вы кого-то разыскиваете?

“Какое у неё необыкновенно милое лицо! – подумал старик. – Как она доброжелательна! Это такая редкость в наше время!”

Резким движением, почти так, как это он делал раньше, старик снял шапку. Он был выше среднего роста, фигура ещё сохранила следы былой подтянутости. Седые, почти белые длинные волосы украшали крупную голову с мужественным подбородком. Когда-то он нравился женщинам.

– Пожалуйста, извините, я тут недалеко живу, гулял, случайно нашёл на улице письмо с вашим адресом. Решил сам занести. Может быть, вы его очень ждёте?

– Письмо, мне? – женщина протянула руку за конвертом.

Старик заметил красивые тонкие пальцы. Она надела очки, висящие на цепочке.

– Да, действительно, это мне. Как я вам благодарна! Вам пришлось специально идти сюда и подниматься без лифта! Вы должны обязательно зайти и передохнуть.

– Нет, нет, я вас не отпущу, – продолжала она, увидев его нерешительность, – заходите, заходите, без разговоров!

Очутившись в передней, старик всё же решил отказаться от приглашения. Но не успел ничего сказать, как женщина, извинившись, быстро прошла на кухню. Из-за приоткрытой двери на старика пахнуло восхитительным ароматом какого-то неизвестного ему кушанья. Он уже давно не ел ничего вкусного. В своей холостяцкой жизни довольствовался только той едой, которую мог сам состряпать в силу не очень большого кулинарного умения и всеобщего дефицита продуктов. Спасали

ветеранские заказы, за которыми, однако, приходилось выстаивать в длинных очередях.

Аромат жаренного мяса словно парализовал волю старика. И, когда женщина быстро вернулась, он неожиданно для самого себя спросил:

– Что это у вас так необыкновенно вкусно пахнет? – спросил и смутился.

– Это гамбургеры. Они чуть не сгорели. Я сегодня сама впервые их купила и вот готовлю. Чудесно! Сейчас мы с вами будем их дегустировать. Снимайте скорее пальто. Вот здесь можно его повесить.

– Может быть, не надо? Я, знаете ли, оделся для прогулки и вот это ещё, – он показал на свои мокрые зимние сапоги. – И вообще, столько хлопот.

Хотел ещё добавить, что неизвестно, как примут его визит её близкие, но промолчал.

– Мы сейчас всё устроим. Вот вам тапочки, там можно помыть руки, полотенце голубое. А что касается одежды, то пусть это вас не волнует. Вас никто не осудит — я живу здесь одна.

В ванной он увидел на полочке под зеркалом множество флакончиков и баночек — всего того, что так любят женщины. Всё это создавало особую атмосферу уютного жилья.

“Когда-то так было и у меня дома. Вернее, у нас, – подумал старик. – Как это было давно! Сейчас же только стакан с зубной щёткой и пастой”.

– Меня зовут Вера Петровна. Прощу меня извинить, что приглашаю вас ужинать на кухню. Садитесь сюда, ближе к свету, здесь вам будет удобно.

– Борис Соломонович, пенсионер. Восемь лет назад похоронил жену. В одиночку с переменным успехом борюсь со старостью и болезнями, – с грустной улыбкой представился старик.

– Ну вот, сейчас два советских пенсионера будут кушать гамбургеры.

Плавными движениями, не суетясь, хозяйка красиво накрыла на стол. Жаренные, ароматные гамбургеры показались старику необыкновенно вкусными. От тепла, уюта, вкусной пищи, доброжелательности хозяйки старику стало хорошо и легко, возникли давно забытые чувства спокойствия и умиротворения.

– А теперь пойдёмте в комнату, я вам включу телевизор. Сегодня должно быть что-то интересное про НЛО.

– Нет, нет, пожалуйста, не нужно телевизора. Я его и так смотрю целыми днями, – почти взмолился старик. – Давайте лучше с вами поговорим, если вы не возражаете? Немолодым людям есть, я думаю, что рассказать друг другу.

Они сели друг против друга в мягкие кресла с высокими спинками. В углу старик заметил небольшую икону.

– Вы верующая?

– Да. В детстве меня крестили, однако церковь я не посещала. Лишь после смерти мужа стала активной верующей. Религия даёт мне силу и спокойствие. Правильно сказал кто-то, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать. Бог нужен людям. Вера в него делает людей лучше. Особенно в наше время падения нравственности, утраты идеалов и озлобленности.

– Я атеист, но целиком согласен с вами и уважаю верующих. Уверен, эти люди не могут

сотворить зла. А как его много сегодня вокруг нас! Особенно трудно нашему поколению. Оказались мифом наши идеалы. Кажется, что мы прожили жизнь зря, такую трудную, полную лишений жизнь! Это горько!

Беседа была долгой. Старик высказал многое, накопившееся за годы одиночества. Выяснились близкие взгляды и интересы.

– Жизнь не кончается, – словно подвела итог беседы Вера Петровна. – Завтра мы с вами пойдём гулять в наш Зюзинский лес. Обязательно позвоните мне.

“ Какая милая женщина, какая милая женщина! – не уставал повторять про себя старик. – В меня, одичавшего от одиночества, неустроенности быта, переполненного волнениями от того, что происходит в стране и в мире, замученного старостью и болезнями, она – Вера Петровна вселяет спокойствие, оптимизм, надежду”.

От резкого звонка в дверь вздрогнули оба.

– Это, наверное, мой сын Владимир, – проговорила Вера Петровна. – Он сегодня звонил и сказал, что заедет забрать продукты, которые я им достала, а просто так он меня особенно не жалуется.

Вскоре в комнате появился довольно холёный молодой мужчина в дублёнке и пыжиковой шапке. В руках его поблескивал брелок с ключами от машины.

– Мать! Я на минуту. Сейчас повезём детей на каток, а вечером у меня презентация.

На приветствие гостя он, как показалось старику, ответил довольно холодно и тотчас удалился. Эту холодность Борис Соломонович объяснил себе тем, что сын застал в доме у матери

незнакомому мужчине, зачем он здесь? Между тем в передней из-за неплотно закрытой двери были слышны голоса.

— Ну, мать, ты опять за своё! Зачем тебе этот старый жид? Ведь ты только недавно проводила свою подругу в Израиль. И я думал, что твоя дружба с евреями на этом закончится. Ну что у тебя может быть общего с ними? Из-за них, проклятых, все наши беды: и революция, и наша нищета. Везде они захватили всё. Куда ни плюнь, профессор — еврей, народный артист — еврей, писатель — еврей, художник — еврей. Что делать нам, русским людям? Ну, ничего! Большинство само уедет, а остальных мы тут к ногтю... Ты бы лучше молилась Богу за русский народ!

— Владимир, прекрати сейчас же! Всё, что ты мне говоришь — это из речей руководителей вашего общества. Ты просто, как фашист! А Бога не трогай, ведь он учит терпимости ко всем. Уходи, противно тебя видеть!

Хлопнула дверь. Вера Петровна с горящими щеками вернулась в комнату. Её гость сидел с закрытыми глазами, мертвенно бледный.

— Вам плохо...? Или, может быть, вы слышали? Это ужасно! Я растила его одна и не справилась. Он бездарь, неудавшийся литератор — теперь ищет виновных в своих неудачах. Ещё связался с этой “Памятью”. Мне стыдно и больно за него. Такие подонки позорят наш народ, нашу русскую интеллигенцию. Простите ещё раз, простите...

— Да, я слышал, уж так получилось. У меня тоже был сын, единственный, способный мальчик. После окончания института он мог остаться в Москве, но решил сначала по-настоящему столкнуться с жизнью. Поехал на БАМ. Там погиб,

защищая молодого парнишку татарина от пьяных хулиганов. Жена не перенесла этого и вскоре умерла. Сам я еврей на три четверти. У моей мамы отец был русский. Она еврейского языка не знала. У нас в доме на идиш не говорили и я его не знаю. Синагогу я не посещаю, национальных обычаев не придерживаюсь. Я еврей лишь по паспорту. Воспитан на русской литературе. На фронте я защищал от фашизма все народы России, в том числе и русский народ. Был тяжело ранен. Едва выжил. Здесь моя Родина. Здесь могилы моих предков, моей жены, моего сына. Что плохого сделали евреи, в том числе вашему сыну и таким, как он? Страшно слышать то, что только что довелось услышать! Конечно, для меня не новость такие настроения. Читал об этом в газетах, но так — почти в лицо — впервые.

— Вы не должны этого слушать и воспринимать. Это кучка. Паршивая овца не портит стадо. Большинство осуждает этих фашиствующих “мальчиков”. Успокойтесь. Сейчас чайку попью...

— Нет. Спасибо. Я засиделся. Ещё несколько минут назад мне казалось, что жизнь не кончается, ещё есть надежда на какие-то светлые мгновения. Но сейчас понимаю, что эта надежда — призрак.

Когда до дома оставалось шагов триста, у старика возникла резкая боль в груди. Долго, слишком долго он открывал дрожащими пальцами тюбик с нитроглицерином. А счёт шел уже на секунды. Легче не становилось. Неловко поджав ноги, старик опустился на снег. На узкой дорожке между домами в эти часы не было прохожих. А если бы и были, то подумали — пьяный. Но, если бы и вызвали “скорую”, было бы уже поздно.

Старик понимал, что это последние минуты. Он давно ждал их, по-своему готовился. Но как ни готовься, это бывает всегда неожиданно. В его голове за считанные мгновения промелькнула вся жизнь: детство, родители, школа, институт, работа, фронт, опять работа, семья, одинокая старость. С каждым кадром угасала жизнь. Вот последний кадр. То, что было самым последним на долгом жизненном пути: милая русская женщина, расстилающая скатерть, украшенную крупными яркими цветами.

1995 г.

ЕСТЬ ИДЕЯ

Иосиф учился в школе неважно. И не потому, что не хватало способностей. Просто не хотелось учиться. Любил погонять мяч, в кино сходить или пошататься с ребятами. Был он мастак придумывать разные шалости. Родителей много раз вызывали в школу. Бабушка часто повторяла:

– Ой, Ося! Будешь плохо учиться, станешь сапожником.

И вот накаркала. После седьмого класса он ушел из школы. Поступил в техникум лёгкой промышленности. Как раз к началу перестройки имел диплом по специальности “Технология изготовления обуви”. Светила работа помощника мастера на обувной фабрике. Однако, взвесив всё за и против, Иосиф подался в сапожники. Имея определённый теоретический багаж, он быстро овладел ремеслом и скоро стал ведущим мастером в маленькой сапожной мастерской на одной из московских улиц.

Когда Союз распался, коллектив мастерскую приватизировал, и Иосифа, как самого грамотного, выбрали главным. Мастерская располагалась на не очень оживлённой улице и поэтому дела шли скорее всего так себе. На хлеб с маслом коллектив из четырёх человек всё же зарабатывал.

Однажды в сумерках в мастерскую зашли трое кавказцев и спросили старшего, затем проследовали в каморку, где, обдумывая решение, как выжить, сидел Иосиф.

– Я Арсен, – представился самый старший и мрачный из вошедших, – будешь мне каждый месяц платить!

Иосиф сразу понял, с кем имеет дело, но прикинулся непонимающим.

– Как! За что?

– Я буду твоей крышей.

– Что это, зачем она мне? – продолжал разыгрывать дурака Иосиф.

– Ты что, совсем дурной? Будем тебя защищать, если кто наедет, бандиты какие.

“Сами бандиты, а лезут в защитники. Впрочем, с ними надо дружить, возможно, пригодятся, а, может быть, когда-нибудь принесут пользу” – решил Иосиф.

– Сколько платить?

– Два куска в месяц.

Иосиф громко рассмеялся.

– Ты что смеешься? Сейчас плакать будешь! – лицо Арсена побагровело, глаза налились кровью.
– Сейчас печень выну! -- И волосатая рука потянулась к горлу Иосифа.

– Не сердись. Ты не понял, почему я смеюсь. Мы не зарабатываем и половины этой суммы. Вот смотри, как мы живём, на чём я считаю.

И Иосиф указал на выдавшие виды счёты с поломанными костяшками, которые держал специально. Счётную машинку он успел убрать, когда услышал грубые голоса входящих с улицы людей.

– Вот наш сегодняшний заработок. – Иосиф выдвинул ящик с помятыми рублёвыми бумажками. Более крупные купюры он всегда прятал отдельно.

- Новую рубашку никак не могу купить, - Иосиф встал, чтобы продемонстрировать всю ветхость поношенной ковбойки.

Арсен озадаченно помолчал, разглядывая ветхую обстановку каморки.

- Ну ладно. Сколько можешь?

- Две сотни. Это предел. Иначе ребятам не хватит на хлеб.

- Но смотри аккуратно, каждый месяц, а то я тебе точно печень выну. Буду приходить я лично или Руслан, - Арсен указал на одного из парней, - больше никому не давай. В случае чего звони, вот телефон. Мы быстро будем и с теми разберёмся. Ну, здоров будь!

Иосиф регулярно отстёгивал деньги молчаливому Руслану. Прошло несколько месяцев. В июне люди разъехались по отпускам. Город словно опустел. Клиентов стало совсем мало. Иосиф позвонил Арсену.

- Как ты знаешь, я регулярно отстёгивал тебе. Но сейчас выручки совсем нет. Прошу тебя до осени не требовать ничего. В сентябре клиент пойдёт, и я возобновлю.

- С тобой не было проблем. Ты вроде человек честный. Ладно. Я согласен. Но, если обманешь, то печень...

- Спасибо. Всё будет нормально. Уверен, моя печень не пострадает.

В сентябре Иосиф позвонил Арсену. "Важно завоевать его полное доверие," - решил он.

- Здравствуй, дорогой! Возобновляю свои выплаты.

- Ва! Ты хороший человек, честный, без напоминания работаешь. Молодец! Здоров будь! В случае чего звони.

Иосиф решил действовать по плану. Через несколько месяцев он вновь позвонил Арсену.

— У меня дела пошли немного лучше. Готов теперь платить тебе три сотни вместо двух.

Арсен, казалось, оторопел и потому ответил не сразу.

— Ва! Я тебя начинаю любить. Таких людей мало. А чтобы кто сам увеличил взнос — так таких я не видал. Ты меня приятно удивил. Спасибо и здоров будь!

Совсем скоро Иосифу представился случай использовать Арсена по назначению. В одну из пятниц к концу рабочего дня, когда мастера начали собираться домой, в мастерскую с криком и матом ворвались двое парней.

— Будете мне платить, мастеровые, каждые две недели, а сейчас гоните дневную выручку, иначе замочу, — нервно дёргаясь, заявил бритоголовый парень с золотой цепью на шее.

— Успокойтесь, ребята, сейчас всё сделаем. Предложите гостям пива. Сейчас принесу монету.

Иосиф удалился в комнату и, затянув телефон в туалет, под звук спускаемой воды соединился с Арсеном. Затем он вернулся в мастерскую, держа несколько купюр в кулаке.

— Здесь что-то маловато. Вы смотрите, мастеровые, без дураков! Мне замочить вас, как муху убить, -- и он сделал движение рукой к карману где, как можно было полагать, был или нож или пистолет.

— Спокойнее, ребята. Ещё пивка? Пойду, пошарю, может быть, что-то нарою.

И Иосиф вновь пошел в комнату, надеясь потянуть время. Но не успел он открыть туда дверь, как в мастерскую ввалился Арсен и с ним

ещё пятеро парней в чёрном. Не говоря ни слова, он схватил бритоголового за горло и начал душить. Когда тот стал хрипеть, Арсен ослабил руки и в ярости заговорил:

— Ты, что, гадёныш, в чужой огород рыло решил засунуть? Я, Арсен, и это мои люди. Мои, понял, козёл?

— Ладно, браток, прости. Об этом не было базара.

— Прежде, чем лезть куда-нибудь, узнай, где чей огород, огрызок! А если надумаешь опять сюда, я тебя везде найду, из-под земли достану, печень выну. Не будешь рад, что мать родила. Ну, ладно, пока живи.

Двоих, как ветром сдуло.

— Спасибо, Арсен!

— За что спасибо? Это моя работа. Ты мне за неё платишь. А вообще я тебя уважаю. Пошли, ребята. А ты здоров будь!

— Ну, что же, — решил Иосиф. — Крыша у меня хорошая, надёжная. Но попробуем её использовать ещё и по-другому. Вскоре он позвонил Арсену.

— Здравствуй, дорогой, нужно поговорить. Есть идея.

— Сегодня не могу, завтра зайду. Жди.

Назавтра Арсен просто опешил от того, что сказал ему Иосиф.

— Арсен, я хочу заменить один старый станок, купить два новых, расширить мастерскую, сломать чулан, и для этого хотел бы попросить у тебя денег.

— Ты что, сумасшедший? Все мне платят деньги, а ты хочешь, чтобы я тебе их дал? Да я тебе...

Глаза его налились кровью.

- Не нервничай и выслушай спокойно. Ты умный человек и всё поймешь. Расширив и обновив мастерскую, я смогу взять ещё трёх мастеров. Тут недавно закрылась одна из мастерских. Клиент повалит к нам. Мы увеличим выручку. Тебе же я делаю деловое предложение. Через пять месяцев твои затраты полностью окупятся, и я смогу удвоить мои выплаты тебе.

Иосиф протянул Арсену листок с расчётами. Арсен успокоился и примирительно засопел. Аккуратно сложил бумажку и спрятал в карман.

- Ладно. Я подумаю. Здоров будь!

Прошел год. Всё сложилось, как рассчитал Иосиф. Мастерская расширилась. Вырос доход. Арсен получал значительно возросшую сумму. Как-то он сам позвонил Иосифу.

- Слыхал у тебя скоро день рождения. Я тобой доволен и полюбил тебя ещё больше. Хочу сделать тебе подарок. Руслан занесёт. Это мобильник последней конструкции. Носи всюду с собой и звони, если где, что с тобой случится. Выручу везде. Ну, здоров будь!

“Прекрасно, - решил Иосиф, - будем продолжать действовать по плану”. Через несколько месяцев он позвонил Арсену.

- Здравствуй, дорогой, нужно поговорить. Есть идея.

- Буду, обязательно буду. Жди.

- Арсен, ты знаешь, в нашем доме соседняя дверь — дамское ателье. Большое помещение. Хозяин стар и болеет. Дела у них совсем плохи. Я говорил с ним, он готов продать помещение. Есть идея после хорошего ремонта сделать там обувной магазин. Такой бутик по продаже импортной обуви. Я уже познакомился с возможными

поставщиками. Магазин может давать хорошую прибыль. Однако мои финансовые возможности ограничены. Хочу попросить у тебя денег. Вложения окупятся через год, а далее выплаты тебе вырастут раза в три, а, может быть, четыре. Вот мои расчёты. Я сейчас не могу предложить тебе стать совладельцем магазина. Думаю, ты понимаешь, почему. Однако в будущем всё может измениться.

Арсен в первый момент поёжился, услышав, что нужно ассигновать на магазин приличную сумму, но быстро взял себя в руки.

– Ладно, я подумаю, – привычно произнёс он, – здоров будь!

Расчёты Иосифа оправдались. Со вкусом отделанное помещение магазина, хороший ассортимент товаров, вежливые продавцы привлекли покупателей. Расходы Арсена окупились даже раньше обещанного срока. Отчисления ему выросли. Когда состоялся очередной телефонный разговор, Арсен сказал:

– Я тебя очень полюбил. Ты джигит и умный человек. Но каждый раз, когда ты приходишь с новой идеей, у меня начинает болеть сердце – ведь нужно давать деньги, так ты уж, пожалуйста, поаккуратней, с подходом. Ну, здоров будь!

Прошло два года и полный новых грандиозных планов Иосиф позвонил Арсену.

– Здравствуй, дорогой! Я с подходом, прими валидол. Есть идея. Жду тебя.

Прошло ещё несколько лет и на только что отремонтированном красивом трёхэтажном здании в одном из Арбатских переулков появилась вывеска: Правление холдинга “Народная обувь”.

Холдинг включал в себя: банк, несколько фабрик и домов обуви.

Народ валом повалил в просторные залы, где их встречал яркий свет и музыка, создавая праздничное настроение. Люди богатые, не очень богатые и совсем не богатые находили здесь всё, что им было по душе и по карману.

Успешную работу холдинга надёжно защищала служба безопасности, которую возглавлял один из его основных акционеров – Арсен.

Каждое утро из своего шикарного особняка, обнесённого высоким кирпичным забором, выезжает на работу главный акционер, генеральный директор холдинга. Ровно в 10.00 его серебристый шестисотый “Мерседес” останавливается у подъезда правления холдинга. Одновременно тормозит следующий за ним джип. Из него быстро выскакивают высокие широкоплечие молодые люди, которые на минуту перекрывают движение пешеходов. Телохранитель услужливо открывает дверцу автомобиля.

Выходя из него, Иосиф каждый раз почему-то вспоминает бабушку: “Вот сейчас поглядела бы она на меня! Жаль, не дожила старушка”.

2004 г.

ПРОСТАЯ ФАМИЛИЯ

Уже несколько месяцев город лихорадили слухи о предстоящем судебном процессе над крупным местным предпринимателем Собакиным, являющимся фактически хозяином всей области. Речь шла о незаконном присвоении собственности, о миллионах мошенническим путём полученных долларов, спрятанных в иностранных банках, о подкупах, заказных убийствах и других тяжких преступлениях. Следователи настаивали на том, что пребывание Собакина на свободе препятствует их работе. Тем не менее прокуратура пошла со скрипом на его арест. Но даже после изоляции Собакина обвинение постепенно продолжало разваливаться: отказывались от своих слов или пропадали свидетели, терялись документы, опровергались очевидные факты. А за несколько недель до начала процесса от адвокатов обвиняемого поступило заявление с просьбой об изменении меры пресечения: освобождении обвиняемого из-под стражи под подписку о невыезде.

Вскоре состоялось судебное заседание по рассмотрению этого заявления. На нём вместе с местными защитниками Собакина появился прибывший из Москвы сам Друян. Имя этого знаменитого адвоката было хорошо известно по всей стране, часто мелькало в прессе и на телевидении и, естественно, не могло не вызвать соответствующего резонанса в провинциальном городе.

Друян выступил последним. Это был впечатляющий старик с огромной пышной седой шевелюрой, с крупными чертами лица, украшенного бородой и усами. Строгий чёрный костюм с жилетом, в кармане которого на массивной золотой цепи покоились старинные карманные часы, а также словно взятое на прокат из музея, пенсне, придавали ему вид шагнувшего из прошлого века маститого адвоката, для которого в мире юриспруденции нет трудностей и нет поражений.

- Я подробно ознакомился с делом господина Собачкина, - начал Друян. "Собакина," - поправил его кто-то из сидящих рядом.

- Да, Собакина, - поправился Друян, - и должен сказать, что меня поражает вся эта шумиха, поднятая в обществе и прессе. Ведь собственно доказательств вины моего подзащитного просто нет.

Друян говорил долго, красноречиво и убедительно. Зал слушал затаив дыхание. В конце он сказал:

- Итак, подвожу итоги, - Друян выдержал привычную театральную паузу, во время которой снял и протёр белоснежным носовым платком пенсне. - Доказательств вины господина Собакова...

- Собакина, - поправили из зала.

- Разумеется, Собакина у следствия практически нет. Значит, нет и дела. Это, в свою очередь, означает, что не только нет необходимости, но и просто недопустимо содержание его в тюрьме в соответствии с существующими юридическими нормами. Прошу суд удовлетворить просьбу защиты об изменении

меры пресечения и освобождении нашего подзащитного из-под стражи под подписку о невыезде.

Друян снял пенсне. Бросил победный взгляд в зал и величественно сел.

— Ну, теперь-то его наверняка выпустят, — перешептывались в зале. — Этот адвокат не чета нашим. Сразу видно класс!

— Объявляется перерыв. Суд удаляется на совещание, — объявил председательствующий. В комнате для совещаний судья и заседатели уселись на свои привычные места. Судья снял мантию и пиджак. День был летним и жарким. Заседатель — молодой мужчина лет 35-ти слесарь-инструментальщик и одновременно студент-заочник юридического института -- жадно выпил стакан минеральной воды, вытер потный лоб и сказал:

— Друян, конечно, голова! Адвокат люкс! Как логичен, как последователен! Лично меня он убедил. Держать Собакина под стражей при столь слабом обвинении?.. Может быть даже не стоило делать перерыв, а сразу объявить о согласии на изменение меры пресечения? Как ваше мнение, Маргарита Павловна?

Второй заседатель, грузная дама, больше других страдающая от жары, согласно кивнула головой. Видя, что судья никак не реагирует на его слова, заседатель вкрадчиво спросил:

— А, как ваше мнение, Леонид Леонидович?

— У Собакина столько денег, что он мог бы пригласить самого Плевако, будь тот сейчас жив, чтобы доказать, что чёрное — это белое. Что касается Генриха Станиславовича, то он безусловно один из лучших наших адвокатов. Я

наслышан о процессах с его участием, очень его уважаю. Однако считаю нужным в просьбе защиты отказать.

– Как! Почему?

На судью устремились с удивлением две пары глаз.

– Сегодняшнее выступление Друяна оказало плохую службу Собакину. Если до него я колебался, и даже скорее склонялся к удовлетворению просьбы защиты, то после него понял, что делать этого нельзя.

– Леонид Леонидович! Мы вас не понимаем. Выступление Друяна было просто замечательным. Что вы в нём нашли такого?

– Вы слушали его внимательно?

– Конечно! И всё, что в нём было – в пользу Собакина, – почти хором ответили заседатели.

– А сколько раз он искажил фамилию Собакина?

– Кажется, раза два. Это так существенно?

– Он искажал фамилию много раз.

– Ну и что?

– Это не старческий склероз у Друяна. Разве можно не запомнить достаточно простую фамилию, которая упоминается в деле многие десятки раз. Конечно, нет. Вывод может быть только один: Друян подробно дела не изучал. Либо ознакомился с ним со слов других, либо, в лучшем случае, его перелистал. Его сегодняшнее выступление – это своеобразная форма давления на суд, давления именем, авторитетом. Раз защите потребовалось оказать такое давление, значит не всё так гладко, как им хотелось бы, значит, у них есть опасения, сомнения и для подстраховки им нужен был свадебный генерал, роль которого

сыграл Друян. Изучи он дело достаточно скрупулезно, возможно, он был бы настроен по-другому. Меня в этом деле волнует отказ многих свидетелей от данных ранее показаний, несомненно, под нажимом со стороны подследственного, и другие факты, ослабляющие результаты следствия. Если мы его сейчас выпустим, нажим ещё больше усилится. Поэтому моё решение будет таково: “Обвиняемому Собакину в изменении меры пресечения отказать. Начало судебного разбирательства отложить. Дело вернуть на доследование”.

2000 г.

ПРОКЛЯТИЕ

– Мама! Перестань пить! Мы же не на именинах, а на поминках! – молодая женщина попыталась отобрать у матери рюмку. Та резко отвела руку дочери.

– Я пью потому, что мне обидно! Почему мать всё отдала Люське?

– Она завещала ей всё потому, что Люся за ней самоотверженно ухаживала, когда та болела, всю жизнь была внимательной и преданной дочерью. Не то, что ты, которая не посещала её месяцами.

– Все равно. Не...ечестно! И завещание Люська состряпала, охмунив полоумную старуху.

– Какая чушь! Твоя мать составила завещание ещё четыре года назад. Тогда она была совершенно здорова. Её решение справедливо. Так считают все родственники.

– Нечестно! Не...ечестно! Ах, Люська! Будь ты проклята! И ты, и вся твоя семья, и все твои будущие внуки!

В комнате разом воцарилась гробовая тишина. Присутствующие оцепенели в растерянности. На Люсю было страшно смотреть: мертвенно бледная, она с ужасом глядела на сестру, а потом зажала уши руками.

– Мама! Прекрати! Что ты несешь?!!! Тётя Люся, не слушайте её! Она же совершенно пьяная!

– Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! То малое, что мне досталось, я думала разделить с сестрой... А тут такое! Петя, – обратилась она к мужу, – мы уходим! Едва ли я ещё когда-нибудь

переступлю порог этого дома! Последние дни я оплакивала потерю близкого мне человека, сейчас же я потеряла ещё и сестру! Как всё это вынести...?!!!

Вслед за Люсей стол со множеством несъеденного и невыпитого покинули другие присутствующие. Одни стали молча прощаться, другие не скрывали своего негодования по поводу сказанного захмелевшей сестрой. Огромный пентхауз опустел.

– Как вам не стыдно, Клавдия Ивановна? – обратился к виновнице скандала зять. – Как вы могли сказать такое?! Да. Наша жизнь штука жестокая. Особенно в бизнесе. Мы порой желаем неудачи нашим конкурентам, сыплем проклятия на их голову. Но там идет борьба на выживание, борьба не на жизнь, а на смерть. Однако это не касается их семей и детей. А вы прокляли родную сестру и даже её потомков из-за ломаного гроша. Вы что, нуждаетесь? Чего вам не хватает?

– Действительно, мама, ты просто сошла с ума! С жиру, что ли, бесишься? Благодаря успешному бизнесу Феда живёшь с нами в изумительных условиях, в роскоши, с прислугой. Зимой в пентхаузе с евроремонтом, летом в загородном доме – дворце с гектаром земли. Тебе всего этого мало? Позавидовала крохам, оставленным Люсе: комнате в коммуналке и несколькими тысячам рублей на сберкнижке? А ведь ее муж – инженер, зарабатывает копейки, а сыну надо платить за учёбу в колледже...

– Я принципи...ально..., – продолжала бубнить подвыпившая, когда её вели в спальню.

– Какой ужас, какой стыд! – вернувшись, расплакалась дочь.

– Ты знаешь, – обратился к ней муж, – я твердо решил, что твоя мать больше не будет жить с нами! Я куплю ей однокомнатную квартиру. Она не будет ни в чём нуждаться. Но я больше не хочу её видеть ни здесь у нас, ни в загородном доме. Я и раньше отмечал её озлобленность и алчность. Сейчас она перешла все границы. Я считаю необходимым изолировать её от наших детей. Чему хорошему они от неё могут научиться?

– Я и сама подумала об этом. Это будет вынужденный, но правильный шаг...

– Здравствуй, мама! Что звоню? Сегодня 10 лет, как умерла бабушка. Собираюсь на кладбище. Поедешь со мной? Заодно и повидаемся. А у нас дома такое...

– Нет! Никуда не поеду. Чувствую себя плохо: ночью болело сердце, а ноги вообще... Но что у тебя стряслось?

– С тех пор, как бизнес Федора разорился и мы съехали из пентхауза и продали дом, чтобы отдать долги, Фёдор сильно изменился: начал выпивать и, возможно, даже завёл кого-то на стороне. В последнее время он стал просто невыносим: пьёт каждый день, а на днях даже поднял на меня руку. Вероятно, нам придется расстаться. Ольгу пришлось забрать из частной школы – нечем платить, а Ерофей..., – дочка расплакалась, – начал баловаться наркотиками. Кажется, наша семья катится под откос.

“Почему всё так складывается – задумалась Клавдия Ивановна, когда дочка положила трубку. – Уже 10 лет живу одна. С дочкой мало общаюсь. Внуков совсем не вижу. Другие родственники со мной контактов не поддерживают. Друзей нет.

Зять разорился и перестал помогать мне. Живу на скромную пенсию. Здоровье подорвано. Семья дочки рушится, а внук... За что это все мне? “

Она начала лихорадочно припоминать все свои прегрешения. Они явно не тянули... и тут... “Господи, как раз 10 лет назад я приняла на себя такой грех...!!! – руки женщины задрожали, а лоб покрылся испариной. – Наверное, то высказанное на пьяную голову проклятие неотвратимо оборачивается против меня самой и от этого нет спасения”.

2009г.

РОССИЙСКИЙ РОБИНЗОН

Щукин очнулся от долгого то ли сна, то ли забытья. Голова ещё болела и тело ломило, но дышалось чуть легче, без пугающего его самого свиста. “Слава Богу! – подумал Щукин. – Должно быть, помогли таблетки, которые два дня назад дала мне фельдшер. Сегодня она обещала снова зайти, но её что-то всё нет”.

Из-за закрытых ставень в комнате было темно, и Щукин не мог понять, сколько сейчас времени. С трудом дотянулся до выключателя лампы, стоящей на тумбочке около кровати. Свет не зажигался. “Что там стряслось? Надо узнать!” Пошатываясь от слабости, он сделал несколько шагов в направлении телефона. Наощупь отыскал трубку. Гудка не было. “Что-то случилось серьёзное! Но что?” Это оставалось непонятным. Вернувшись к кровати, Щукин рухнул обессиленный, накрылся с головой и снова впал в сон-забытьё.

Прошли ещё, наверное, сутки, прежде чем он очнулся от холода в доме. Света по-прежнему не было. Поняв, что в состоянии встать, он облачился в ватные штаны и телогрейку, нацепил ушанку и растопил печь. Как и прежде, был безмолвен телефон. Всё это, равно как и отсутствие фельдшера, не на шутку встревожило Щукина.

Если свет и связь могли быть повреждены сильным ветром, как это неоднократно случалось раньше, то их быстро восстанавливали. Конечно, при больших повреждениях ремонт может

затянуться. Но почему не идёт фельдшер? Может быть, сама заболела? “Подожду до завтра, – решил Щукин. – Завтра я, наверное, буду чувствовать себя лучше, смогу выйти из дома и добраться до медпункта.”

Назавтра ситуация не изменилась, и Щукин, одев всё теплое, что у него было, выбрался из дома. Было сумеречно. Нигде не горел свет. Не видно было людей. Центральная улица посёлка была полузасыпана снегом. Видимо её несколько дней не расчищали. Щукин не без труда добрался до медпункта, на котором висел замок. Замки висели и на магазине, и на школе — везде. “Что, все умерли, что ли?” И тогда Щукина осенило. Он понял, что случилось. Это было просто невероятно, катастрофа, конец света!

Маленький посёлок золотодобытчиков с населением в несколько сот человек затерялся в тайге вблизи границы Северного Полярного круга. До ближайшего поселения отсюда нужно плыть несколько часов на моторной лодке. Дальше ещё два часа лёту до областного центра. Иного пути нет. Зимой посёлок, в котором работа замирает, практически отрезан от внешнего мира. Температура понижается до 50 — 60 градусов Цельсия ниже нуля. Жить тут тяжело, содержать посёлок экономически не выгодно. Год назад было принято решение закрыть его, а старателей привозить сюда лишь на время приисковых работ.

Решение хотя и было принято, но люди фактически не сдвинулись с насиженных мест. Куда ехать, если там, на большой земле, у них нет жилья. Тем не менее, то ли в расчете на то, что люди уедут, то ли по халатности, в посёлок не завезли вовремя топливо и продовольствие, необходимое для зимовки. Когда осенью река уже

встала, выяснилось, что угля хватит всего на один месяц. Продовольствия на месяц-два. Тогда решили начать эвакуацию людей.

Щукин хорошо знал обо всех этих перипетиях, ибо сам, работая истопником в котельной, вынужден был постоянно экономить уголь. Когда он заболел, в городе ещё оставалось сотни полторы людей. Щукин и думать не думал, что их смогут вывезти так быстро. Он и матери написал, что домой вернётся не раньше чем через пару месяцев. Однако предупреждение о надвигающейся длительной непогоде вынудили ускорить эвакуацию.

В тот день, когда фельдшер вернулась от больных, в том числе и от Щукина, ей приказали готовиться к срочному отъезду. Она возразила, ведь у неё в посёлке оставались ещё больные.

– Как быть?

– Не беспокойтесь. В течение двух дней вывезем всех. Специальная бригада будет обходить дома и проверять, чтобы никто не остался. А вам надо спешить — у вас трое детей. С собой берите только самое необходимое. Возможности вертолётов ограничены.

– А как же остальное имущество?

– Ваши двери опечатают. Всё сохранится. А летом можно будет забрать, что сочтёте нужным.

В тот же день фельдшер улетела на большую землю. А на другой день, когда Щукин ещё метался в полузабытии эвакуационная бригада медленно двигалась по улице, где стоял домик Щукина. Этот домик стоял на отшибе. В нём не горел свет. Из трубы не шёл дым. Дорожка к нему была полностью занесена снегом. Всё это создавало впечатление отсутствия признаков жизни.

– Здесь уже все уехали, – предположил кто-то из членов бригады.

– Что, мы сейчас должны заняться расчисткой дороги? Убить массу времени, бултыхаясь в снегу, чтобы убедиться, что здесь никого нет.

– По описи здесь проживал истопник Щукин. Должно быть, он сейчас уже сидит у телевизора где-нибудь у себя в Курске и чай попивает, а мы тут мудро....ся. Пошли дальше!

Бригада развернулась и пошла на другую улицу. А на следующий день посёлок покинул последний вертолёт.

Осознав, что его здесь бросили одного, Щукин был в отчаянии. Проведя здесь прошлую зиму, он отчётливо представлял себе, что его ждёт. Куда-то добраться отсюда сейчас зимой — просто невозможно. Но и прожить здесь одному до следующего лета тоже не реально. Что делать?

Щукин не обладал твёрдым характером. Школа, да служба в армии были его университетами. Он понимал, что не годится в герои, которым по плечу преодолеть самые невероятные тяготы. Но у него не было выхода, и он начал думать, что делать, чтобы выжить.

“Прежде всего, следует подумать о топливе и продовольствии”, – решил Щукин. Тотчас, вооружившись гвоздодером, направился в котельную. Там, как он полагал, должно было оставаться какое-то количество угля. Его домашних запасов хватит месяца на два, а нужно быть обеспеченным, как минимум, на семь. Проникнув в котельную, он обнаружил там приблизительно 5 тонн угля. Для котельной это были крохи, а для Щукина намного больше, чем надо. “В любой момент может начаться метель, которая окончательно занесёт дороги, – подумал Щукин. – Поэтому нужно немедленно действовать!” В котельной он нашел санки с прикреплённым к ним

ящиком. Их использовали для вывоза со двора котельной снега. И работа началась.

Щукин был ещё слаб, и ему не удавалось сделать один рейс быстрее, чем за два часа. Это была тяжёлая работа! Однако в первый день ему удалось сделать четыре рейса, сложив доставленный уголь в сарае — пристройке к дому. К концу следующего дня он совершенно выбился из сил. Однако остался доволен собой, так как посчитал, что заготовленного угля хватит на 8-9 месяцев.

На другой день с утра он вскрыл медпункт. Однако кроме аспирина, каких-то желудочных таблеток и бинтов он там ничего не обнаружил. “Ладно, хорошо хоть это. А если серьёзно заболею, мне всё равно конец”, – решил Щукин. Уже собравшись уходить, он случайно обнаружил коробку, заполненную пузырьками с аскорбиновой кислотой. “Кажется – это витамин С?” – припомнил Щукин и, прихватив коробку, направился в магазин.

Вскрывая дверь магазина, Щукин подумал: “Что я делаю? Ведь это воровство! Может быть, мне следует оставить записку, что взял то-то и то-то. Обязуюсь всё потом оплатить”. Но он тотчас отогнал эти мысли: “Меня предали, бросили на произвол судьбы, вынудили это делать. Я просто не могу терять времени на эту писанину”.

В магазине, как и предполагал Щукин, оправдались самые худшие его ожидания. Здесь он не обнаружил никаких мясных или рыбных продуктов, консервов, даже концентратов. Это было ужасно! Но всё же его запасы пополнились некоторым количеством крупы, несколькими бутылками растительного масла, солью и спичками. “Пройдусь-ка я по домам”, – решил

Щукин. Этому ему очень не хотелось, но выхода не было. Возможно, у кого-нибудь осталось съестное.

В первом доме, куда он попал, продуктов не оказалось. Зато здесь он обнаружил много батареек для фонарика. Это была удача, поскольку на другой источник света рассчитывать не приходилось.

Во втором доме тоже не было еды, но здесь был новый тулуп и унты, которые могли бы пригодиться. Но Щукин их всё же не взял.

В третьем доме он нашёл целый клад. “Спасибо вам, люди!”, – так и хотелось сказать Щукину. Здесь он обнаружил ящик мясных консервов, несколько банок с вареньем и маринованными грибами, сахар, муку. Проживавшая здесь семья, видимо, серьёзно подготовилась к зимовке, но была срочно эвакуирована. “Если останусь жив, найду хозяев, отдам им всё, что заработал”, – решил Щукин.

На этом его заготовительная кампания закончилась. Ночью началась пурга, длившаяся несколько суток. Всё было занесено снегом, так что Щукин был уже не в состоянии открыть наружную дверь. Теперь он был отрезан от внешнего мира на долгие месяцы. Не спеша, он сделал инвентаризацию запасов продовольствия. Всё тщательно просчитал и распределил буквально по дням. Рацион в итоге оказался очень скудным. Предстояло прожить несколько месяцев где-то на грани голода. Но что было делать? Вынужденная зимовка началась.

В эти долгие месяцы почти каждую ночь Щукину снились сны. Сны были разные. Часто снился небольшой подмосковный городок, где он родился и прожил большую часть жизни. До городка было всего час езды от столицы. Ещё не доезжая станции с левой стороны можно было

видеть старые кирпичные корпуса ткацких фабрик. На них работало почти всё население городка. Ничем он не был примечателен этот городок. За желтым зданием вокзала с традиционной громоздкой и неудобной переходной эстакадой над путями, небольшой базар. На нём у знакомых старушек можно было купить потрясающе вкусные творог и сметану. За привокзальной площадью несколько коротких улиц, застроенных пятиэтажками, а дальше частный сектор: домики разной архитектуры от современных коттеджей до деревенских изб с курятниками и собачьими конурами. Там же и его зелёный с желтыми ставнями домик, перед ним палисадник с разросшимися кустами сирени. От их буйного цветения в мае невозможно отвести глаз. А аромат... За домом небольшой огород и сад со старыми уже неплодоносящими яблонями, посаженными ещё давным-давно дедом Щукина.

Иногда Щукину снились женщины. В его жизни их было не так много. С одной из них он сошёлся надолго, но всё как-то не сложилось. Наверное, нужно было быть менее разборчивым. Всё ждал: вот заработаю денег, встречу, наконец, свою, буду не так требователен и обязательно женюсь. Возьму пусть даже с ребёночком, лишь бы была заботливой и домоседкой. И он засыпал в этих своих эротических снах, положив голову на гладкое женское плечо, уткнув лицо в мягкую, пахнущую свежестью шею. А его рука ласкала под ночной рубашкой упругую, тёплую, вздымающуюся грудь.

Но чаще всего сны были гастрономическими. То снились мамины блины — тонкие почти прозрачные с хрустящей корочкой по краям. То пасхальный кулич, то пирог с яблоками, а то просто котлеты румяные, поджаристые, аппетитно

шипящие на сковородке. Эти сны доставляли Щукину больше всего неприятностей, ибо в тот момент, когда он уже садился за стол и вот-вот был готов начать трапезу, он просыпался голодный и разочарованный.

Просто навязчивой идеей были сны, в которых он по утру идёт в огород посмотреть, что изменилось за ночь. Вот на грядке чуть подросли укроп и петрушка, заметно прибавил зелёный лук. Но вот чудо: вчера ещё маленький, чуть проклёвывающийся огурчик, обильно политый накануне, за ночь превратился в вполне съедобный красавец огурец. Щукин срывает это маленькое, пупырчатое, покрытое каплями росы чудо, откусывает и ... О, какое блаженство! Ничто в мире не может сравниться с ароматом и вкусом свежесорванного огурца! Эти сны повторялись регулярно. “Вернусь, сделаю теплицу с обогревом, буду есть огурцы круглый год,” – мечтательно думал Щукин.

В декабре он съел свою последнюю картофелину. Он долго не решался её чистить, а потом тонко-тонко срезав кожуру сварил. Из очисток приготовил суп, который потом ел три дня. На Новый год он позволил себе одно печенье и маленькую ложечку варения.

В начале февраля он съел последнюю луковицу. Больше ничего “живого” в его запасах не осталось. Правда у него ещё сохранилось немного крупы, полвязанки сухих грибов и несколько банок консервов. Но ведь до возможного появления людей ещё долгих четыре, а может быть и пять месяцев. Каждые две недели он урезал норму. Но сколько можно урезать? Порой чувство голода было столь невыносимо, что Щукин решал: “Всё! Сейчас наемся до сыта, а там будь, что будет!”

Каких усилий стоило побороть себя и не делать этого!

К концу апреля он так ослаб, что не хотелось двигаться, только лежать и лежать. Это был первый шаг к гибели и Щукин заставлял себя вставать, чтобы регулярно топить печку, кипятить воду из талого снега и варить какую-нибудь баланду, которую трудно было назвать едой. Многие дела он делал наощупь, лишь в крайней необходимости, экономя батарейки, включал фонарик. Главным источником света были отсветы огня, пробивающиеся из-за полуоткрытой дверцы печки. Регулярные еженедельные помывки, которые вначале осуществлял Щукин, становились всё более редкими. Одежда оставалась давно не стиранной. Щукин осознавал, что дичает, теряет человеческий облик, но уже не было сил что-то изменить.

В мае снег осел, освободив входную дверь. Щукин, надев на себя всё, что мог, наконец, выполз на крыльцо. Яркий свет полярного дня буквально ослепил его. Резало глаза, текли слёзы. Немного пообвыкнув, он нашел в себе силы очистить от снега крыльцо. “Буду выходить дышать воздухом”. Он осмотрелся. На востоке по-прежнему скованное льдом чуть угадывалось русло реки. На юге, куда его взгляд был обращен с надеждой, царило бескрайнее белое безмолвие. Шли дни, но никто не прилетал в брошенный посёлок.

В начале июня бригаде вертолётчиков было поручено выяснить ледовую обстановку на реке Индигирке. Достигнув заданной точки, они начали двигаться вдоль русла реки с севера на юг. На участке между хребтами Черского и Момским южнее устья реки Момы они увидели брошенный прошлой осенью посёлок золотодобытчиков. Их взору предстала большая вымершая деревня:

безлюдные домики и подсобные строения, брошенная техника — всё это полузанесённое снегом, скованное холодом уходящей долгой зимы. Это было тяжелое зрелище: люди бежали отсюда, бросив всё, и неизвестно, появятся ли здесь вновь. Но вдруг внимание одного из членов экипажа привлекла струйка дыма из трубы избушки на окраине посёлка. Сначала он решил, что это ему показалось, поскольку совершенно невероятным представлялось то, что здесь есть кто-то живой. Когда весь экипаж убедился в реальности увиденного, командир, уверявший, что сам лично вывез отсюда последнюю группу людей, дал команду на посадку.

Вертолёт приземлился недалеко от избушки. Лётчики, увязая в снегу, добрались до очищенного от снега крыльца, стали стучать в дверь и кричать. Прошло какое-то время, прежде чем за дверью раздался глухой, сильный голос:

— Ну, наконец-то! Слава Богу!

Дверь открылась, и они увидели странного худого человека, одетого в грязную потрёпанную одежду, обросшего огромной седой бородой, которая закрывала почти всё лицо. Длинные космы волос вылезали из-под надетой наискосок ушанки. Человек шагнул навстречу лётчику, неловко повис на нём и заплакал. Его пытались успокоить, а он сквозь слёзы всё повторял и повторял:

— Бросили, предатели! Бросили, предатели!

Через несколько часов Щукина доставили в областной центр и поместили в больницу. Ушлые газетчики узнали о случившемся, и скоро в прессе появились статьи под заголовками: “Героический поступок,” “Один в Заполярье,” “Российский Робинзон” и др.

Прошло ещё совсем немного времени, и ещё не успевший полностью оправиться Щукин прямо из

больничной палаты попал в камеру предварительного заключения. Оказывается, в прокуратуре нашлись праведники, которые, узнав, как спасся Щукин, усмотрели в его действиях уголовно наказуемое. Следовательно, которому поручили вести дело, допрашивал Щукина всего два раза, выяснив всё, что его интересовало. Щукин без утайки рассказал, какие дома вскрывал и что там брал.

— Я не брал ничего, кроме того, что мне нужно было, чтобы выжить. Без этого я бы погиб. Вы согласны? — заглядывая в лицо следователя и надеясь найти сочувствие, спросил Щукин в конце допроса.

Но лицо следователя оставалось беспристрастным.

— Суд разберётся, — ответил он.

Шли месяцы, а суда всё не было. Может быть, следователь выезжал на место, выяснял обстоятельства, допрашивал пострадавших. А может быть, суд был завален делами, и до Щукина просто не доходила очередь. В газетах же развернулись две новые шумные кампании диаметрально противоположного толка. Заголовки одних статей гласили: “Освободить Щукина!”, “Свободу герою!”, “Опомнитесь — он не виноват!”. Другие талдычили: “Закон равен для всех”, “Давайте уважать УК!” и др. Заработки журналистов множились.

Щукин всего этого не знал. Он буквально томился в заключении. Прознавшие об его злключениях сокамерники его не обижали, даже сочувствовали. Однако Щукина донимала жара и духота, вечно спёртый воздух камеры. Ещё физически слабый он не раз терял сознание. Но главное страдание причиняла уверенность в несправедливости того, как с ним обошлись. “Если

меня осудят, живым я отсюда уже не выйду: или сердце остановится, или сойду с ума”, – часто думал он.

Наконец весной, почти через год после его вызволения из полярного плена, состоялся суд. Он был недолгим. Уже в конце дня судья начал зачитывать судебное решение. Текст подчас изобилдовал терминами, которых Щукин не понимал. И вот, наконец, финал: “Суд признаёт, что подсудимый Щукин совершил противоправные действия, которые попадают под ряд статей УК РФ. Однако, учитывая, что деяния подсудимого не преследовали корыстные цели, не были совершены с целью обогащения, а были совершены им в силу чрезвычайных обстоятельств, в которых он оказался, а также учитывая, что причинённый им при этом ущерб госимуществу и имуществу граждан незначителен, а также учитывая отсутствие материальных претензий со стороны потерпевших, суд счёл возможным признать гражданина Щукина невиновным”.

Во время объявления приговора Щукин сидел с низко опущенной головой. Руки его дрожали. Когда всё было закончено, он закрыл лицо руками и зарыдал. Сквозь всхлипывания доносилось невнятное: “Предатели! Сволочи!” Назначенный ему адвокат старался успокоить:

— Вы должны быть благодарны Богу за то, что остались живы и там, среди полярной ночи, и здесь, в тюрьме. Шансы выжить и там и тут были достаточно низкими. Но теперь всё позади. Куда вы теперь?

— Где-нибудь пересплю, а завтра быстрее домой.

— Где же вам заночевать? Знаете что... давайте ко мне. У меня большая квартира. Места хватит.

Утром адвокат застал Щукина стоящим у окна. Была весна, и восходящее солнце ласкало его худое, небритое лицо.

— Ну, как спали? Какие планы? У меня к вам предложение. Задержитесь здесь на несколько дней. Мы подготовим и передадим в суд исковое заявление. Меня так возмутило всё, что произошло с вами, что я просто считаю своим долгом наказать виновных. Тех, кто бросил вас больного, а также тех, кто вынудил провести несколько месяцев в тюрьме явно невиновного. Позже вам придётся прибыть в суд в качестве истца.

— А пошли они все на ..., — грязно выругался Щукин. — Пусть их Бог накажет! Не буду писать никаких заявлений. Постараюсь улететь первым же самолётом, а сюда в жизни не вернусь. Я очень соскучился по дому, по матери, а потом.... пришло время сажать огурцы.

— Что, что???

— Да, пришло время сажать огурцы.

Щукин улыбнулся, наверное, в первый раз за многие месяцы.

1999 г.

ИЗБИЕНИЕ

Лишь через неделю, когда следы побоев почти прошли, к Иванову допустили адвоката.

– Я прежде всего настаиваю, чтобы привлекли к ответственности сотрудников милиции, избивших меня, – возбуждённо начал разговор Иванов. – Что это за демократические порядки? Если я провинился, докажите это, судите, и я понесу наказание. А тут на моё требование вызвать адвоката меня, лежащего на полу в наручниках, зверски избивают ногами. В общем, чуть не убили. Убедительно прошу вас, сделайте что-нибудь, чтобы наказать негодяев.

– Это очень трудно. Избивавшие, конечно, откажутся это подтвердить. Судебная медэкспертиза сейчас уже будет малоэффективна. А если что и обнаружит, то они будут говорить, что вы оказали сопротивление или были пьяны и т.д. Шансы нулевые. Мы ничего не сможем доказать.

– Ну попробуйте, пожалуйста!

– Повторяю – это практически невозможно. Но вы хотя бы запомнили своих обидчиков в лицо?

– Нет. Все они были, как мне показалось, на одно лицо.

– Может быть, какие-нибудь особые приметы или назывались имена?

– Нет, к сожалению. Я ведь после первого удара уже оказался на полу. Что тут рассмотришь? Старался по возможности закрыть голову руками.

Так что, нет и нет...хотя впрочем..., – Иванов нагнулся к уху адвоката и перешел на шёпот.

– Ах вот как! Это уже что-то. У них круговая порука. Но я знаю одного принципиального человека в их райуправлении, который мог бы... Что же, попробуем.

Через несколько дней в отделение милиции, где избили Иванова, пожаловала группа офицеров. Пожилой полковник, видимо, старший среди них, приказал капитану – начальнику отделения -- построить личный состав. Не объясняя целей своего визита, полковник медленно прошелся вдоль строя, ничего не понимающих милиционеров, осматривая каждого с головы до ног. Затем спросил:

– Ну, кто добровольно признается в избиении арестованного Иванова в ответ на его требование вызвать адвоката и объяснить причину ареста?

– Нет, не было такого, клевета, – прокатилось по шеренге.

За честь подчиненных решил вступить начальник отделения.

– Товарищ полковник! Около двух недель назад мы действительно задержали некого Иванова за нарушение общественного порядка. Он был вдребезги пьяный, не мог стоять на ногах, всё время падал, в результате чего и ушибы, а потом проспался и начал жаловаться. Клевета всё это. Да мои орлы...

– Ладно, посмотрим. Личный состав, снять сапоги! – приказал полковник.

– Милиционеры сели, ничего не понимая, не зная, что делать дальше, смущённо переглядываясь: “Что за шутки у полковника?”

Однако тот был серьёзен и, видя замешательство, приказал:

– Выполнять!

– Милиционеры нехотя разулись. Полковник пошел вдоль ряда, брал каждый сапог в руки и внимательно рассматривал. Когда очередь дошла до сапог веснущатого сержанта, полковник спросил:

– Ты хозяин? – услышав утвердительный ответ, продолжил. – Женат?

– Да, – заливаясь краской ответил сержант.

– И тебе не стыдно с такими ногами ложиться с женой? Мой их чаще!

Послышался хохот.

– Вы еще посмеетесь! – мрачно сказал полковник и продолжил обход. Одни сапоги он рассматривал особенно внимательно. Поставил на пол и подозвал капитана.

– Ложитесь на пол и прочтите, что написано на штрипке.

Капитан в недоумении замер.

– Ложитесь, ложитесь, смелее!

Кряхтя и краснея под любопытными взглядами милиционеров, капитан неуклюже лег на пол и прочел: РОК.

– Что это такое? – строго спросил полковник.

– Это сокращенно: Рокотов Олег Константинович – наш старший сержант. Вон сидит. А что?

Полковник подошел к Рокотову.

– Можно считать доказанным, что вы участвовали в избиении Иванова. Он, сбитый на пол, прочел эти буквы на незаправленной штрипке вашего сапога. Пьяный до невменяемости, – это для вас, капитан, – не смог бы прочесть, и тем более

запомнить. Кто был тогда с вами, Рокотов? Я легко могу установить это по графику дежурств. Но, может быть, вы мне поможете?

Рокотов молча показал на двух соучастников избиения.

– Всех трёх арестовать! – приказал полковник. – Всем обуться, кроме Рокотова. Ваши сапоги пойдут в качестве вещдока в деле об избиении. Увести арестованных!

– А как же я? – взмолился Рокотов, указывая на свои ноги. – Так, разумшись?

– Ничего. Доберетесь до КПЗ и так: тут недалеко.

– Ну а вам, капитан, думаю недолго носить погоны. Сознательно покрывать своих подчиненных, нарушивших законы, – это тяжкое преступление. Вы скоро в этом убедитесь. Жду вас завтра в 8.00 в управлении с правдивым изложением фактов по избиению Иванова.

1998 г.

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

“Катюша, милая! Извини, что так долго не писала. На это были разные причины. О них как-нибудь расскажу подробно. Сразу хочу тебя поблагодарить. Ты сама знаешь, за что. Мой бизнес, наконец, начал набирать обороты. Я теперь настоящая бизнес-вумен. Твоя помощь была просто бесценна!

Ещё одно дело. По твоему совету стала искать себе спутника жизни по Интернету. Тут начались просто чудеса!

Начну с самого начала. “Работа” эта оказалась не из лёгких. Прежде всего исключила всех, кто моложе пятидесяти, и тех, кто не имеет серьёзных намерений. Потом отсеяла тех, кто без диплома и не внушающих доверия. В общем, осталось человек двенадцать. В конце-концов, остановилась на одном. Назвался Николаем. Полковник в отставке, вдовец, без детей. Прошел и Афган и Чечню. Человек мужественный. Много повидал, награды множество. К тому же оказался земляком – свердловчанином. И вот что интересно: рассказывал о Свердловске, окрестностях всё то, что мы со Степаном вместе повидали, когда женихались. Рассказ у него такой складный, всё как-то душевно... Вот я и подумала: а почему бы нет? Видно, человек серьёзный. Такой мне может стать хорошим помощником в бизнесе. Попросила фото, получила и ... обомлела! Это же мой Степан – негодяй! Конечно, постарел. Но те же памятные родинки на лице. Понятно стало, почему мне оказались так знакомы его лирические описания природы и многое другое.

Ну, ты подумай, какая наглость! Он так убедительно рассказывал, как всю жизнь мотался по гарнизонам и как героически воевал. Я ведь знаю, что он ни дня в армии не служил. Стало ясно: остался таким же проходимцем, как и был раньше и имя своё настоящее потому скрывает.

Мне было очень горько. Могу ли я забыть, как совсем скоро после нашей свадьбы стал руку на меня поднимать, чуть ли не на глазах у меня направо и налево изменял и пьянствовал. И как однажды, после очередных побоев, я ушла от него, так и не сказав, что жду ребёнка.

Всё это заново прошло перед глазами. Поплакала я, конечно. Но как мы, бабы, отходчивы, мягкотелы! Через какое-то время начала думать: да ведь я тоже своего настоящего имени не назвала. А то, что представился полковником, так хотел привлечь внимание. Ну кого сейчас может заинтересовать инженер? Может, он всё же изменился? Как пишет, на склоне лет хочет покоя, иметь хорошую семью... Ведь у нас с ним дочь и уже двое внуков! Может быть, все сложится...

Мой “новый знакомый” тоже попросил фото. Я теперь имею возможность хорошо следить за собой и выгляжу вполне прилично для 47-летней женщины. Всё же послала ему фото миловидной женщины моего возраста – взяла из журнала. Почему так поступила? Боялась, что он узнает меня и испугается. А так даже хорошо: встретимся и тут... сюрприз. Он получил фото. Ответил, что я похожа на его покойную жену, которую он очень любил. Что делать? Я в растерянности. Он просит о встрече. Согласиться? Или послать к чёрту? Любимая подруга! У тебя светлая голова. Посоветуй, как быть?”

...Оставалось приблизительно полчаса езды. Степан побрился, сбрызнул лицо одеколоном. Еще раз взглянул в зеркало и довольный собою вышел в тамбур, чтобы закурить. Достал фотографию, полученную по интернету, и опять подумал: "Очень симпатичная! Жаль, что видно только лицо. Начал представлять себе, как по приезде со станции позвонит по сообщённому ему телефону и за ним пришлют машину. Интересно, какую? Ведь она не из бедных – конечно иномарку. Потом тёплая встреча, шикарный обед с коньяками высших марок, а затем они пойдут в спальню и он будет её раздевать, медленно смакуя, а она стыдливо краснеть. Ах, как он любит этот процесс! А дальше бурная ночь со вздохами и стонами". От этих сладостных мыслей невольно зашевелилось его мужское достоинство.

"Поживу так в свое удовольствие и, даже если всё будет складываться лучшим образом, всё равно сделаю ей ручкой. Рано ещё мне становиться на якорь. Бабы на меня пока клюют: перед его глазами промелькнули все, с кем он перезнакомился по интернету, с кем гулял и спал. Надо ещё понаслаждаться жизнью. Тем более не буду долго задерживаться в этом городке, да ещё со старухой..."

На полутёмной, безлюдной платформе к Степану подошел какой-то парень.

– Мужик, дай закурить!

– Пошел ты, некогда мне!

– Зачем обижаешь брата? – словно из-под земли выросла ещё одно тёмная фигура.

Тотчас Степан ощутил, как что-то острое упёрлось ему в грудь.

– Пошли, вякнешь, пришью!

Парни подхватили Степана под руки и пошатываясь быстро пошли в конец платформы. В

тёмном углу за пакгаузами Степан получил сильный удар в солнечное сплетение, от чего охнул и вдвое согнулся. Потом били ещё долго. Когда избитый перестал стонать и шевелиться, тот, который был постарше, сказал:

– Хватит! А то очокурится. Влей ему в глотку полбутылки, но смотри, чтобы не захлебнулся. Берём деньги и документы. Бумажник оставь. И пусть здесь отдыхает.

Только через сутки Степан пришел в сознание, а ещё через сутки врачи допустили к нему следователя. Едва выговаривая слова /ему выбили несколько зубов/ он начал медленно отвечать на вопросы.

– Я приехал к женщине. Мы познакомились по интернету. В бумажнике её фото и номер телефона. Позвоните ей и за мной приедут.

– В бумажнике нет ни документов, ни денег, ни телефона. Там только фото и билет отсюда в Свердловск, который нужно закомпостировать.

– Меня избили и ограбили! – простонал Степан. – Я напишу заявление. Уверен, вы найдете бандитов.

– Это не так просто. Сейчас мы можем привлечь к ответственности только вас, как личность без документов и участника пьяной драки.

– Я не был пьяным и не ввязывался в драку!

– У нас имеется заключение медэкспертизы, что вас нашли со следами побоев в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– Но я не ...

– Факты свидетельствуют об обратном. Это подтверждается и содержанием записки, найденной в бумажнике.

– Какая записка? Я о ней ничего не знаю!

– Вот она. Извольте. Я сейчас ее прочту:

“Степан! Это тебе за твою подлость. За твой разгульный образ жизни, пьянство, разврат. За слёзы обманутых тобою женщин, за страдание детей, не знавших отца. Это тебе также предостережение на будущее. Обходи стороной Интернет, “настоящий полковник”!”

- Это провокация! Записку мне подбросили. Я требую расследования и наказания избивших меня!

- Это трудно сделать. Записка отпечатана на стандартном принтере. Отпечатков пальцев нет. А избивали вас профессионалы. Они не оставили никаких следов. В общем улики нет!

- А Интернет, фото?

- Ваша собеседница, наверняка, как и вы, назвала себя вымышленным именем. Сейчас же закрыла свой сайт на интернете. Ничего уже найти нельзя. А фото - это фотография известной польской актрисы. Как же вы её не узнали! В общем, похоже, что в этой истории самая неприглядная фигура - именно вы. Поэтому вас, как могли, проучили. Послушайте мой совет, но это не для протокола. Не пишите заявлений, не ищите тех, кто с вами так обошелся. Как только придёте в себя, отправляйтесь на вокзал... и уезжайте восвояси. Иначе, боюсь, домой вы уже никогда не вернётесь. И наказать за это никого не удастся.

2005 г.

СВИДАНИЕ С ПРОШЛЫМ

– Сколько времени займёт путь до Твери?

– Полагаю, Леопольд Янович, часа два, два с половиной, если всё будет нормально.

– Хорошо. Думаю, что два часа дороги меня не очень измотают. Готовь на пятницу машину. За мной заедешь в 12.30.

– А как насчёт охраны?

– Не надо охраны. Да, кстати, поедем не на “Мерседесе,” а на “Волге,” чтобы не привлекать внимание, и захвати карту Твери.

– Я понял, но доктор...

– Никаких “но”, Миша, и вообще, чтоб об этом никто не знал.

– Хорошо, как скажете.

Машина мягко катила по Ленинградскому шоссе на север от столицы. Была середина мая, и недавно народившаяся светло-зелёная, свежая листва радовала глаз Лисовскому. Немного насладившись этим буйством зелени, он вскоре задремал и проснулся, когда его потревожил шофёр.

– Леопольд Янович! Подъезжаем, куда дальше?

– Вот адрес, дорогу посмотри на карте.

Они простояли несколько минут на обочине дороги, пока Миша изучал карту.

– Всё в порядке! Нашел, но это почти на самой окраине и довольно далеко.

– Поехали!

Они остановились около небольшого двухэтажного дома дореволюционной постройки.

Вид этого давно не отремонтированного строения не внушал доверия. Удивлённый шофёр спросил:

- Адрес вроде бы этот, но неужели вам сюда?

Лисовский некоторое время напряженно всматривался, пока, наконец, не ответил:

- Да, мне сюда. Ты поезжай и найди гостиницу. Возможно, придётся здесь заночевать. Я свяжусь с тобой по мобильнику. Тогда возьмёшь номер на двоих, но на свое имя. Я не хочу, чтобы обо мне здесь знали.

- Как?! Вы будете спать со мной в одной комнате?

- Не переживай и жди моего звонка. Ну, я пошел.

Лисовский не без труда с помощью Миши выбрался из машины и, опираясь на палку, медленно направился к входной двери, ведущей на второй этаж. Дверь оказалась открытой, и он стал медленно подниматься по скрипучим ступеням плохо освещённой лестницы.

Преодолеть даже один марш было для Лисовского тяжелой работой, поэтому он довольно долго стоял, чтобы отдышаться, прежде чем нажал кнопку звонка.

Прошло некоторое время, прежде чем дверь открылась. Лисовский сразу узнал Машу. Хотя прошло так много лет, ему показалось, что она почти не изменилась, разве что немного пополнела, да волосы стали совсем седыми. А вот глаза, большие, карие, которые могли выразить так много, не изменились и смотрели на него с изумлением.

- Ты???!!! Что с тобой случилось?

- Я болен, мне осталось немного. Вот приехал с вами попрощаться.

– Кати нет дома. Она скоро вернётся из музыкальной школы, где преподаёт. Но как такое могло случиться с тобой, такой известной личностью? Как это допустили врачи?

– Они обнаружили болезнь слишком поздно. Видимо, виноват я сам – я никогда не любил к ним обращаться. Я никого не виню. Сейчас мне советуют провести оставшиеся месяцы где-нибудь в горах Швейцарии, возможно, Австрии или на каком-нибудь курорте типа Баден-Баден. Это, может быть, продлит мою жизнь немного. Вот перед отъездом я решил проститься. – Лисовский виновато улыбнулся. – Ты не будешь возражать, если я сяду?

– Конечно, нет, – Маша придвинула ему стул.

Лисовский тяжело опустился на него, снял шляпу и размотал толстый шарф на шею.

“Боже мой! Сколько лет я здесь не был?!” – подумал Лисовский, осматриваясь вокруг, с нетерпением выискивая знакомые предметы.

За этим занятием застала его Катя. Она тоже не сразу узнала Лисовского.

– Отец!? Что с тобой случилось? Полгода назад я видела тебя по телевизору. С того момента ты страшно похудел. И чем мы обязаны этому визиту?

– Он очень болен и уезжает за рубеж, как считает, навсегда, пришел проститься, – вмешалась Маша.

– Катя! – тяжело дыша начал Лисовский. – Ты вправе попросить меня немедленно уйти, но я очень прошу выслушать меня, – он вытер платком потный лоб и продолжил. – Я пришел не каяться или просить прощения. Тому, что я сделал много лет назад, нет прощения! Ты выросла без отца, без его заботы и внимания. Та редкая переписка,

которая была между нами, конечно, ни в коей степени не могла заменить тебе отца. Жизнь твоей матери, которая достойна лучшего, была разбита, поэтому смешно говорить о прощении. Сейчас постарайся понять меня, не как твоего отца, а просто как человека, которому скоро суждено уйти, – Лисовский сделал паузу, чтобы отдышаться. – Видимо, так уж создан человек, что перед тем как ему суждено покинуть этот мир, он каким-то образом стремится приблизиться к своим корням, вспомнить всё то, что связано с его родителями, детством, юностью, началом самостоятельной жизни. У меня из всего этого остались только твоя мама и ты. И ещё этот старый дом, который когда-то был свидетелем и хранителем нашей с твоей мамой любви, твоего рождения, начала моего творчества. Поэтому я не мог не повидать вас – это стало для меня насущной необходимостью, навязчивой идеей.

– Конечно, судьба была к нам немилосердна, лишив меня мужа, Катю отца. Да, ты помогал нам, очень помогал нам материально всю жизнь. Это было с твоей стороны порядочно, но, увы, – это лишь малая часть того, что нужно покинутой женщине и её ребёнку. Однако к чему теперь об этом говорить? Сейчас меня больше всего волнует Катя, которая к 50-ти годам так и не сумела устроить свою личную жизнь.

– Мама, не надо об этом!

“И тут, наверное, тоже моя вина, – подумал Лисовский. – Будь я с ними, все могло быть иначе”.

– Кто я, чтобы судить тебя, отец? Бог будет тебе судьёй и учтёт и наши с мамой переживания, и то, что ты, благодаря своему таланту, создал для людей. Те минуты счастья, которые пережили

миллионы людей, слушая рождённую тобой замечательную музыку. Господь всё взвесит и вынесет свой приговор.

– Спасибо, Катя, за твои слова. Мне важно было их услышать.

– Несколько лет назад мы прочли в газетах, что ты расстался со своей последней женой? Кто же сейчас ухаживает за тобой?

– Да, она осела в Лондоне. Не вынесла моих постоянных скитаний – полжизни в салонах самолётов. Но наш разрыв, как это ни покажется странным, удивительным образом положительно сказался на моём творчестве. С тех пор я написал симфонию, два квартета, еще кое-что и, наконец, оперу. Премьера её состоялась не так давно в Вене и получила хорошие отзывы зрителей и критики. Сейчас планируется её постановка в ряде стран, в том числе в Ла Скала и Метрополитен опера. У меня было ещё много замыслов, но...

– Надо надеяться на лучшее. Ты выздоровеешь и ещё немало создашь.

Лисовский грустно улыбнулся.

– Ты, наверное, хочешь зайти в ту комнату? – спросила Маша, заметив его взгляд, устремлённый к открытой двери кабинета.

– Да, очень!

И вот он в той комнате, где родились самые первые звуки его первой симфонии. В этих стенах он впервые почувствовал и осознал, что способен рождать музыку.

“Просто чудо! Цел письменный стол, за которым были исписаны первые листы нотной бумаги, – бледное лицо Лисовского осветилось радостью. – И та же статуэтка на нём – бронзовая собака, молодая и сильная, встала на задние лапы и

готовится к прыжку. Так же он тогда, молодой и полный энергии, готовился к своему прыжку в мир творчества и созидания, к прыжку, который, в конечном итоге, привёл его на самую вершину славы”.

– Там в коробке твой сломанный смычок, а в шкафу, вот, посмотри, – продолжала Маша, – твоя блуза, в которой ты ходил в консерваторию, и, наконец, твой костюм, который мы купили для твоего выпускного концерта. Ты помнишь?

– Ты, ты... все это сохранила? – Лисовский почувствовал, что не в силах сдержать слёз.

– Да, я сохранила всё это, но не потому, что думала о том, что это может быть одеждой будущего гения. Нет, совсем по другой причине. Просто я, я ... Теперь же я уверена, что со временем все эти вещи будут в музее и приходящие туда люди будут счастливы как бы соприкоснуться с тобой и твоей музыкой.

Лисовский сделал неловкий шаг к Маше и попытался поцеловать её руку, но, видимо, был очень взволнован и слаб. Это ему не удалось, и он чуть не упал. Женщины поддержали его.

– Извините, как я неловок, чуть не поломал цветы на подоконнике.

– Это не цветы. Здесь у нас в банках рассада помидоров. Завтра суббота, и мы должны ехать на дачу её сажать.

– Какую дачу?

– На нашу старую дачу, там в деревне. Ту, которую построил твой отец.

– Как!? Вам удалось сохранить нашу дачу? У вас не купили её новые русские? И не сожгли хулиганы?

– Да, она цела, хотя и обветшала.

– Не могу поверить! Как я рад! Сколько с ней связано воспоминаний о родителях, о детстве! Как бы я хотел её увидеть вновь! Это возможно?

– Конечно. Ты можешь поехать туда с нами.

– Боже мой! Боже мой! Я не могу прийти в себя. Я даже представить себе не мог, что она цела. Свидание с ней – это такой подарок мне! Разрешите, я сейчас позвоню моему шофёру? Миша. Мы остаёмся в Твери. Закажи номер на двоих и заезжай за мной. – Последние слова Лисовский произнёс без особого энтузиазма. Женщины переглянулись.

– Лёва, я вижу, тебе совсем не хочется ночевать в гостинице. Что, если мы постелем тебе в кабинете на твоём любимом диване, где тебе когда-то так хорошо спалось.

– Маша, Машенька...! Ты просто читаешь мои мысли. Я, я... не знаю, как тебя благодарить. Мне так нужна эта ночь в свидании с прошлым!

– Алло, Миша! Планы меняются. Можешь ночевать здесь или возвращаться домой, на твоё усмотрение, но завтра к 10:00 заезжай сюда за мной. Поедем в деревню километров за сорок.

– Как, Леопольд Янович? Вы будете ночевать в этой...

– Да, буду, и очень рад этому. До завтра.

“Видимо, болезнь начинает сказываться на его рассудке: ночевать в такой дыре и радоваться этому, жаль старика,” – рассуждал обескураженный Миша, мчась по Ленинградскому шоссе на юг по направлению к столице.

До дачи оставалось ещё несколько сот метров, а сердце Лисовского уже начало учащенно биться. Вот сейчас, за поворотом проселочной дороги покажется посеревший от времени и дождей штакетный забор и там между густых сосновых

веток начнут проглядываться красные пятна черепичной крыши, а потом сам тёмно-зелёный рубленый дом с желтыми наличниками на окнах. Сколько воспоминаний связано с этим домом!

Вот причудливо изогнутая дорожка, ведущая от калитки к крыльцу мимо берёзы, посаженной родителями почти под самым окном. Их любимая берёза, дающая так много тени и единственно красующаяся своей белизной среди всегда солнечно-светлых стволов сосен. Ещё несколько шагов, и вот широкие ступени крыльца под навесом, ведущие на застеклённую террасу. Сколько раз на них сидел и играл он ещё мальчишкой! Здесь в углу у крыльца было место его верного друга велосипеда, когда он был подростком. А вот овальный обеденный стол, за которым собиралась семья и два мягких кресла: тяжёлых, громоздких, совсем не красивых, но очень удобных.

Лисовский с трудом опустился в одно из них, стараясь вспомнить ощущения комфорта, которые он испытывал, сидя в нём ранее. Но чего-то не хватало, и вдруг он почувствовал в какой-то момент сбоку касание повреждённой пружины – это было то, чего он ждал. Было поразительно, что тело, как бы минуя его сознание, запомнило эту пружину, без неё не было полноты старых ощущений.

За свою жизнь Лисовскому довелось сидеть в разных креслах: и на королевских приёмах, и в салонах “Конкорда”, и в креслах президентских номеров лучших отелей мира. Но сейчас, в этом старом кресле с поломанной пружиной, ему было хорошо, как никогда раньше. В этом доме витал дух его родителей: они очень любили его, были здесь счастливы. Так же любил этот дом и он сам.

Ещё одну ночь свидания с прошлым даровала ему судьба. По выработавшейся с годами привычке он проснулся очень рано. В широкие щели между досками ставен били яркие лучи солнца, высвечивая на дощатом полу светлые теплые полосы. Слегка шуршали ветки, и где-то совсем рядом с окном настойчиво чирикала птица. Пахло сосновым срубом.

“Совсем, как тогда в детстве, когда, проснувшись утром, я радовался наступающему дню, думал о том, что предстоит сегодня, и сердце наполнялось чувствами, которые трудно передать словами. Всё то же вокруг, но совсем другие мысли и думы”.

Лисовский тихо вышел из дома, стараясь не разбудить еще спавших женщин.

Медленно прошел по дорожке и присел на скамейку, обращенную лицом к дому. Перед ним была клумба, на которой только начали появляться первые ростки цветов, тонкие и беззащитные. Но уже зеленели первые листья на лозах плюща, обвивающих террасу. От дома и сосен легли резкие тени. На колено Лисовскому села пёстрая бабочка, словно демонстрируя красоту своего наряда.

Здесь, как и внутри дома, было всё то же, что и много лет назад, как-будто застыло время. В какой-то момент Лисовскому показалось, что вот сейчас на террасе приоткроется дверь и на порог выйдет его мать со стаканом молока в руке и позовет его к завтраку.

“Господи! Как мне здесь хорошо в этой атмосфере прошлого, как мне это все нужно, чтобы поддержать меня в том, что неизбежно предстоит. Нет! Я не поеду в Швейцарию! Никуда не поеду. Останусь здесь до конца. И когда осенью опадут листья, увянет трава и уйдёт тепло, вместе с ними уйду и я”, – решил Лисовский.

А в голове Лисовского, вне зависимости от его воли, уже начала рождаться музыка. Какие-то первые ноты, фразы, аккорды – всё это складывалось, создавая первые штрихи мелодии. Наверное, никто и никогда не объяснит, как рождается музыка, как из ничего вдруг где-то в сердце, в мозгу человека возникает то сладостное для ушей тысяч, что тревожит, зовёт, волнует, радует, но никогда не оставляет равнодушным.

Лисовский не думал, что ему будет суждено ещё раз пережить эти ни с чем не сравнимые, волнующие минуты радости творчества. “Пожалуй, я мог бы написать Реквием, – подумал Лисовский, – если бы только хватило сил”.

* * *

Осенью того же года в газетах многих стран мира появилось печальное сообщение. Вот что писала одна из них:

“Всё культурное человечество понесло невосполнимую утрату. На днях в России в Тверской области в сельской глуши в доме своих покойных родителей скончался выдающийся композитор и музыкант современности Леопольд Лисовский.

Уже будучи смертельно больным, он написал свое последнее и, может быть, самое гениальное произведение – Реквием, которое поражает с одной стороны красотой гармонии, с другой – глубиной раскрытия темы извечной борьбы жизни и смерти и трагедии утраты.

2002 г.

НАШИ В ИММИГРАЦИИ

ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ, КОТОРЫЕ РЕШИЛИ ВСЁ

Путешествие заканчивалось. Это стало очевидно, когда пароход подошёл к устью Гудзона и по правому борту чуть обозначились контуры Сигейта. Хотя из-за пелены мелкого дождя не был виден высокий берег Нью-Джерси, всё же было ясно, что пароход уходит от большой воды. Качка заметно уменьшилась, не так резок стал ветер. Однако профессор не знал, что предстоит ещё целый час движения корабля вверх по Гудзону мимо статуи Свободы, а затем острова Гавернер к причалам Ист-ривер.

Глядя на эту нечётко различимую южную оконечность Бруклина, профессор думал о том, что к счастью завершается этот долгий и изнурительный путь из Европы в Америку. Он вконец измотал его жену, плохо переносящую качку. Кутаясь в свою тёплую меховую шубу от ноябрьской прохлады и сырости, он не мог не думать о том, что ждёт их, двоих пожилых людей в Америке. В этой ранее столь далёкой и неизвестной стране у них не было ни родственников, ни друзей. То, что следовало бежать из России от большевиков, два года назад совершивших октябрьский переворот, не было сомнения. Уж очень много интеллигенции пострадало за это короткое время. Вся жизнь встала как бы с ног на голову. Впереди маячили мрачные перспективы, ибо к власти пришли разрушители культуры, нравственных устоев и идеалов. Но

правилен ли окончательный выбор в пользу Америки?

Полгода они мотались по Европе, измученной мировой войной, и профессор пришел к выводу, что его технические знания сейчас здесь никому не нужны. Европа была в состоянии политической нестабильности и экономического оцепенения. Из Америки же, избежавшей войны, доходили сведения о размахе строительства городских дорог, развития промышленности и энергетики. Это и оказалось решающим в вопросе: куда ехать.

Профессор поселился вблизи Даунтауна, где-то на границе Сохо и Гринвич-виллидж на тихой улице в маленькой квартирке с одной спальней. Двух- и трёхэтажные дома с фигурными решётками на окнах, многочисленные маленькие кафе и крошечные островки скверов напоминали жене профессора столь полюбившийся ей Париж. Несмотря на нелучшее для Нью-Йорка время года, они много гуляли. С каждым разом всё больше удалялись от дома, знакомясь с новыми местами, всё лучше узнавая этот многоликий, полный контрастов город.

Знакомясь с городом, с его архитектурными памятниками, культурой, любуясь Гудзоном, профессор не переставал думать об их с женой будущем. С первых же дней пребывания в Америке он начал посылать свои резюме в различные фирмы. Профессор полагал, что им могут заинтересоваться как специалистом по расчёту и конструированию металлоконструкций, имеющим большой опыт практической и педагогической деятельности. Его имя было довольно хорошо известно в научно-инженерных кругах России и Европы, и он надеялся, что в какой-то мере и в Америке. Рассчитывал, что это

будет способствовать его быстрому возврату к трудовой деятельности, без которой он скучал. Поседевшие борода и усы несколько старили профессора. На самом деле он только подбирался к 60-ти годам и чувствовал себя способным ещё много и долго трудиться.

За полгода жизни в Европе без работы не столь значительные накопления профессора сильно поубавились, и здесь в Америке они продолжали стремительно уменьшаться. Несколько раз они с женой пересматривали свой бюджет, каждый раз урезая его. Положение приближалось к катастрофическому. Было решено продать несколько драгоценностей из семейных реликвий, на что жена согласилась со слезами. Супруги стали ограничивать себя в питании. С ужасом думали о том, что случится, если кто-нибудь заболеет и потребуется врач и лекарства.

Ежедневно профессор отправлял по несколько резюме. Ответов всё не было. В один из январских дней он продал практически за бесценок свои карманные золотые часы на массивной золотой цепочке. Часы были подарены ему на 50-летие сотрудниками технологического института, где он читал лекции. Часы были красивыми, с трогательной надписью. Профессор ими очень дорожил. На деньги, полученные от продажи часов, они смогли продлить ещё на две-три недели своё существование.

Часто ночами, мучаясь от бессонницы, профессор вспоминал свою прежнюю жизнь. Свой институт, где почти 30 лет преподавал, своих студентов, аспирантов, конференции, учёные советы, где он появлялся всегда подтянутым, одетым с иголочки, обязательно с белым накрахмаленным воротничком, который менялся

ежедневно. Вспоминал свою творческую работу над проектами, которую он так любил. Она доставляла ему столько радости от результатов содеянного!

Вспоминалась также большая уютная квартира на Васильевском острове, обставленная старинной мебелью и милыми сердцу вещами. Его кабинет – самая любимая комната, где он надолго оставался со своими книгами, которые он собирал всю жизнь и которыми очень дорожил. Здесь, в этой торжественной тишине, рождались новые мысли, здесь так замечательно думалось и творилось. А дача в сосновом лесу на берегу залива, которая строилась по его замыслу, где всё было так удобно, продуманно, уютно. Такое уже никогда не повторится. А он с его знаниями и умением никому не нужен в этой стране!

В конце января, когда почти совсем были потеряны надежды на лучшее, пришло приглашение на интервью в большую компанию далеко от Нью-Йорка. Читая его, профессор побледнел, жена разрыдалась.

– Я соглашусь на любую работу: инженером, техником, наконец, простым чертёжником, – сказал профессор, успокаивая жену.

Тотчас началась подготовка к отъезду. В тот же день вечером они сели в поезд, а через два дня профессор уже входил в кабинет главы компании, который изъявил желание лично с ним познакомиться.

Кабинет представлял собой большую комнату, довольно скромно обставленную. Огромный письменный стол хозяина размещался прямо напротив массивной двухстворчатой входной двери, так что входящий оказывался лицом к лицу с главой компании. Перед письменным столом

стояло два кресла и маленький рабочий стол, на который посетитель мог положить свои бумаги. За спиной хозяина висел огромный портрет Джорджа Вашингтона. На стенах справа и слева от входной двери одинаковые большие почти вокзальные часы с чётким циферблатом и секундными стрелками. В какое бы кресло ни сел посетитель, прямо перед его глазами оказывались эти часы. Как понял профессор, они должны были напоминать посетителю о занятости хозяина, о необходимости сведения времени визита до минимума. Об этом, кстати, предупредил профессора и секретарь – молодой человек в строгом костюме, который проводил профессора до кабинета и открыл перед ним дверь.

– Я хочу познакомиться с вами, – обратился к профессору глава компании мистер Н., слегка пристав с кресла и протягивая ему через стол руку. Затем он жестом пригласил профессора сесть.

– Для меня многое значит личное впечатление о человеке, – пояснил он далее. – Мы получили ваше резюме. Я для начала хочу предложить вам выполнить одно поручение, связанное с проблемой, которая нас очень заботит. Идёт строительство крупного железнодорожного моста, и я хочу, чтобы вы рассмотрели проект и высказали свои замечания, замечания свежего человека. Эта работа будет вам оплачена при всех случаях: будете ли вы у нас в дальнейшем работать или нет. Я жду вас через две недели с заключением.

С этими словами мистер Н. сунул в руки профессору увесистую папку с чертежами и расчетами. На этом приём был закончен.

В гостиничном номере, где они с женой остановились, профессор ознакомился с содержанием папки. Он быстро понял, что данный

ему срок не так уж велик и предстоит напряженная работа. Но это было ему в радость – он так соскучился по делу!

Четверо суток профессор не выходил из дома. Все столы, стулья и кровати в номере были завалены чертежами, расчетами, проверочными выкладками, которые профессор выполнял с помощью своей издававшей виды логарифмической линейки.

На пятые сутки профессор метеором ворвался в приёмную главы компании. Одной рукой он держал растрёпанную папку с проектом, другой придерживал спадающее с носа пенсне. Пуговицы сюртука были расстегнуты, галстук съехал в сторону. Он буквально оттолкнул преградившего ему путь секретаря, который твердил, что мистер Н. без приглашения не принимает, а в данный момент к тому же очень занят. Между тем профессор влетел в кабинет. Не обращая внимания на присутствие там посетителя, двинулся прямо к письменному столу.

Мистер Н., казалось, был удивлён появлением профессора. Тем временем профессор, не дожидаясь приглашения, устало плюхнулся в кресло и, ещё не отдышавшись, начал быстро говорить.

– Мистер Н., умоляю вас! Немедленно позвоните и дайте приказ остановить строительство моста! В расчете левой опоры шестого пролёта допущена ошибка, и опора может рухнуть в любую минуту!

Профессор буквально задыхался от волнения.

– Звоните же скорее, прошу вас!

– Успокойтесь, мой друг! Ничего страшного не произойдёт.

Мистер Н. улыбнулся профессору и отпустил с изумлением наблюдавшего эту сцену посетителя.

— Эта опора уже рухнула, — сообщил он профессору, когда за ушедшим закрылась дверь. — Слава Богу, обошлось без жертв и, Слава Богу, это случилось с другой компанией. После этого происшествия нам отдали проект на экспертизу. Десяток инженеров в течение почти месяца искали ошибку, пока её смогли обнаружить. Вы же это сделали в одиночку за четыре дня! Извините меня за этот тест, который вы выдержали на отлично. Поздравляю!

С этими словами мистер Н. встал из кресла, обошел свой огромный письменный стол, подошел к профессору и пожал ему руку.

— Вы приняты на работу в нашу компанию, — сообщил мистер Н., вернувшись на своё место.

— Спасибо, но я должен быть с вами искренен до конца, — чуть придя в себя от услышанного, заикаясь от волнения заговорил профессор. — Вы должны знать обо мне всё. Я иудейского происхождения. Но поскольку мой отец был купцом второй гильдии, я смог учиться в гимназии и Петербургском технологическом институте. Затем продолжил образование в Англии. Однако на моей родине в России из-за моей национальности мне была закрыта дорога в университет, и я не смог стать российским академиком.

Мистер Н. прервал профессора резким взмахом руки.

— Здесь в США это не имеет никакого значения. Мы ценим только талант, знания, деловитость человека. Я знаком с вашей нынешней ситуацией, — продолжил он, — и настаиваю, чтобы вы немедленно поехали и купили себе всё, что

необходимо для нормальной жизни, в первую очередь, дом и автомобиль. Я советую вам выбрать для проживания Истсайд. Это тихое место в пригороде. Мне хочется, чтобы сегодня ночью вы хорошо выспались в своей кровати, так как завтра в 8.00 часов я жду вас на работе в хорошей форме. Вот вам чек в качестве аванса вашей будущей зарплаты. До свидания!

У профессора помутилось в глазах от цифры со множеством нулей на протянутом ему чеке. Прощаясь, он взглянул на вокзальные часы на стене кабинета. Беседа, решившая его судьбу на долгие годы, длилась всего 3 минуты 47 секунд.

1998 г.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В АМЕРИКЕ

Было решено, что семья на пару дней задержится в Нью-Йорке перед вылетом в Джорджию. Там в Атланте уже несколько лет жила сестра Розы, которая и вызвала их в Америку.

На две ночи, после прибытия в аэропорт имени Дж. Кеннеди, семью приютила одинокая подруга Розы, проживающая в небольшой квартире в Бруклине. Детей положили спать вальетом на узкий диван в гостиной. Родители легли рядом на полу на довольно широком, но, может быть, чуть жестковатом матрасе. Измотанные перелётом, дети заснули мгновенно. Рома тоже вроде задремал, но вскоре проснулся, ощутив на себе взгляд Розы.

– Ты что? Почему не спишь? – Роза прижалась к мужу.

– Скажи мне честно: тебе верится, что мы уже в Америке? Что кончилась, наконец, кошмарная жизнь в России, позади все эти интервью в посольстве, в ОВИРе, все эти жуткие хлопоты, переезды, перелёт через океан и завтра мы увидим Нью-Йорк, Манхэттен? Увидим этот самый прекрасный город в мире, его негласную столицу!

– Да, сбылось то, о чём мы так мечтали! Просто не верится! А теперь спи, завтра у нас такой интересный день, – Рома обнял жену и стал нежно её убаюкивать, словно ребёнка.

Утром все проснулись рано. Даже малышей не пришлось будить.

— Мы едем в Манхэттен! Мы едем в Манхэттен! – щебетали они, с трудом произнося незнакомое название.

Видимо, взволнованно-радостное настроение родителей передалось и им. Вся семья надела самое лучшее из одежды, что было у них, и это придавало предстоящему событию дополнительную торжественность. Гостеприимная хозяйка убежала на работу ещё раньше их, оставив схему сабвея, карту Манхэттена и не забыв дать несколько наставлений.

И вот Манхэттен, знакомство с которым они начали с Даунтауна. Какой прекрасный вид открылся им от набережной Баттэри-парка на необъятную ширь Гудзона, принявшего в свои объятия Ист-ривер. Вот впереди маленький островок и на нём знакомая всем людям земли и давно ставшая символом США — статуя Свободы. Чуть правее – остров Эллис со зданием таможни, через которую в свое время прошли миллионы иммигрантов. Левее – остров Гавернер с остатками старого форта, гарнизон которого когда-то защищал Нью-Йорк от вторжения с океана. Всё это было очень интересно, но всё это было лишь прелюдией к знакомству с тем, что не может не потрясать, — с чудом, созданным руками человека.

Вот вы поворачиваетесь на 180 градусов и перед вами стена небоскрёбов. Гиганты, отличающиеся высотой, архитектурой, цветом, выглядывают друг из-за друга красуясь и маня взор. Эти исполины, эти колоссы из бетона, стекла, металла и пластика изумляют и переполняют сердце восхищением и гордостью за род человеческий, который сумел их создать.

Сколько вопросов посыпалось от детей, на которые родители не могли дать исчерпывающих ответов! Потом они подошли к знаменитым близнецам, стоя вблизи которых невозможно увидеть верхнего этажа, как бы ты ни задирал голову. Довольно много времени они провели в очереди, чтобы подняться на крышу здания. Поразило, что внутри такого гигантского сооружения был огромный зал без внутренних опор. На чём же держатся эти сто с лишним этажей? Скоростной лифт в мгновение домчал их до 107 этажа, а оттуда по лестнице они поднялись на крышу. На их счастье была прекрасная, солнечная погода и с этой высоты, значительно превышающей птичий полёт, им открылась гигантская, простирающаяся на несколько десятков миль панорама. И действительно они увидели: Бруклин за Ист-ривер, примыкающий к нему Квинс и почти неразличимый где-то на севере Лонг-Айленд; на востоке Сигейт – жилой район в устье Гудзона; тонкую полосу полуострова Фарраковой, протянувшуюся вдоль восточных оконечностей Бруклина и бескрайнюю даль Атлантического океана за ним. Совсем маленькой казалась отсюда статуя Свободы. Зато четко просматривались элегантные контуры парящего над Гудзоном Верразано-бридж, соединяющего Бруклин и Стэтен-Айленд. На юге хорошо были видны близлежащие районы Нью-Джерси с самолётами, взлетающими из аэропорта Нью-Арк. А на западе, как на ладони Манхэттен. Здание ООН на берегу Ист-ривер и, конечно, самый красивый небоскрёб Нью-Йорка, а может быть, и мира - 102-этажный Эмпайр-Стейт билдинг.

Отсюда, с гигантской высоты, люди выглядели маленькими, почти незаметными точками, а какой-то крохотной цепочкой – автомобили. Ниже, где-то на уровне 80-го этажа пролетали вертолёты. Всё это выглядело сказочно, неправдоподобно! Это была фантастическая картина, от которой невозможно было оторвать глаз.

Продолжая обсуждать увиденное, семейство проследовало на Уолл-стрит, о котором так много слышали раньше взрослые. Постояли у здания биржи, которое после гигантов-небоскрёбов совсем не впечатляло. Но как важно для судеб миллионов людей то, что происходит за этими стенами!

С Уолл-стрит берегом Ист-ривер прошли в Морской порт. Полюбовались необыкновенным зрелищем: здесь у дощатого пирса старинные парусники и фрегаты удивительно контрастно соседствовали с зеркальными стенами небоскрёбов. А где-то совсем рядом перерезала Ист-ривер громада знаменитого Бруклинского моста, с которого когда-то очень давно с огромной высоты прыгал в воду многократный олимпийский чемпион, легендарный Вейсмюллер, снимавшийся в кино в роли Тарзана.

Пока кушали и отдыхали в уютном кафе на пирсе № 17 прямо над водой, прошло довольно много времени. Поскольку дети уже устали, решили сократить намеченный ранее маршрут: немного пройтись по Бродвею в Мидтауне и возвращаться домой.

Вечерний Бродвей на пересечении с 42-й улицей встретил тысячами огней, такой иллюминацией, которую им раньше не доводилось видеть. Всё здесь поражало, удивляло, заставляло постоянно поворачивать голову в разные стороны.

Восторженным восклицаниям не было числа. Так в плотной бродвейской толпе мимо Таймс-сквера они добрались до 50-й улицы. К этому моменту выдохлись не только дети, но и взрослые. Поэтому семья двинулась к сабвею.

Среди нескольких полезных советов, полученных от хозяйки квартиры накануне экскурсии, были и рекомендации особенно тщательно охранять дамскую сумку: не держать её за ручку (могут вырвать в толпе), не вешать её на плечо (могут срезать, сорвать). Роза отнеслась к этому очень серьёзно. Ведь в сумочке были паспорта, билеты на самолёт и те небольшие, но единственные деньги, которыми они располагали на первое время. Всё это Роза уложила в маленькую сумку-косметичку, которую спрятала в отделение сумки, закрывающееся на молнию. Саму же сумку всё время держала под мышкой, крепко прижимая к себе. Но всех этих предосторожностей, к сожалению, оказалось недостаточно. Перед самым входом в сабвей обнаружилось, что сумка ловко разрезана и косметичка со всем содержимым исчезла! Где, когда это произошло? Кто эти низкие люди, которые не могли не видеть, кого грабят, и всё же покусившиеся на то малое, что могут иметь вновь прибывшие иммигранты?!

В то же самое время в каком-то полутёмном дворе двое парней, присев на корточки в дальнем углу за пустыми ящиками, прямо на асфальт вытряхивали содержимое косметички. Окинув алчным взглядом то, что им досталось, они разочаровано замолчали, а затем разразились матерной бранью. В контейнер с мусором полетели красные паспорта, билеты и сама косметичка.

– Куда только ты глядел, скотина, – сказал тот, что постарше, сгребая деньги, – тут же не хватит даже на хорошую выпивку! Ещё один такой прокол и я размажу твои мозги по стене! – и он поднёс увесистый кулак к лицу сообщника.

– Ладно, Франк! Успокойся! С кем не бывает – у этой бабы так сильно выглядывала сумка, когда она глазела на витрину, что я не смог удержаться. Пойдём, сделаем ещё заход.

Мгновенно свет померк в глазах у Розы, когда обнаружилось, что пропала косметичка. Это был как удар грома в ясную погоду. Так неожиданно, так безжалостно, так несправедливо! У них был такой прекрасный день – первое знакомство с Нью-Йорком! Было так интересно, столько непередаваемых впечатлений – такое у каждого человека может быть только раз в жизни и никогда больше не повторится! Они были так счастливы! И вот на фоне этого долгожданного счастья, этой безумной радости подлый удар в спину! Роза заплакала навзрыд, закрывая лицо руками, положив голову на плечо мужа. Пустая сумка беспомощно болталась у неё на локте. Ещё не понимая всей трагичности случившегося, глядя на мать, заплакали дети, уцепившись за её одежду.

В мгновение вокруг этой скорбной группы начала образовываться толпа.

– Что случилось? Могу я помочь вам? – спросила, стоявшая ближе всех, нарядно одетая, красивая, седая дама.

– У нас проблемы! Но наш английский очень плох.

– Вы говорите по-русски? – спросила молодая спутница седой дамы. – Я немного понимаю, объясните, что случилось.

Роман коротко рассказал о случившемся. Когда молодая женщина перевела его слова собравшимся, послышались возгласы возмущения. Лицо седой дамы покрылось краской гнева.

– Леди и джентльмены! – обратилась она к обступившим людям. – Вы слышали, что случилось? Какие-то подонки не только ограбили этих несчастных людей, но, главное, своим подлым поступком они отравили им первый день пребывания здесь, поколебали в них веру в Америку, в те идеалы света и добра, которыми живёт и дышит наша страна! Давайте докажем им, что то, что случилось с ними, – случайный, печальный эпизод. Что хороших людей, способных протянуть руку помощи, здесь неизмеримо больше, чем жалких негодяев.

С этими словами она освободила от покупок полиэтиленовую сумку, которую держала в руке и кинула в неё ассигнацию. Мгновенно к сумке потянулось множество рук. Подходили другие люди, узнав о случившемся, доставали деньги. Кто-то ободряюще гладил детей по голове. Кто-то протянул им сладости. За считанные минуты сумка наполнилась деньгами.

– Мы все желаем вам счастья! – сказала седая дама, передавая сумку Розе. – Мы уверены, что у вас всё будет хорошо: со временем будет работа, дети будут учиться, придёт успех, также как он приходит к большинству иммигрантов, а Америка – страна иммигрантов. Забудьте о случившемся, и знайте, что в тяжёлую минуту здесь вам всегда протянут руку помощи.

Розе очень хотелось рассказать окружившим их людям, что она пережила за эти минуты. Выразить всю глубину своей признательности за себя, за детей, за помощь, которую им оказали, а, главное, за то, что они укрепили в ней веру в правильность мучительно-трудного выбора, который делает каждый иммигрант, покидая страну, где родился, и прибывая к этим берегам.

Но сказать всё это по-английски она не могла и улыбалась сквозь непросохшие слёзы, только повторяла по-английски: спасибо, спасибо!

1997 г.

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

– Я же тебе говорил – ничего не получится, отца слушаться надо!

16-ти летний Миша, золотой медалист и победитель нескольких олимпиад по математике, только что вернулся из Москвы. Со слезами на глазах он рассказывал родителям, как его экзаменовали на мехмате МГУ по математике.

– Более трёх часов трое экзаменаторов задавали мне вопросы. Я успешно ответил на всё, решил все задачи. Многие из них выходили за пределы школьной программы. Совершенно ясно, цель их была не пропустить. Но завалить меня не удалось, и они пошли на подлость. Дали чистый лист бумаги. Попросили написать своё имя и фамилию. Я это сделал. А потом сказали: “Мы сейчас продиктуем формулу, а вы скажите, правильная она или нет”. Я даже не успел закончить писать, как их главный выхватил у меня листок и сказал: “В формуле ошибка. Ставим тройку”. Я был ошарашен: “Это же нечестно! Так нельзя!” Они мне: “Можете жаловаться. Это ваша подпись, и вами неправильно написанная формула. Вы проиграете везде”.

– Негодяи! – отец был в ярости. – Я же тебе говорил не соваться в МГУ!

– Но я хочу быть математиком – это моя мечта! Я хочу учиться там, где математику преподают лучше всего...

– Ладно, Яша, – произнесла мать, видя, что муж почти на пределе

– Иди, погуляй с собакой. А мы тут пока поговорим.

– Постарайся успокоиться, – мать погладила курчавые волосы сына. – Раз ты хочешь, то обязательно станешь математиком, но учиться будешь в ином вузе.

-- Пойми, мама, в МГУ дают лучшую подготовку!

– Найдём место не хуже.

– Не найдём! Там лучшая математическая школа в стране!

– Я тебя никогда не обманывала. Верь мне...

Путь от Бостона до Торонто не такой уж длинный. Но Майкл, как всегда перегруженный делами, выехал в последнюю минуту. Он уже начал опасаться, что опоздает к открытию международной конференции по математике. Но успел, а уже через несколько часов, прочитав свой доклад, сходил с трибуны под громкие аплодисменты собравшихся.

Вечером состоялся банкет. Майкл оказался за одним столом с двумя профессорами из России. “Вам будет интересно пообщаться с ними – они занимаются близкими вам проблемами,” – сказал представитель оргкомитета. Профессора, седые с пышными бородами, оказались намного старше Майкла. Один из них прилично говорил по-английски.

– Мы восхищены вашим докладом, коллега! Ваши успехи феноменальны. Мы в курсе ваших работ. Предлагаемые вами решения отличаются изящностью, оригинальностью подхода. У вас какой-то особый дар мышления.

- Благодарю вас, господа, но, думаю, вы несколько преувеличиваете мои достижения...

- Ни в коей мере! У нас в Московском Университете мы уже многие годы бьёмся над решением задач, о которых вы сегодня говорили. Но увы! Наши успехи незначительны. У вас большой талант и, я уверен, отличная школа. Где вы учились, к слову?

- Я закончил Гарвард...

- А наши российские математические школы, к сожалению, скудеют. Почему? Причины тут разные. Сейчас талантливая молодёжь больше интересуется экономикой и финансами. Там более реальная перспектива чего-то добиться. Начиная с 60-х годов страну покинуло много талантливой молодёжи, потенциальных учёных. Но хватит о наших хворобах. Давайте лучше выпьем за Ваши успехи. Я несколько не удивился бы, увидев через несколько лет Ваше имя в списке Нобелевских лауреатов, если бы эту премию присваивали по математике. Жаль, что такого таланта мы не имеем сейчас в России.

К Майклу протянулась рука с бокалом вина. На указательном пальце собеседника он увидел массивный перстень с большим изумрудом. Словно это было вчера, словно не прошло тех семнадцати лет, которые отделяли золотого медалиста Мишу от сегодняшнего учёного с мировым именем, так ясно Майкл вспомнил тот злополучный приёмный экзамен по математике в МГУ и эту руку, вырвавшую у парнишки листок с продиктованной ему неправильной формулой.

Майклу стал отвратителен собеседник. Сейчас он льёт слёзы о застое в российской науке. А в своё время он стоял стеной на пути к ней многим

способным ученикам... Сколько молодых жизней он сломал? И, может быть, не многие приняли самое трудное в жизни решение, такое же, как его родители. Они изменили свою жизнь ради того, чтобы открыть путь к знаниям своему ребёнку. Перед Майклом был негодяй! Как это совмещается с его профессорской мантией? Как поступить? Высказать ему всё или просто подняться и уйти? Пожалуй...

– Может быть, вас это удивит, но я родился в России. Сейчас мой русский оставляет желать лучшего, и я предпочитаю говорить по-английски. Семнадцать лет назад я сделал попытку поступить на мехмат МГУ. Хотя я был подготовлен намного лучше большинства абитуриентов, меня безжалостно и нечестно “зарезали”. Признаться, я очень хотел бы сейчас увидеть человека, который тогда выполнял эту грязную работу, чтобы сказать ему в лицо, что я о нём думаю... Ведь та рука, которая вырвала листок с формулой, вышвырнула меня из страны, практически обворовав Россию, если верить всем тем словам, которые я только что услышал от вас, уважаемые коллеги...

Профессор с кольцом в том году возглавлял группу, экзаменующую медалистов. “Только бы меня не узнали, – подумал он. – Может быть такой скандал. Однако молодой человек, по всей видимости, не узнает меня – ведь столько лет прошло, да и бороды тогда не было. Если так, то и ладненько”.

– Да, в те годы были люди, которые выполняли такого рода миссию. Полагаю, для кого-то из них это соответствовало их внутреннему убеждению, для кого-то нет. Но стоит ли сейчас ворошить прошлое...

“Этот бородатый понял, что я обвиняю лично его, – решил Майкл, – но никогда не извинится, не покается... Продукт системы, которая, к счастью, рухнула. Но сколько их, таких “продуктов”, продолжает свое грязное дело в России повсеместно и по сей день? Однако этого я заставлю провести бессонную ночь...”

– У меня в старой записной книжке, кажется, сохранилось имя этого экзаменатора, – слукавил Майкл. – Он, наверное, вам знаком. Вечером я пороюсь в своих книжках и завтра сообщу вам, кто этот негодяй.

На следующий день в работе конференции принял участие только один русский профессор. Второй, в связи с ухудшением состояния здоровья, срочно вылетел домой.

2005г.

НАЧАЛО

Мы жили в городе Николаеве. Тарас – мой муж, работал инженером на заводе. Я – медсестрой в больнице. Обычная советская семья с двумя детьми. Жили, как все. Как-то тянули от получки до получки.

Тарас с давних времён пристрастился слушать “Голос Америки”. Почти ежедневно, приглушив звук приёмника от любопытных соседей, слушал, слушал, слушал ...

Очень он проникся тем, как живут в Штатах.

– Знаешь, как там живёт инженер? – часто повторял Тарас. – Собственный дом на пять-семь комнат с двумя-тремя ваннами, машина на каждого взрослого, отпуск – несколько недель в году где-нибудь в Мексике или на Карибах. Надоело горбатиться здесь за копейки, ждать жалкой квартальной премии, которой не хватает, чтобы расплатиться с накопившимися за три месяца долгами. Была бы возможность, уехал не задумываясь...

Когда распался Союз и возникли возможности выиграть гринкарту, мы, не питая надежды на успех, подали заявления одними из первых. И произошло чудо! Мы выиграли! Тотчас продав то, что в тот момент можно было продать, мы бросили свою двухкомнатную квартиру с мебелью и многими вещами и поспешили уехать, имея на руках пару тысяч долларов.

В аэропорту Джонна Кеннеди, пройдя все формальности и получив багаж, мы попали в зал,

где встречают пассажиров. За невысоким барьером толпились встречающие. Многие с плакатами в руках, на которых написана фамилия приехавшего. Мы были почему-то уверены, что нас должны встречать представители НАЯНЫ, отвезти в город и разместить на ночлег... Однако нашей фамилии на плакатах не было.

Мы стали ждать. То муж, то я периодически проходили вдоль барьера, вглядываясь в плакаты, но тщетно. Так прошел час. Мимо нас дважды прошла женщина, видимо уборщица, с любопытством и сочувствием поглядывая на наших малолетних детей, которые очень устали и были голодны. Прошел ещё один час, и эта женщина, которая уже много раз проходила мимо нас и видела, что мы измучены ожиданием и очень нервничаем, подошла к нам.

- Я родом из Польши и немного говорю по-русски. Что с вами случилось? Не приехали встречать родственники?

Мы рассказали о нашей ситуации.

- Вы напрасно ждёте представителей НАЯНЫ. Они не должны вас встречать. Вы должны были всё это выяснить ещё в России и позаботиться, чтобы вас встречали родственники, тем более, учитывая, что едете с детьми. Извините меня, вы поступили легкомысленно.

- Но у нас здесь нет ни родственников, ни знакомых. Что же нам теперь делать? - спросила я в отчаянии.

- Наверное, единственное - это взять такси и ехать в гостиницу.

- Но мы не знаем города, гостиниц, а, главное, не говорим по-английски. В школе учили немецкий. Мы не сумеем объясниться.

– Я очень хочу вам помочь, дети, вижу, уже плачут, но не знаю, как. Сейчас мне надо идти. Подойду к вам позже.

Положение было просто трагическое. Нервы на пределе. Я была готова разрыдаться. Стала молиться. Просила Бога помочь, не оставить в беде наших детей, вразумить, что делать. И тут... вспомнила, что свекровь просила передать её знакомым маленькую посылку, сообщив их номер телефона. Я решила позвонить, но как? У нас не было разменной мелочи, и мы не умели обращаться с американскими телефонами.

Через некоторое время к нам снова подошла знакомая женщина. Она не только пошла со мной к телефону и показала, как надо звонить, но и даже дала монеты, я не знала, как её благодарить...

Знакомые свекрови обрадовались посылке и попросили дать наш адрес, чтобы заехать забрать её. Узнав, что мы с детьми в аэропорту и не знаем что делать, стали сокрушаться. Чувствовалось, что они осуждают нас за легкомыслие, просто нашу безмозглость. Однако, не высказав нам заслуженного осуждения, они продиктовали свой адрес, который мы с трудом записали латинскими буквами, и предложили приехать к ним, взяв такси.

– Как же нам объясниться с водителем – ведь мы не знаем английского?

– Ничего не говорите, просто покажите адрес.

У этих людей мы прожили три дня, пока не сняли студию. Я пошла на курсы хоматендов, стала учить английский язык. Закончив их, начала работать, муж в начале перебивался случайными заработками: помогал в ремонте, где-то, что-то грузил. Дети вскоре пошли в школу. Так началась наша жизнь в США.

С тех пор прошло уже немало лет. Однако мечта Тараса поработать в Штатах инженером так и не сбылась. Уж очень много лет нужно было учиться, чтобы получить соответствующий лиценс. А какая там учёба, когда нужно было много работать, чтобы прокормить семью? Мы уже забыли и думать о собственном доме. Рентуем односпальную квартиру в Квинсе. Живём вроде неплохо, пользуясь всеми благами, которые даёт людям эта страна. А вот наши ставшие уже взрослыми дети, получив образование, достигли всего того, о чём мечтали их родители.

Часто мне снятся наши мытарства в аэропорту. Я просыпаюсь в ужасе и думаю: какими наивными и легкомысленными, подвергая нелёгким испытаниям наших детей, мы были тогда в нашем стремлении поскорее начать новую жизнь.

2011 г.

ОДИНОЧЕСТВО ПО-АМЕРИКАНСКИ.

Проснувшись утром, Лиза первым делом по обыкновению включила телевизор. Собираясь на работу, она спешила узнать новости и погоду на предстоящий день.

— Кошмар! – воскликнула Лиза, услышав, что сегодня будет 106 градусов по Фаренгейту. – Ну и жарища, а ведь сейчас только май!

Она почти бегом пробежала несколько метров от входной двери до автомобиля и тотчас включила на полную мощь кондиционер.

На работе в модном бутике работали кондиционеры, и уличная жара практически не ощущалась. В течение всего дня Лиза общалась с массой людей: сослуживцами и клиентами. Всё время была занята, и просто не было возможности обратиться к своим мыслям и переживаниям. И это было прекрасно. Но вечером дома она осталась наедине со своими мыслями и её вновь охватили тяжёлые воспоминания.

“А ведь мне ещё сегодня нужно идти в ресторан, – подумала Лиза. – Это в первый раз после смерти Марка. Как я только согласилась, поддавшись уговорам толстушки Мэри и её мужа Изи? Они меня так упрашивали! Говорили, что прошло уже больше года с того ужасного дня и нужно, ну просто необходимо побыть с друзьями, развеяться. Тем более, что причина была весьма уважительной: Мэри отмечала 60-летие”.

На сборы ушло совсем немного времени и, уже совсем готовая к выходу, Лиза на мгновение задержалась у зеркала. На неё смотрела высокая, ещё достаточно стройная женщина, в больших карих глазах которой можно было прочесть грусть. Чёрные волосы красиво отливали сединой, тёмный костюм был строг и элегантен. “Скоро у меня родится второй внук, – подумала Лиза, – и почти для дважды бабушки я пожалуй выгляжу неплохо”. Ноги, предмет ранее постоянного восхищения мужчин, были по-прежнему стройны. Их красоту подчёркивал каблук модных туфель.

Обычно так же перед выходом они останавливались у зеркала вместе с Мариком. Лиза делала вид, как будто не замечает, с каким восторгом смотрит на неё Марик. Сколько обожания в его взгляде! “Ты у меня просто красавица!” – говорил вдоволь налюбовавшись Марик. Обнимал Лизу и нежно целовал в шею. Ах, разве можно забыть эти поцелуи!

В ресторане Лиза не пила алкоголя. Чокалась холодным апельсиновым соком, против чего никто не возражал. Выпили за именинницу, её мужа, детей. Заиграла музыка. Восемь пар поднялись и устремились ближе к оркестру. Лиза осталась за столом одна. Так было всегда в их компании, что на первый танец мужа приглашают жён. Лиза понимала, что это традиция, что она не должна обижаться на этих людей. Они были всегда рядом с ней в самые тяжёлые для Лизы дни. Но всё это ещё раз подчёркивало её одиночество. Никогда уже больше Марик не коснётся в танце своей щекой её щеки. Одиночество! Не в силах больше оставаться в зале, Лиза поспешила к выходу. Бегство Лизы первым заметил Изя.

– Куда это Лиза так стремительно направилась?

– Где она?

– Не знаю. Её уже не видно. И сумочку с собой прихватила.

Мэри на мгновение задумалась, всё ещё продолжая танцевать. Вдруг её осенило:

– Боже мой, как нехорошо получилось! Ну ладно я, но ты, закончивший гуманитарный факультет, мог быть более сообразительным!

– Что случилось?

– Ты или кто-нибудь из мужчин должны были пригласить Лизу и приглашать всё время, чтобы она не ощущала, что осталась одна.

– Ладно. Следующий танец я приглашу её.

– Да пусти же меня, наконец!

Мэри отцепилась от мужа и бросилась вдогонку за Лизой. За ней последовала ещё одна приятельница. Когда они выскочили из дверей ресторана, светло-бежевая Лизина “Тайота” уже скрылась из глаз.

“Одиночество, одиночество — вот мой удел!” — мысленно повторяла Лиза, нажимая на акселератор. Машина миновала несколько перекрёстков, развязок и, наконец, вырвалась на загородный хайвей, увеличив скорость. Лиза промчалась несколько миль с назойливой мыслью об одиночестве. Скрылся город. Сумерки постепенно переходили в ночь.

“Я не могу успокоиться, дрожат руки, руль непослушен. Но куда я мчусь? Разве там за горизонтом я найду успокоение? Нет. Ни там нигде я уже не встречу Марика. Куда мне ехать?”

Лиза свернула на обочину, включив аварийные огни. В быстро наступившей темноте почти

невидимыми стали пальмы, тянущиеся вдоль хайвея. Лишь на западе на ещё светлой узкой полоске неба отчётливо просматривался причудливый рельеф горного хребта.

Прошло совсем немного времени, ещё продолжали дрожать руки, которыми Лиза судорожно вцепилась в руль во время своей бессмысленной гонки, как она услышала резкий скрежет тормозов. На обочину съехала тёмная машина. Через мгновение к ней обратился озабоченный мужчина.

— Что случилось? Какие-нибудь проблемы с машиной? Заглох двигатель или кончился бензин?

— Спасибо, всё в порядке.

— Я хорошо разбираюсь в машинах и готов с удовольствием помочь. Чем я могу быть полезен вам?

— Нет, спасибо. Благодарю вас за вашу любезность. Просто я решила передохнуть несколько минут.

— Ну, если всё в порядке, то до свидания и счастливого пути.

Не прошло и нескольких минут, как Лиза вновь услышала скрип тормозов.

— Что у вас произошло?

Лиза чуть различила в темноте лицо молодой темнокожей женщины.

— Может быть вам нужна помощь? Нужен телефон? — женщина доверчиво протянула Лизе мобильник.

— Нет, нет! Всё в порядке. Я вам очень благодарна за то, что вы предложили мне помощь. Но мне ничего не нужно.

Женщина уехала. Однако одиночество Лизы было недолгим. На сей раз за Лизиной “Тайотой”

остановилась освещенная яркими мигающими огнями полицейская машина. Лиза опустила стекло и увидела совсем близко от себя широкое, почти круглое лицо с рыжими смешными усами. Из-под форменной полицейской шляпы, надвинутой почти на лоб, на Лизу глядели светло-голубые озабоченные глаза. В них была и тревога и какое-то детское любопытство. Лиза невольно улыбнулась этому лицу. Первый раз за сегодняшний вечер.

— Что с вами случилось, мэм? Машина не в порядке или вы плохо себя чувствуете?

— Нет, с машиной и со мной всё в порядке. Просто я немного устала и решила чуть-чуть передохнуть и поэтому съехала на обочину. Извините.

— И правильно сделали. Всегда лучше немного передохнуть, чем заснуть за рулём.

— Я уже совсем в порядке и сейчас поеду.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

— Да, спасибо. Совсем хорошо.

— Ладно. Но я хочу вас проинформировать, что на ближайшем съезде, который будет приблизительно через 4,5 мили, есть бензозаправка и недорогой мотель, в котором всегда найдётся место. И рядом находится “Мак-Дональдс,” где вы можете подкрепиться.

— Большое спасибо. Я вам очень признательна.

— Не за что. Счастливого вам пути, мэм! Однако, пожалуй, я всё же пару миль поеду вслед за вами. Остановитесь, если почувствуете себя плохо. Я вызову амбулэнс.

Лиза как-то сразу успокоилась. Отчего это? Наверное, ей нужны были эти встречи, эта забота и внимание людей. Людей, которые совсем не знали

Лизу, но, тем не менее, были готовы придти ей на помощь. И ещё она до конца осознала, что в этой стране, ставшей ей родным домом, она никогда не останется без помощи, не будет брошенной. Что с таким же вниманием и участием, с которым на неё только что смотрели эти три пары глаз, будут смотреть на неё много глаз и много рук протянутся к ней, чтобы оказать помощь.

На ближайшем съезде она развернулась и по полупустому хайвею помчалась обратно. Города ещё не было видно, но его близкое присутствие выдавало зарево на горизонте, которое с каждой минутой становилось всё ярче.

2002 г.

КАК Я ПЫТАЛСЯ РАБОТАТЬ (Злоключения пожилого иммигранта)

КАК Я ДЕЛАЛ КОРОБОЧКИ

Мы приехали в США, когда мне было 56. Мы – это мы с женой, наши две дочери с мужьями и двое внуков. Поселились в Боро-парке в односпальной квартире. Она прельстила нас своей довольно просторной спальней и тем, что там стояли две двухъярусные кровати. В общем кое-как разместились. Ну, конечно, по утрам напряжёнка с туалетом, но что поделаешь? Все наши четверо молодых приехали с советскими дипломами о высшем образовании – здесь никому не нужными – и тотчас пошли учиться в колледж, чтобы потом работать по какой-нибудь специальности, а также взять язык.

Все они одновременно где-то, что-то начали подрабатывать.

Решили начать вносить свой вклад в семейный бюджет и мы с женой. Кто-то рассказал, что можно работать на дому. Я ухватился за эту идею. Достал брошюру с многочисленными предложениями надомной работы. Просмотрел её и решил делать коробочки. Фирма, занимающаяся ими, писала, что коробочки очень востребованы, даже чуть ли не сам президент каждый день не может обойтись без них. Мне, правда, было непонятно, но сулило хоть какой-то заработок, и я решился.

Для начала следовало закупить у фирмы незамысловатый инструмент и заготовки. Не без сожаления мы расстались с 70 долларами - денег было в семье совсем мало. Получил ожидаемое и начал работать. Дело это оказалось непростым. Коробочки нужно было делать совсем маленькие. Я помучился, но сделал пяток и, гордый собою, отправил их на фирму, в ожидании вознаграждения.

Через некоторое время получаю письмо, в котором говорится, что мои коробочки им не подходят - не соответствуют эстетическим требованиям. Просят больше не присылать и прекратить наши отношения. И, конечно, мой труд не оплатили, а мои затраты вылетели на ветер.

КАК Я ПАЯЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Необходимость делать что-то полезное для семьи не оставляла меня в покое. В той же брошюре другая фирма предлагала припаивать сопротивления на плато. Паять я умел, и сделать пайку 4-х концов мне представлялось делом элементарно простым. Фирма предлагала закупку у них паяльника, партии плат и элементов сопротивления. К сожалению, пришлось пойти и на эти расходы.

Через какое-то время я имел уже десяток готовых изделий. Показал зятю - бывшему электронщику. Он меня покритиковал. Я все переделал и отослал продукцию.

Вскоре получаю письмо с вежливым ответом, что моя пайка не соответствует местным требованиям. Они не могут принять мои изделия.

Возможно, что когда-нибудь в будущем, когда я повышу своё мастерство, они возобновят контакты со мной. Работу не оплатили, а затраченные мною деньги “пели”.

Зять поделился со случившимся с одним человеком в колледже. Тот рассмеялся и сказал, что я попался на удочку мошенников. Пайку плато с сопротивлениями делает на заводе автомат большой производительности. Ручная пайка никому не нужна, а с простаков выколачивают деньги.

Впоследствии мне удалось узнать, что фирма, с которой я связался – это контора “Рога и копыта”. Там всего один человек и компьютер. Он закупает где-то по оптовым ценам паяльники, плато и сопротивления – последние чуть ли некондицию и, продавая их таким простакам, как я, просто их облапошивает.

Так закончилась моя вторая попытка хоть что-то заработать. Брошюру же я тотчас выбросил в гарбич.

КАК Я ИСКАЛ ХОМЕЦ

Приближалась пасха и мне посоветовали обратиться к одному богатому религиозному еврею, которому нужен был помощник, чтобы искать хомец. Меня привели в комнату, одна стена которой была уставлена полками с книгами. Это были фолианты на иврите в красивых кожаных переплётах. Я должен был за 4 доллара в час один за другим пересмотреть все книги, перелистывая в каждой из них каждую страницу в поисках возможной залежавшейся где-то крошки хлеба.

Мне показалась смешной возможность попадания крошек в эти тома, которые, я был уверен, никто никогда не читает и которые каждый год подвергают такой процедуре. Но работа есть работа. Я сел за стол и начал листать первую книгу. Хозяин некоторое время наблюдал за мной – насколько я делаю это добросовестно. Потом он ушел.

Часа через два у меня начали болеть глаза, да и руки тоже от бесконечного перелистывания страниц. Ещё через какое-то время от пестроты в глазах меня сморило и, склонившись над очередной книгой, я задремал. Это, видимо, заметила жена хозяина, периодически заглядывавшая в комнату, чтобы проверять, как я работаю. Она позвонила мужу. Вскоре тот приехал. “Ты спал, – сказал он, – можешь уходить!” И сунул мне 10 долларов. Так в первый и последний раз в своей жизни я искал хомец.

КАК Я СОРТИРОВАЛ ТАРЕЛКИ

Пейсатый еврей привёл меня в довольно просторное помещение, сплошь уставленное посудой. Мне надлежало рассортировать тарелки, рисунок которых незначительно отличался. В помещении было недостаточно светло. Когда я сказал об этом хозяину, он пробормотал что-то вроде того, что плата за электроэнергию очень высока и что, мол, и так обойдешься.

Различие в рисунке составлял один небольшой зелёный листок в сплетении листьев и цветов. Разглядеть его было непросто. Очки не помогали. Я был в таком напряжении, что разболелась голова – наверное поднялось давление .

Часов через шесть пришел хозяин. Посмотрев на гору отсортированной мною посуды, он сказал, что не заплатит мне, пока я теперь не отделию глубокие тарелки от мелких, что я также обязан был сделать. Раньше об этом ничего не было сказано. Я был настолько усталым, взвинченным и возмущённым, что, схватив стопку посуды, сказал хозяину, что сейчас разобью её об его голову. Хозяин испугался. “А впрочем, – добавил я, – лучше я сейчас пойду в полицию и заявлю, что вы заставляете людей работать в тёмном помещении и платите 3 доллара в час, когда положено не менее 5”.

Этого хозяин испугался ещё больше: “Тише, тише, ша, не нужно шума, тише, тише!” Тотчас он заплатил мне по 6 долларов в час за мою работу. “Если хочешь, приходи ещё,” – добавил он. Но мне почему-то больше не захотелось такой работы.

КАК Я КОПАЛ ЗЕМЛЮ В ПОДВАЛЕ

Поиски работы привели меня в подвал частного дома в Бруклине. Хозяин хотел расширить и углубить его. Там уже работали трое мексиканцев. Нужен был четвёртый, поскольку двое выносили землю по деревянному настилу на носилках, а двое должны были в это время копать.

В подвале полутемно, душно. Работа страшно тяжёлая. Буквально через час у меня заболела спина, да и сердце тоже. Говорю ребятам:

– Тут стоит сломанный транспортёр, давайте я его налажу. Я в этом деле понимаю. Он нам сильно облегчит работу.

– Мы были очень рады, когда он сломался, – отвечает один из них и хитро улыбается.

Я понял, что он сломался не без их участия.

– Пойми сам, без него мы здесь, наверное, проколуемся целый месяц, а с транспортером закончим за неделю и лишимся работы. Так что чинить его не надо. А если всё-таки решишь сделать это, – проговорил он, не скрывая угрозы, – здесь в темноте тебя случайно может ударить лопата!

На другой день, совершенно разбитый и не успевший прийти в себя, я на работу не вышел.

РАЗГРЕБАНИЕ МУСОРА

Хозяин, у которого мы снимали квартиру, сказал мне однажды, что в одном доме есть работа. В этом большом доме жила многочисленная семья. Мне предложили спуститься в подвал, разобрать и разложить на стеллажах, установленных вдоль стен, скопившиеся там вещи.

Я спустился в огромное полутёмное помещение, сплошь заваленное барахлом. Сюда, видимо, годами сбрасывали старую отслужившую одежду и обувь, которой скопилось буквально по колено. От старого, нестиранного белья и одежды исходило зловоние. На мой взгляд, всё это уже давно следовало отправить в помойку. Духота и спёртый воздух в непроветриваемом помещении допускали длительное пребывание здесь только в шланговом противогазе.

Нам в тот момент были очень нужны деньги. Но я все же отказался делать эту работу, за которую мне сулили традиционные 3 доллара в час.

КАК Я ПЫТАЛСЯ ВЫТАЧИВАТЬ ШАЙБЫ

Однажды в поисках работы я забрёл на Кингсхайвей. Прошел без всякого успеха несколько блоков. Вдруг услышал знакомый звук работающего токарного станка. Подумал: “Может быть здесь меня ждёт удача. Ведь я несколько лет, ещё до армии, проработал токарем. Было это давно, но навыки не утерял”.

Поднявшись по железной лестнице на второй этаж какого-то дома, попал в небольшую мастерскую. Меня поразили беспорядок и грязь, в том числе запущенность станков.

Меж тем рабочие ушли на обед в соседнюю комнату, я заглянул туда и предложил свои услуги. Самый пожилой из присутствующих, видимо хозяин, предложил мне на пробу выточить шайбу.

Это была простая работа. Я заточил резец и приступил. Скоро шайба была готова, и я позвал хозяина. Он был вынужден оторваться от еды, был этим недоволен и вышел ко мне раздраженным. Губы его лоснились от жирного китайского супа, в углу рта висела лапша. Молча он рассмотрел выточенную мною шайбу и, бросив её в ящик со стружками, удалился.

Я был удивлён. Достал шайбу промерил. Размеры совпадали с образцом. Качество обработки, на мой взгляд, было даже лучше. Я стал рассматривать её, ничего не понимая. За этим занятием застал меня один из рабочих, говоривший по-русски.

– Твоя шайба слишком хороша, – пояснил он. – Хозяин должен был бы платить тебе за изготовление таких на один цент больше, чем другим. А это ему не выгодно.

Я был поражен. Однако мне очень нужна была работа, и я спросил:

- Может быть, я мог бы убирать станки после работы? Видно, что за ними здесь плохо ухаживают.

- Эту работу за 3 доллара делает у нас один парень из Джамайки. Поищи себе что-нибудь в другом месте.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через несколько месяцев после описанных выше и других попыток что-либо заработать я отчаялся. Возникло настроение уехать обратно. Поделился с одним знакомым. "Поздно, Вася, пить боржоми! - сказал он. - Всё. Поезд ушел! Приноравливайся к новой жизни".

И вот все эти годы я пытался приноровиться. Времени прошло немало. Америка даёт хорошие шансы молодым. Наша молодёжь уже достигла многого: приобрела по дому, по машине на каждого взрослого. Родились ещё двое внуков.

А что для стариков? После достижения 65 лет я начал вместо велфэра получать эсэсай и теперь меня уже не волнуют предложения поработать на кэш. Вроде все устоялось.

Но иногда я вспоминаю мой кабинет заместителя начальника треста, приёмную с секретаршей, персональную машину, дачу. Там я пользовался определённым авторитетом и уважением. Уехал не в поисках благ и лучшей жизни. Надоело всю жизнь чувствовать себя морально ущемлённым, а после распада державы угнетал уже и неприкрытый антисемитизм. Было противно смотреть, как разворачивается страна новыми русскими.

Но здесь я, пожилой человек, ощутил в полной мере невостребованность моего опыта и знаний. Здесь, в глазах местных, был поставлен знак равенства между мною и не знающим грамоты нелегалом с островов. И что же лучше для таких людей, как я? Ехать сюда и жить, чувствуя свою ненужность и неполноценность в глазах коренных американцев или остаться там нуждающимся, но уважаемым? Я часто думаю об этом и, честно говоря, не нахожу однозначного ответа.

2007 г.

НЕТ ЖИЗНИ БЕЗ ТЕЛЕВИЗОРА

– Послушай, Рая, меня очень беспокоит наша дочка!

– Это ты о чём?

– Да всё о том. Ты прекрасно знаешь о чём. Толстая, неуклюжая, в голове пустота, учится еле-еле. В жизни только два интереса: телевизор и еда. Меня это очень пугает.

– Лёва, ты преувеличиваешь!

– Я преувеличиваю?! Да. Ты, только посмотри на неё! Ей 12 лет, а у ней зад шире, чем у тебя. Это же не девочка, а бегемот! А что с ней станет, когда ей будет 20? Она превратится в такую тушу, что никто не возьмёт её замуж. И на работу устроиться при её лени и знаниях будет нелегко. Я прихожу в ужас, думая о её будущем!

– Боже мой! Можно подумать, что твой ребёнок просто чудовище! Перестань, пожалуйста! Толстых детей здесь много, и ничего. Да, у Бронички есть лишний вес, но у девочки переходной возраст. Позже всё нормализуется.

– Нельзя пускать всё на самотёк! Нужно что-то предпринимать. Я не могу спокойно смотреть на то, во что она постепенно превращается, и не понимаю твоего спокойствия.

– Я тоже волнуюсь, но, в отличие от тебя, не драматизирую ситуацию. Кстати, у меня есть некоторые соображения. Я хочу обсудить их с тобой.

Рая подошла к двери и заглянула в соседнюю комнату. Убедившись, что дочка спит, она продолжала.

– Через четыре месяца в школе начнутся летние каникулы. Что если нам отправить Броню на лето за город, чтобы она там вместе с другими детьми много двигалась, играла, купалась. Может быть, это изменит её склонности.

– Мысль неплохая, но нужно, чтобы там не было телевизора и чтобы ее несколько ограничивали в еде. Как это сделать?

– Мне как раз рекомендовали одну женщину-бебиситора, которая выезжает на лето в Апстейт. Там красивое место, не жарко, есть бассейн и нет телевизора. В общем, всё хорошо. Но есть одно “но”. За два месяца нужно заплатить 1400 долларов.

– 1400 баксов? Ты сошла с ума! Где мы возьмём такие деньги?

– Я подумала и об этом и кое-что узнала. На Макдональд авеню есть одна пекарня, куда сейчас нужны люди. Ты мог бы там поработать на кеш.

– Но ты же знаешь, что я не пекарь и у меня есть работа на все дни недели.

– Им не нужны пекари. Нужны подсобные рабочие на субботу и воскресенье. Они платят, правда, немного — 5 долларов в час. Но работая по 10 часов, ты мог бы за каждый уик-энд зарабатывать по 100 долларов. Тогда за 14 недель мы набрали бы нужную сумму.

– Я и так страшно устаю на своей работе плюс эта ежедневная утомительная дорога в Нью-Джерси.

– Но у тебя одна дочь, Лёва!

Вечером после первого проработанного дня в пекарне Лёва отказался от ужина и буквально едва дополз до постели.

– Ты знаешь, какая там работа? Нужно одному таскать 50-килограммовые мешки! У меня страшно болит спина. Не знаю, сколько там я выдержу. – И он вручил Рае 50-долларовую бумажку.

Прошло пять недель. Лёва похудел и осунулся. Он постоянно жаловался на боли в спине. Стал нервным и раздражительным, потерял интерес ко всему и даже к жене. Этого никогда не наблюдалось раньше и поэтому очень огорчало Раю. В один из вечеров она решила пойти на хитрость, чтобы привлечь внимание мужа. Пока Лёва перед сном принимал душ, она быстро разделась и, облачившись в свою самую красивую короткую ночную рубашку, легкомысленно приспустила на одном плече бретельку. Несколько обнажив грудь, она буквально встала такой полуобнаженной на его пути. Но Лёва всего этого не заметил. Чуть сдвинул жену в сторону и нырнул в постель, готовый заснуть. Рая обиженно надула губки.

– Что, как женщина я тебя уже перестала интересовать? Ты меня уже не трогал больше месяца!

– Дура! Ты потаскала бы эти мешки! Тебе бы не только женщины, даже жить не захотелось бы!

Но вот настал конец июня. Деньги собраны, и Броня вместе с бебиситорм и её внучкой уехали на дачу. Родители вздохнули с облегчением и надеждой. На другой день вечером они услышали по телефону хныкающий голос Брони:

– Здесь нет телевизора! Мне скучно!

– Но там, наверное, хорошая природа, бассейн, дети играют в разные игры. Тебе должно понравиться.

– Да, здесь совсем не жарко. Я не потею так, как в городе. И бассейн есть, и дети хорошие. А вчера вечером на поляну из леса приходили олени. И бабушка добрая. Правда, сначала она давала мне еды столько же, сколько своей внучке. И я была голодной. Но я проревела целый час, и сейчас она даёт мне столько, сколько я захочу. Всё хорошо, но здесь нет телевизора!

– Ты привыкнешь, тебе понравится.

На следующий день они услышали рёв Брони:

– Здесь нет телевизора! Мне скучно! Заберите меня!

– Но...

– Здесь нет телевизора! Заберите меня! – рёв усиливался.

– Но...

– Здесь нет телевизора! Вы злые! Вы меня не любите! – рёв перешёл в истерику. Рая в отчаянии бросила трубку.

– Ладно, Лёва, иди заводи машину. Такова, видно, наша судьба!

С трудом уже в 11 часов вечера, путаясь в полной темноте, они добрались до бунгало в районе Либерти. Всю дорогу они молили Бога, чтобы не сломалась их старая, сильно изношенная “Хонда”. Только среди ночи они вернулись в Бруклин. На Лёву страшно было смотреть. От усталости и переживаний его лицо буквально стало серым.

– Скажи, Рая, зачем мы сюда приехали? В основном из-за неё, – он сделал жест в сторону комнаты, где спала Броня. – Хотелось лучшего будущего для дочери. Чтобы она жила в хороших

условиях, лучше питалась, одевалась, смогла бы получить лучшее образование, обрести хорошую профессию и обеспеченную жизнь, завести семью, детей — наших внуков. Мы бы с радостью помогали ей их нянчить. А что мы имеем? Ожиревшее существо, которому в силу этого грозят болезни и короткий век. Существо, лишенное каких-либо интересов, отупевшее под воздействием бесконечного количества фильмов-ужасов и сцен насилия с полным отсутствием интеллекта и примитивным мышлением! Уж лучше бы мы остались там. Ели бы, как говорится, черный хлеб, но Броня была бы нормальной, здоровой девочкой, на которую приятно посмотреть. И, может быть, она прочла бы за свою жизнь хоть несколько книг. Так зачем мы сюда приехали? Чтобы загубить жизнь своего ребёнка?

А утром, когда родители уехали на работу, Броня заняла своё привычное место в кресле против телевизора. Ссутулив жирную спину, втянув голову и выпучив глаза, она буквально впилась взглядом в экран. Там одни безжалостно убивали других, раздавались душераздирающие крики жертв, лилась кровь. Часто она отрывалась и тяжело вставала, чтобы добраться до холодильника и извлечь очередную порцию съестного. При этом она каждый раз проходила мимо окна и потому невольно бросала взгляд на улицу.

А мимо её дома, задыхаясь от жары и собственного веса, шли такие же, как она перекормленные, одурманенные телевизором дети. Они шли в Мак-Дональдсы, Бургеркинги, чтобы скорее утолить свой непомерный аппетит. Шли, не ведая о той печальной судьбе, о тех болезнях, которые всем им предначертаны.

1998 г.

СЕМЕЧКО

В начале прошлого века не умели ни распознать, ни лечить родовые травмы. Поэтому Дора, родившаяся в маленьком еврейском местечке на Украине, осталась на всю жизнь инвалидом, неловко припадающим при ходьбе на левую ногу. Не спасала и специальная ортопедическая обувь, которую она заказывала уже в зрелые годы. Не удалась, конечно, и личная жизнь. Зато она преуспела в учёбе: стала инженером, потом кандидатом наук. Много читала, любила театр. Им посвящала весь свой досуг.

По советским меркам Дора относилась к категории материально обеспеченных граждан. Как бы сложилась её жизнь на склоне лет в послеперестроечной России, можно догадываться. Однако уже 7 лет, по вызову старшей сестры, Дора живёт в Бруклине.

Она с удовольствием вспоминает первые годы жизни в Америке. Тогда ещё была жива сестра, и они дружно жили в довольно просторной квартире на берегу океана. В то время Дору не мучил артрит, и она часто ездила на экскурсии, открывая для себя Америку. Однако это счастливое время прошло, и одинокая Дора живёт теперь в маленькой квартире-студии на 6-м этаже внешне неуютного, красного, кирпичного дома, очень смахивающего на старое фабричное здание в России.

Её окна выходят на оживлённую улицу, по которой часто проносятся пожарные машины или машины скорой помощи. От пронзительного рёва их сирен Дора вздрагивает днём или встревоженно просыпается ночью и долго не может заснуть. Но, главное, в добавление к общей слабости, вызванной возрастом, теперь ещё обострился артрит, который терзает болями в колене её ранее здоровую ногу. По этой причине Дора редко выходит из дома – не всегда даже в очень хорошую погоду – и неизменно в сопровождении хоматенда. Хоматенд Доры – смуглолицая девушка лет 25 -- озабочена тем, как бы поскорее выйти замуж. Естественно у них нет никаких общих интересов, и разговор обычно касается лишь погоды и хозяйственных дел.

Много времени Дора проводит в высоком кресле у окна. С высоты 6-го этажа довольно широкий обзор, и теперь это практически единственная ее связь с жизнью. Действительно, что у неё теперь осталось? Что можно ждать хорошего в будущем? Она мучительно ищет хоть что-то светлое, что бы могло её ожидать, и не находит: ни в смене погоды, ни в смене дня или времени года – буквально ни в чём. В вечерние и ночные часы она остаётся наедине со своими воспоминаниями, с фотографиями близких – тем единственным, что у неё осталось от прошлого. Она вглядывается в родные лица, гладит их дрожащими пальцами, иногда целует их...

Очень часто она думает о том, зачем прожила жизнь, что оставила после себя. Она не вырастила ни сына, ни дочери, и, следуя восточной мудрости, даже не посадила дерева. Кто сейчас оценит её научные труды – плод её упорной,

самоотверженной работы, бессонных ночей, измотанных нервов, а порой, и пролитых слёз. Кто сейчас вспомнит её имя? Имя той самоотверженной женщины, которая неуклюже карабкалась с больной ногой по крутым ступенькам вагона, чтобы в любое время года, в любую погоду мчаться по экстренному вызову в какой-нибудь далёкий Орск, чтобы своим советом помочь очистить котлы местной ТЭЦ от накипи, иначе город будет без отопления и горячей воды. Кто сейчас это помнит и ценит?

Прошлой весной Дора просила установить за её окном ящик для цветов и посадила в нем три ярко красные герани. Утром цветки заглядывали в окно к Доре, словно здоровались с ней и желали ей хорошего дня. Глядя на них, у Доры улучшалось настроение. Ещё невыспавшаяся и полунагая, она спешила полить их из маленькой леечки, и ей казалось, что, утолившие жажду, они благодарно машут ей листьями, щедро украшенными, как бриллиантами, каплями воды. Вечером она желала своим цветкам доброй ночи. За этими живыми существами нужно было следить, ухаживать, и жизнь для Доры приобрела какой-то смысл.

Во второй половине лета Дора обнаружила на своей импровизированной клумбе прибавление – зелёный росток, который день ото дня набирал силу. Сначала она хотела вырвать его – этот сорняк, который мешал её любимцам. Потом ей стало любопытно, что может здесь, вырасти самостоятельно? К осени росток превратился в прутик, на котором появились микроскопические листочки. Тогда Дора поняла, что это проросло и дало жизнь новому дереву занесённое ветром семечко. Теперь Дора начала ухаживать и за

прутиком. Прутик рос, и росли его листочки – сверху зеленые, а снизу розовые.

Поздней осенью, когда стало холодно и листочки на прутике опали, он превратился уже в маленький кустик, высотой более фута. Сначала Дора решила взять ящик в дом на зиму, чтобы кустик перезимовал в тепле. Но потом подумала, что нельзя лишать его привычных условий. Всю зиму она следила за своим кустиком из-за оконного стекла: не поломали ли его осенние ветра, не повредила ли зимняя стужа и с облегчением вздохнула весной, когда на тоненьких веточках начали набухать первые почки.

Теперь Дору начали волновать другие проблемы: что делать с кустиком? Его нужно где-то посадить, чтобы со временем выросло дерево. Но где? И как это сделать?

Несколько лет назад буквально под окном Доры в непогоду упало старое дерево. С тех пор на тротуаре остался земляной квадрат, заросший травой. Там Дора и решила посадить кустик. “Каждый день я смогу наблюдать за ним из окна, радоваться тому, как он растёт. А со временем он станет деревом. И хотя я, конечно, не увижу этого дерева, это будет мой след на этой земле”, – думала Дора и, это её согревало.

Она долго готовилась к посадке. Чтобы кто-нибудь не поломал кустик или его не повредили собаки, Дора даже приобрела в магазине невысокую ограду белого цвета. “Белая заметнее”, – решила она. Её помощница была удивлена: зачем старушке нужна эта покупка?

В апреле стало совсем тепло, и вот, однажды, в очень ранний час, когда ещё все спали, Дора приступила к посадке. Совсем было не просто

старой Доре с ее больными ногами вырыть садовым совочком в дерне яму, перетащить кустик с комом земли, установить ограду, а затем ещё полить посадку. Она трижды спускалась и поднималась в свою квартиру. Каждый раз с каким-то грузом, и, конечно, выбилась из сил. Наверное, полдня она потом пролежала, приходя в себя. Зато теперь, каждый раз подходя к окну, Дора любовалась своим питомцем и с чувством удовлетворения отмечала, что многие жильцы дома останавливаются и с удивлением осматривают плоды ее труда.

Но радость Доры была недолгой. Через несколько дней утром её разбудил звук двигателя грузовика, остановившегося под её окном. С ужасом она обнаружила, что с грузовика сгрузили молодое деревце с комом земли на корневище, закутанном в мешковину, а также колья для подпорки. Машина ушла, но было ясно, что скоро придёт другая для посадки дерева, а её кустик, который дал уже первые листочки, просто выкинут. Это было ужасно. Этого нельзя было допустить!

Накинув что-то впопыхах на себя, растрёпанная, перепуганная Дора помчалась на предельно доступной ей скорости вниз, прижимая к себе эмалированный таз. Глядя на неё можно было подумать, что женщина сошла с ума. Но Доре было не до того. Она быстро откопала несчастный кустик и, выбиваясь из сил, потащила его домой. На её счастье одновременно с ней в лифт вошла соседка по лестничной клетке, которая помогла занести тазик с кустиком в квартиру к Доре.

Уставшая и измученная переживаниями Дора бессильно опустилась в кресло и расплакалась. Она

поведала утешавшей её соседке о своих злоключениях.

– Что я теперь буду с ним делать? – повторяла она сквозь слёзы. Соседка, которой никак не удавалось успокоить разволновавшуюся старушку ушла, но вскоре вернулась обратно.

– У меня хорошие новости, – сообщила она Доре. – Найдено решение вашей проблемы. В воскресенье приедет мой племянник. У него машина, и мы вместе с вами отвезём кустик в лес и там посадим его. Вы согласны?

Дора уже много лет не выезжала на природу, и выбранное для посадки место ей очень понравилось. Неширокая лесная полоса отделяла хайвей от океана. С довольно высокого берега просматривалась песчаная отмель и голубая, словно специально подкрашенная синькой вода залива. Лёгкий ветерок чуть колебал листву, щебетали какие-то птицы, из высокой травы местами робко выглядывали незнакомые цветы.

“Здесь ему будет прекрасно, – решила Дора, когда всё было закончено: кустик посажен и полит припасённой водой. – Конечно, я его больше никогда не увижу. Никогда не попаду сюда, а если даже и попаду, то не найду его. Вот сейчас стоит сделать несколько шагов, и я уже не различу его среди других собратьев”.

Она в последний раз оглядела кустик, нежно погладила молодые листочки и неуклюже заковыляла к машине. И пока она шла и потом ещё очень долго она мысленно повторяла три слова: “Я посадила дерево! Я посадила дерево! Я посадила дерево!” И это наполняло её чувством выполненного долга, как бы подводило положительный итог её долгой, одинокой жизни.

1999 г.

ЧТО ВПЕРЕДИ?

Лора застала мужа сидящим за письменным столом в позе очень утомлённого человека, с неестественно низко опущенной головой.

– Додик! Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь? Наверное, опять поднялось давление?

– Нет, нет, – мужчина встрепенулся и устало откинулся на спинку кресла, – просто мне вспомнилось очень далекое – квартира моего деда на Фонтанке. После революции бежал за рубеж её прежний хозяин, и жилище отдали большой еврейской семье. В этой огромной квартире, помимо стариков – родителей, жили ещё их шесть дочерей – сестёр моего отца, с мужьями и детьми. Я часто бывал там в детстве. Отец брал меня туда на все праздники и дни рождения, которых отмечалось большое множество. На столе всегда было много вкусной еды, помимо неперменной гефилте-фиш, которую непревзойдённо готовила тётя Броня. Там я впервые попробовал вкус мацы, которую не так легко было достать. Мне она совсем не понравилась.

Детям там всегда было весело. Дядя Оня – муж одной из тёток – играл на скрипке, и многочисленная детвора, напялив родительские шапки, маршировала из комнаты в комнату с криками и смехом.

Но самым интересным было, когда чуть разгорячённые вином взрослые начинали петь. У самой младшей – тёти Эстер – был довольно

сильный и красивый голос. Пели разное. Но каждый раз меня больше всего волновала одна песня. Её пели на идиш. Я не понимал слов. Не могу понять почему тогда не спросил, о чём в ней поётся, но мелодия!.. Она меня просто потрясала, мурашки пробегали по коже, хотелось встать и слушать её стоя. Мне она казалась каким-то гимном евреев. Вроде Марсельезы для французов.

Как было замечательно видеть вокруг родные лица тех, кого любишь, кто любит тебя! Быть членом этой большой и дружной семьи. Почти никого из них нет в живых. Осталась лишь фотография, на которой все вместе 23 человека.

– Почему ты сейчас вспомнил об этом?

– Наверное, от одиночества. Ни у тебя, ни у меня не осталось родных, кроме наших детей. Но мы с ними практически не видимся и не общаемся.

– В этом есть и твоя вина. Возможно, многое было бы по-другому, если бы ты не выступил против желания Миши жениться на американке и не настроил против себя как Мишу, так и его жену.

– Я ничего не имел против Кони как человека. Я лишь хотел, чтобы мои внуки умели говорить по-русски и мы могли бы общаться с ними, хорошо понимая друг друга. Что же получилось? Внуки говорят только по-английски и сейчас, став практически взрослыми, очень далеки от нас. Мы для них совершенно чужие люди.

– Твои отношения с Мишей и Кони вроде бы улучшились, но, когда ты выступил категорически против учёбы детей в частной католической школе, отношения с их семьёй испортились окончательно.

– Я ничего не имею против католической веры. Она на сегодня одна из самых прогрессивных религий. Евреев давно уже не сжигают на кострах

инквизиции. Мне просто хотелось, чтобы у детей было светское образование, чтобы они не забывали, что их папа, дедушка и бабушка евреи, чтобы они хоть немного знали историю этого народа и его обычаи.

- Ты очень упёртый! Твоё мнение всегда истина в последней инстанции. Иногда твоя упёртость переходит всякие границы и ты получаешь в ответ то, что заслужил.

- Но я ведь не стал возникать, когда Лена решила выйти замуж за Джона. И что получилось? Через два года, когда у него кончился здесь контракт, они уехали на его родину в Австралию. Сколько раз за прошедшие 17 лет мы видели её детей, не знающих ни одного русского слова?

- Один раз.

- Вот видишь! Один раз! И, возможно, мы больше не встретимся с ними никогда! Будем откровенны перед самими собою. Мы совершенно одиноки! Уезжая из Союза, мы, в первую очередь, хотели лучшей доли своим детям. И это произошло. Благодаря нашим стараниям они получили здесь хорошее образование, успешны в своей карьере, материально обеспечены. Пламенный котёл сработал на славу. Они, не говоря уже об их детях, стали настоящими американцами, австралийцами. Мы же, в отличие от них, остались иммигрантами. Людьюми, которых по-прежнему волнует то, что происходит там, за океаном, часто вспоминаем знакомые улицы, бульвары, мосты. Нет, это не ностальгия по той жизни, от которой мы убежали. Наверное это ностальгия по нашей молодости и всему тому хорошему, что связано с ней.

Да, мы остались иммигрантами и притом совершенно одинокими. А сейчас, когда ты становишься старым и больным, особенно хочется видеть рядом близких тебе людей и, в контакте с ними черпать силы, которые с каждым днём уходят.

Женщина пыталась возражать.

– Не говори ничего. Именно из-за нашего одиночества, из-за опасения, что некому будет нас хоронить, я, несмотря на твои возражения, купил для нас с тобой место на кладбище и оплатил вперёд все ритуальные расходы.

– Ты сумасшедший! Но прошу тебя успокоиться, – женщина ласково погладила, затем поцеловала лысую голову мужа. – Сегодня такая ужасная погода. Она не улучшает ни настроения, ни самочувствия. Поверь мне, в нашей жизни ещё будут солнечные дни.

– Хотелось бы верить. Но сегодня идет дождь со снегом. Значит, наступает зима, которая не сулит ничего хорошего.

2007 г.

ВETERAN

Борис Соломонович неважно спал этой ночью и встал раньше обычного. Волновали мысли о предстоящем завтра празднике. Ведь для него, как и для всех ветеранов, 9 мая навсегда останется самым важным днём в их жизни.

Наскоро выпив чай и съев *без* аппетита вчерашний, уже потерявший свежесть бейгл, он принял бесчисленное количество таблеток – обязательный ритуал начала дня – и медленно двинулся из кухни в гостиную своей одноbedрумной квартиры. Последнее время сильно ослабли ноги. Поэтому он не без труда добрался до стенного шкафа и вытащил из дальнего угла большую палехскую шкатулку. На ее чёрной лакированной крышке художник изобразил диковинные цветы, а в верхнем левом углу такую же диковинную птицу с синими крыльями, с хвостом попугая и головой воробья красного цвета. Эту веселенькую шкатулку подарили ему сослуживцы ещё в России на 50-летие. Видимо, тот, кому была поручена ответственная миссия купить подарок, не отличался большим вкусом. Но Борис Соломонович очень ценил шкатулку как знак внимания, кроме того она была весьма вместительной.

Уже многие последние годы Борис Соломонович стал доставать шкатулку только раз в году накануне дня Победы. Сегодня, как и прежде, открыв крышку, он был ослеплён золотым и

серебряным блеском орденов и медалей, заполнивших шкатулку почти до верху. Весь этот блеск отражался на внутренней красной лакировке шкатулки, создавая впечатление волшебного ларца с сокровищами. Когда в прошлом году эту картину в первый раз увидел хоматенд Борис Соломоновича – Костя, то от удивления просто открыл рот. “Ну, Соломоныч, вы даёте! Я знал, что вы фронтовик, но такого... не ожидал. Вы же просто...” Дальше он не знал, что сказать, и сконфуженно замолчал.

С войны Борис Соломонович вернулся с 4-мя орденами и 7-ю медалями. К ним потом ещё добавилось два мирных ордена и огромное количество разного рода юбилейных медалей и знаков. Так, чтоб было чем заполнить палехскую шкатулку.

Борис Соломонович начал молча доставать и раскладывать на столе фронтовые награды. Каждая из них – это бой, кровь, смерть товарищей. Это огонь и ад, который не может представить себе не побывавший там, а даже побывавший не найдёт слов, чтобы описать этот кошмар, когда каждое мгновенье гибнут десятки, сотни, а порой и тысячи жизней.

Невольно вспомнилось начало войны, когда из маленького еврейского местечка под Житомиром он с женой и двумя детьми чудом добрались до далёкого сибирского города в Кузбассе. Он оказался в числе тех немногих счастливцев, которым удалось эвакуироваться, а сколько там осталось и погибло. В том числе его родители и близкие родственники. Он был молодым мужчиной, но в 41 году в армию его не призвали – работал на оборонном заводе, но, главное, двое

малолетних детей. Однако в 42-м настал и его черёд. На фронте дела были плохи. Обескровленная Красная армия нуждалась в пополнении.

Борис Соломонович хорошо помнит, как застонала Циля, когда принесли повестку. Она была на шестом месяце беременности. В городе никого из родных и знакомых, по-русски говорит с большим акцентом, специальности нет. И вот забирают единственную опору семьи, любимого мужа! Борис Соломонович пытался успокоить её, как мог, но какое там... А через два дня на проводах, когда мобилизованные садились в автобус для отправки на вокзал, Циля уцепилась двумя руками за его пальто, рыдала и кричала во весь голос так, что было страшно! Этот крик отчаяния долго стоял в его ушах.

Бориса Соломоновича как шофёра 2-го класса немного подучили, и он стал механиком – водителем танка и так им и остался до конца войны. Воевал под Сталинградом, потом на Курской дуге. Дальше путь на Запад: Варшава, Берлин, бросок на Прагу и... Победа! Везло ему в войну на фронтовых товарищей. Особенно запомнился первый командир танка, с которым вместе воевали больше двух лет. Такой русский богатырь с усами. Многому он научил Бориса Соломоновича. Никогда не забудется один из боёв на Курской дуге, когда танки сошлись в лобовую. Это было впервые для Бориса Соломоновича, и он дрогнул. Командир почувствовал его неуверенность и страх, подбодрил, нашел нужные, единственные слова, которые можно было найти, когда счёт шел на секунды. Стоило испугаться,

свернуть в сторону, подставив более уязвимый бок танка, и конец.

За всю войну Борис Соломонович не был ни разу ранен. Редкий случай для танкистов: сколько их было ранено, убито, сгорело! Не раз ему говорили: “Ты словно заколдованный!” А он всегда отвечал: “Я не имею права умирать – у меня трое детей! Я обязан выжить!” Лишь один раз он был контужен с потерей речи и слуха. Из подбитого танка его вытащил и спас именно этот, с усами. Сам он, к сожалению, не дожил до победы.

После войны семья не вернулась в местечко. Остались в Сибири. Сначала долго, как и прежде, шоферил – возил начальство. Работа хоть и не трудная, но с ненормированным рабочим днем. Часто возвращался поздно, могли вызвать ночью, в воскресенье. Запомнился один главный инженер комбината, которого Борис Соломонович возил несколько лет. В дороге он любил поговорить о жизни. Обычно обращался к Борису Соломоновичу: “Ну, Соломоныч, расскажи, что говорит народ”. И тот пересказывал все новости, услышанные накануне от Цили. Позднее Борису Соломоновичу предложили место начальника колонны, закончил службу завгаром.

Циля, после ухода мужа на фронт, досрочно родила мальчика. Ребёнок оказался очень слабым. Долго не жил. Старшие дети выросли, получили высшее образование. Дочка в конце 70-х годов уехала в Австралию, а сын с семьёй в начале 80-х в Америку. С ним вместе с женой уехал и Борис Соломонович и вот уже 14 лет живёт в Нью-Йорке. Несколько лет назад он похоронил Цилю. Это был такой удар, от которого ему, видимо, никогда не оправиться.

От этих горьких воспоминаний Борис Соломонович не без труда вернулся к делам сегодняшним. Через час, наверное, придет хоматенд Костя, и они вместе начнут прикреплять награды к выходному пиджаку Бориса Соломоновича. Работа эта долгая, поскольку нужно соблюсти субординацию: что за чем и что под чем располагается. Борис Соломонович и сам начинает забывать эту субординацию, ну а Костя, конечно, её не знает. Правда, прошлый год он уверял, что вручённая российским ветеранам красивая американская медаль в честь 50-летия победы должна располагаться ниже российских наград. “Наверное, он прав”, – подумал Борис Соломонович, хотя ему, ныне гражданину США, эта медаль не менее дорога, чем другие юбилейные медали России.

А завтра, в праздничный день, он выйдет из подъезда билдинга, встанет на его высоком крыльце и будет стоять сколько хватит сил – седой, сутулый, опирающийся на палку старик, увенчанный множеством наград за свой ратный подвиг. К нему будут подходить соседи, с уважением пожимать руку, приветствовать проходящие ветераны словами: “Привет ветеранам, так держать!” Будут приветствовать многие американцы: “Поздравляем героя войны с праздником!” Дети будут показывать на него пальцем. А те, кто посмелее, будут тащить за руку к нему своих родителей, чтобы рассмотреть награды Бориса Соломоновича поближе.

Все это приятно волнует Бориса Соломоновича, настроение праздничное, приподнятое. Однако с удивлением для себя он отмечает, что с каждым годом падает интерес

людей к ветеранам, к этому великому празднику, меньше поздравлений и улыбок на улицах, меньше воспоминаний о той беде, которой грозил людям фашизм, о жертвах холокоста, о многих миллионах погибших других народов. Это не может не огорчать ветерана. Вечером предстоит ещё одно приятное событие – встреча с близкими.

Конечно, старику хотелось бы видеть их почаще, но ... Сегодня придет сын с невесткой. Моня последнее время неважно выглядит, обрюзг, постарел, а ведь ему нет ещё и шестидесяти. Невестка, дай Бог ей здоровья, звонит через день.

– Борис Соломонович, как вы сегодня спали? Не нужно ли чего?

– Спасибо, Раечка, всё хорошо – ничего не надо.

– Моня не звонил вам уже две недели. Вы уж извините – он очень замотан с бизнесом. Он передаёт вам привет.

– Спасибо, Раечка, и ты ему передай привет. Пусть побережёт себя.

Придёт внук Боря с женой и, вероятно, их дети, дай Бог им здоровья. Они уже большие, учатся в средней школе. Ребята настоящие американцы – здесь родились и по-русски почти не говорят. Это, естественно, огорчает Бориса Соломоновича не только потому, что не может общаться с правнуками. Жаль, что они не взяли язык, которому вполне могли бы научиться, да ещё какой язык – Пушкина и Толстого! Конечно, внук в этом виноват. Но что теперь делать? Сам же Борис Соломонович с английским не в ладах. Кроме, как говорится “Здравствуйте, до свидания, сегодня хорошая погода” – практически ничего: приехал сюда в 70, да и вообще иностранные языки даются

ему нелегко. После идиш по-русски и то говорит с акцентом.

Придёт и обязательное поздравление из Австралии от дочки, дай Бог ей здоровья, с традиционным приглашением: “Папа, мы тебя очень ждём в гости. Приезжай в любое время”. Но какая там Австралия, если теперь и до Брайтона он не может добраться без посторонней помощи?!

Потом все сядут за стол. Слева от Бориса Соломоновича, как всегда будет стоять пустой стул Цили, на столе её тарелка, рядом её любимая серебрянная ложка... Быстро чего-то перехватив, уже через несколько минут из-за стола выскочат правнуки и побегут в спальню Бориса Соломоновича к телевизору. Ах, Америка! А за столом уже почти не вспоминая о дне, из-за которого собрались, будут говорить о бизнесе, машинах, о фантастическом успехе Билла Гейтса и перспективах излечения СПИДа. Да, такова жизнь!

Пройдёт праздник, и на другой день Борис Соломонович вместе с хоматендом Костей снимут с праздничного пиджака ветерана его награды, сложат их в палехскую шкатулку, которую Борис Соломонович достанет теперь ровно через год, если, конечно, доживёт. Вместе с ним могут не дожить до следующего дня Победы и многие другие ветераны. С каждым днём их становится всё меньше. Пройдет, видимо, не так уж много времени, когда проводят в последний путь самого последнего участника Второй мировой войны.

Хочется верить, что с его уходом люди не перестанут отмечать этот праздник, этот самый знаменательный день 20-го века, день знаменующий величайшую победу разума над безумием, света над тьмой, жизни над смертью.

1998 г.

ПРОХИНДИАДА

Двое стариков встретились в небольшой квартире, которую хозяева рентовали по 8-й программе. Они не виделись целую вечность: ещё до войны учились в Житомире в одном классе. Война всех разбросала. Но, видимо, судьбе было так угодно, и встреча состоялась. Беседовали за столом, уставленным многочисленными закусками и бутылками.

- Как же ты жил, Сёма? - спросил низкорослый, щуплый Изя дородного, пузатого хозяина жилища.

- Эвакуировался в Ташкент, долгие годы жил там. Закончил техникум торговли. Нашел себе подругу жизни, - Сёма кивнул в сторону Фаины, скромно сидящей в конце стола. - Работал в этой сфере. Преуспевал. В конце 60-х годов решил перебраться в Москву — допекла тамошняя жара.

- Как это тебе удалось? Ведь в столице были такие проблемы с пропиской?

- Уж и не спрашивай! А как трудно там получить жильё! Люди стоят десятки лет в очереди за ним. Но нужно уметь устраиваться. Где-то через два года у меня была вполне приличная квартира на Кутузовском проспекте. Вскоре я стал директором лесоторговой базы в Подмоскowie. Потом приобрёл себе там же дачку в сосновом лесу.

- Ну, ты талант! Молодец! Помню, ты ещё в школе отличался своими способностями, - Изя с восхищением пожал руку приятелю.

- Слушай! Слушай! - обратился Сёма к жене.

– Хвастун! – отделалась коротким ответом молчаливая Фаина.

– Ну и как там тебе работалось?

– Прекрасно! Ведь на базе были не только дефицитные пиломатериалы, но и ещё дефицитная мебель. Боже мой! Сколько людей ко мне обращались! Я никому не отказывал. Обрезные доски, фанера, вагонка, шифер; разные серванты, хельги, гарнитуры. Как мне были люди благодарны!

– Как я понимаю, ты имел за это хорошие бабки!

– Естественно! Но не только это. Также я имел связи с полезными людьми. Я многое мог. Однажды ко мне обратилась одна женщина. Её сына задержали за что-то. Я позвонил нужному человеку. Они встретились. Женщина отдала деньги. Парня выпустили. Когда началась массовая иммиграция в Израиль, я помогал людям отправлять туда мебель тоннами. Это было непросто. И как меня благодарили! Многое местное начальство было моими клиентами. Однажды звонит мне начальник отделения милиции: “Семён Маркович! Я знаю, вы когда-то имели дело с тканями. Хочу купить себе отрез на костюм. Нужна ваша консультация. Не могли бы мы через часик встретиться у входа в универмаг?” Встречаемся, и он мне говорит: “На вас настучал в ОБХСС один ваш покупатель. Он много раз брал у вас лес, якобы для постройки дома. Последний закупленный у вас грузовик товара перепродал. Там недосчитали нескольких кубометров и заявили в милицию. Ваш покупатель предъявил накладные вашей базы и стал утверждать, что ему леса там недодали. Возможно, что он сам изъясил часть

материала. В общем, завтра к вам на базу с этим покупателем придут двое в штатском. Будьте готовы.” Я его поблагодарил и тотчас позвонил своему старшему кладовщику Ивану. Тот был мужик смысленный, только что отстроил себе новый дом. Я же выбил ему вне очереди телефон. Спрашиваю: “Есть у нас на складе отложенные по заказу клиентов партии лесоматериалов?” “Да, – говорит, – штук семь. И везде, как обычно. Навару будет кубометра два-три”. “Немедленно перемерь все заказы! Чтобы всё было тютелька-в-тютельку, и проверь правильность сортности! Сиди хоть всю ночь, но чтобы к утру был ажур! Я тебе потом припишу несколько дней к отпуску”. “Понял! – отвечает, – но что случилось?”

“Об этом потом, но если не выполнишь, – уедем далеко и надолго”. “Всё сделаю, Маркович!” Утром Иван мне докладывает: “Замучился, но всё сделал!” “Молодец!” – говорю. Сидим в конторе, ждем. Часов в 11 пожаловал наш давний покупатель и ещё двое. Представляет их как друзей, которые помогут грузить материалы. Подходим к отложенному для него штабелю досок. Тут они объявляют: “Контрольный замер”. “Хорошо, – говорю, – пожалуйста, но я хочу, чтобы его сделал не мой сотрудник, а вы сами и своей рулеткой. Есть она у вас?”

Они померили – всё соответствует накладной. Переглянулись. “Есть ли у вас другие заказы? Сколько?” “Пройдёмте в контору, поднимем документы”. Они перепроверили всё. И всё, как ты понимаешь, оказалось в порядке. Извинились. “А с вами, – они обратились к тому, кто привёл их, – мы разберёмся. Хотели подставить честных людей!” Меня так и подмывало и, может быть, напрасно, но

я всё же спросил одного из пришедших: “Какое у вас жалование?” Он удивился, но ответил. Я говорю: “У меня в четыре раза выше. Как же вы могли подумать, что я с такой зарплатой, да ещё будучи коммунистом, мог допустить обман покупателей?” Тот ещё раз извинился.

– Ты, что был членом партии? – удивился Изя.

– А как же. Без этого я не мог бы занять руководящую должность. Вот Фаина тоже имела партбилет.

– А ей-то зачем? – ещё больше удивился Изя.

– Она была заведующей магазином – приличным гастрономом. А уж чудеса творила!

– Ну хватит, замолчи! – начала раздражаться Фаина.

– Что ты волнуешься? Об этом теперь можем говорить и даже гордиться находчивостью. К примеру, вечером в магазин привозят грузовик яиц. Все продавцы уже ушли домой. Фаина обзванивает наиболее доверенных продавцов и срочно вызывает их. Всю ночь они ставят на яйцах штапки, и к утру яйца становятся диетическими, и цена соответственно... Пересортицы, усушки, утряски и всё прочее. С чёрного хода к ней приходили районные начальники за дефицитом. Особо большие из начальства иногда не платили денег, но зато закрывали глаза на многое.

– Здорово! – не прекращал восхищаться Изя.

– В общем жили, как сыр в масле. Всем хватало: и нам, и детям, и даже родственникам перепадало. Да разве мы одни? Как-то двоюродный брат из Молдавии мне рассказывал. Он работал бригадиром электриков. Сахарозавод пригласил их выполнить срочную левую работу. Использовали

якобы сэкономленные материалы. Расплачивались с ними мешками с сахаром. Этот дефицит потом распродали втридорога. Так на левых работах он прожил всю жизнь припеваючи. Или вот ещё один любопытный факт. Где-то за год до отъезда встречаю своего племянника – он работал зубным техником. Этот парень мне говорит: “Уезжаю в Израиль, но есть одна проблема – как избавиться от денег”. И это говорит мне мальчишка, которого я сопляком держал на руках?! Ну я, конечно, дал ему несколько дельных советов, как перебросить их за бугор в твёрдой валюте.

– Сёма! Ты разговорился! Дай теперь сказать хоть слово человеку, – прервала мужа мудрая Фаина.

– Да, конечно. Изя, расскажи о себе.

– Я много мотался по стране. Но последние 25 лет до отъезда жил в Риге. Был я слесарем-сантехником высокой квалификации. Числился в тресте коммунального обслуживания. Там мне каждый день писали 8 рабочих часов. Фактически же я обслуживал только городское начальство. Имел один, два, на худой конец три вызова, да они мне ещё подкидывали, как водится. Фактически работал три, четыре часа в день. Приходил домой, отдыхал. Вечером отправлялся на извоз. Развозил проституток, мужиков по ресторанам и бабам. У меня в машине всегда были пара бутылок водки, шоколад, сигареты. Зашибал хорошие деньги. Имел квартиру в центре города.

Самостоятельно пригнал из Швеции “Вольво” последней модели. Их тогда было мало в Риге. Многие мне завидовали. В общем, был доволен жизнью. И бабы у меня были замечательные! – добавил он полупшепотом, когда Фаина ненадолго

отлучилась на кухню. А что сейчас имею: субсидированную квартиру в доме для малоимущих. Там даже собаку нельзя завести. Язык не взял. Немного подрабатываем с женой уборкой частных домов. Скажу откровенно -- я жалею, что уехал. Но почему уехал ты? С твоими способностями, связями? Да ты сейчас в России был бы миллионером!

– Так сложились обстоятельства. Мне стало известно, что мною начинает интересоваться прокуратура. Немедленно оформил все документы на выезд. И тут! Об этом страшно вспомнить! Обратился за билетами в одну из касс Аэрофлота, там мне говорят: получено распоряжение вам билеты не продавать. Пошел в другую – тоже самое. Я решил: всё, конец, заметут. Но тут вспомнил про одну даму – она имела дело с авиабилетами. Несколько лет назад я сделал ей дефицитный румынский гарнитур. Она так благодарила, так благодарила! Давала большие деньги. Я не взял. Сказал: “Может быть, вы когда-нибудь окажете услугу мне”. Тотчас я помчался к ней. Всю дорогу молил: “Только бы она была на месте – не в отпуске, не на бюллетене!” Она увидела меня, вспомнила и говорит: “Сегодня я получила список лиц, которым следует отказывать в билетах. К сожалению, вы там есть! Но могу ли я забыть то, что вы сделали для меня? У вас будет билет. В случае чего скажу, что продала его за пару часов до получения их циркуляра”. Как мне стало потом известно, через два дня после отлёта за мной пришли.

– Удивительная история! Ну, а как ты развернулся тут?

- Чтобы тут вести дела так, как мы привыкли, нужно хорошо знать законы, чтобы уметь их обойти, - Сёма улыбнулся. - Потом тут не российская милиция, которую можно легко купить. Вот мой зять по приезде сюда сел за руль в карсервисе. Через пару дней подхватил на улице пассажира, как это он обычно делал в России. Им оказался переодетый полицейский. Наручники. Ночь в полицейском участке. Ещё хорошо, что этим отделался. Ты же знаешь, как тут строго с налогами, как тут уважают законы. За это нарушение неотвратимо наказание. Поэтому здесь я на отдыхе. А ещё английский! Ну мог ли нормальный человек придумать такой картавый и шепелявый язык?! Выучить его невозможно. Да и зачем учить? Прожить здесь на Брайтоне без него - нет проблем.

- А как же ты без языка сдавал на гражданство?

- По справке. Договорился с одним нашим врачом.

- Мы с женой тоже.

- Давай ещё по рюмочке!

- Может быть уже хватит? - спросила Фаина с укоризной.

- Ладно, мамочка, по последней.

Ещё раз взгрустнув о прежней жизни, старики чокнулись.

Вечерело. В окнах домов начали зажигаться огни. За шторами скольких тысяч окон в этот час предавались ностальгическими воспоминаниями такие же не нужные и чуждые Америке люди с сомнительным прошлым, перед которыми гостеприимно распахнула двери эта щедрая, замечательная страна?!

Март 2005 г.

СОЮЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В приёмной уролога на Брайтоне встретились бывшие сокурсники.

– Вот, Игорь, по твоему совету я здесь.

– И правильно сделал, Алик. После 60 лет всем нужно проверяться хотя бы раз в два года. Хочу сказать, что прочёл твою тетрадь со стихами и поражен. Не знал за тобой таких талантов!

– Спасибо. Думаю, ты преувеличиваешь. Хотя стихами я балуюсь ещё со школьных лет, никто, кроме близких, с ними не знаком. Вот, наконец, решился показать тебе.

– Ты не имеешь права их скрывать. Твой четырёхстопный ямб превосходен. Они так мелодичны, особенно те, в которых ты описываешь природу. А те, где говорится о переживаниях пожилых эмигрантов, просто берут за душу. Ты должен их издать.

– Шутишь. У меня нет денег даже на компьютер, чтобы их отпечатать. А чтоб издать... Для этого нужны сумасшедшие деньги. Так что это нереально.

– Жаль, жаль!

– Ну, а ты как?

– Самочувствие, как говорится, по возрасту. Но всё чаще меня одолевают мысли об одной разработке. Задумка родилась давно, ещё в Москве. Это аппарат для очистки газа. Сейчас, мне кажется, я все продумал и имею законченное решение. К сожалению, воплотить это в жизнь мне не суждено.

– Извините, что вмешиваюсь! Невольно слышал ваш разговор, – обратился к ним сидящий рядом интеллигентного вида мужчина. – Здесь в нашей русскоговорящей общине не так уж много хорошо образованных и талантливых людей, как вы. Я и раньше часто думал о том, что не реализуется много замечательного, созданного нами, стариками-эмигрантами, способными творить. Только что у меня возникла одна идея. Я хотел бы поделиться с вами. Если вы не возражаете, давайте встретимся через несколько дней у меня дома. Я приглашу ещё двух моих знакомых: одного, как и я ленинградца, другого киевлянина. Они так же, как и вы, люди неординарные и интересные. Алик почитает нам свои стихи. Уверяю вас, он найдёт заинтересованную аудиторию. Вы могли бы дать мне номера ваших телефонов?

Через несколько дней встреча в квартире Бориса состоялась. Послушали стихи, которые несколько смущаясь прочитал автор. Потом заговорил Борис.

– Все здесь собравшиеся, так же, как и Алик, люди безусловно одарённые. И какого бы направления ни было наше творчество, остановить этот процесс невозможно. Все мы, я уверен, будем одержимы этим до конца дней. Однако реализовать предмет своего творчества каждый из нас в отдельности не может, как я понимаю, по финансовым соображениям. Но, думаю, справиться с этим можно объединившись.

– ???

– Предлагаю организовать некий союз с посильным вступительным взносом. Отдать собранные деньги тому из нас, чей проект может быть воплощён в жизнь в кратчайшие сроки.

Доходы делить пополам: половину автору, половину в общую кассу для поддержки следующего проекта. Союз, разумеется, может быть расширен.

* * *

Через три года на очередной встрече в квартире Бориса за столом уже сидело 9 стариков.

– Рад вам сообщить, что нами достигнуты определённые успехи. Начну с отцов – основателей союза. Алик издал два сборника стихов, которые хорошо покупались.

– Я не ожидал такого интереса к моим стихам. Это доставило мне большую радость. И не только: я приобрёл замечательный компьютер, а также вместе с женой совершил круиз на Аляску. Огромное спасибо вам за помощь, друзья!

– Игорь запатентовал своё изобретение по очистке газа.

– И, добавлю, его купила одна компания из Канзаса. Патент, по понятным вам причинам, записан на имя моего зятя. Но я очень рад, что идея не осталась на бумаге и скоро воплотится в металле. Также мне удалось купить автомобиль, конечно не новый, но вполне приличный. Я тоже присоединяюсь к благодарности за поддержку.

– Есть определённый прогресс в разработке Лёвы, а также и у вашего покорного слуги. В нашей копилке сейчас имеется сумма достаточная для поддержки следующих наших двух товарищей. Кого именно, мы решим сегодня.

Ещё раз хочу подчеркнуть уникальность нашего союза. Большинству живущих на Брайтоне или вблизи него, думаю, не понять, как можно

отдать деньги без расписки, без гарантии их возврата. У нас же нет никаких финансовых документов, обязательств. Будем откровенны, в нашей жизни добавка некоторой суммы к бюджету семьи совсем не лишнее. Но для творческой личности, я уверен, главным является не гонорар, а сам факт реализации своего детища, которое он рождает в муках, но одновременно получая огромную радость от самого процесса творчества.

2006 г.

ОСТАП БЕНДЕР С БРАЙТОНА

- Папа, одолжи 5000 долларов. Я отдам тебе через три месяца.

- Денег нет.

- Но мне очень нужно! Я должен купить машину. Не могу больше ездить на работу в Нью-Джерси городским транспортом.

- Денег нет.

- Я правда все верну через три месяца. Если хочешь, дам расписку.

- Денег нет.

- Ну, что ты затвердил: денег нет, денег нет. Кому ты вешаешь лапшу на уши? Я-то знаю, что уезжая два года назад из Молдавии, ты продал садовый участок за 10 000 долларов.

- Денег нет.

- Ну, как вам это нравится? Гобсек какой-то!

- Ты что материшь отца?! В нашей семье тебя учили уважать старших!

- Это не ругательство. Это был один такой литературный персонаж... Классику надо было читать! Впрочем, извини. Ты ведь не учился в университете. Так, наконец, дашь денег или нет?

- Денег нет. Раньше действительно были. Сейчас нет.

- Куда же они делись? По приезде сюда ты сразу сел на эсесай. Денег практически не тратил: даже на мебель – в основном старую дарили соседи. Кое-что мы подобрали на гарбиче.

- Я вложил их в дело.

- Что!!!

- Да, в дело. Кому же не хочется иметь лишнюю копейку.

- Какое дело? Почему ты не посоветовался?

- Мне сказали, чтобы я держал это в секрете. Если станет известно властям, то меня лишат эсесая и медикейда.

- Но сыну-то ты мог бы рассказать?

- Чем меньше людей об этом знает, тем лучше. А насчет совета, то я советовался с Соломоном. Он тоже вложил.

В тот же вечер сын позвонил сыну Соломона. С его семьей родители дружили многие годы. Были в дружбе и сыновья.

- Ты знаешь, что наши предки вложили деньги в какое-то дело?

- Понятия не имею.

На следующий день встретились отцы и дети.

- Ну, конспираторы, рассказывайте, куда вложили деньги?

Старики молча переглянулись.

- Что молчите, как партизаны? Колитесь! Дело-то хоть прибыльное?

- Прибыльное! Прибыльное! - не выдержал Соломон. - Мы имеем акции.

- Сколько же обещали процентов: 5-6 годовых?

- Да вы, что! Обещали за год удвоение суммы!

Соломон достал аккуратно сложенные в папку листочки. Сыновья принялись их тщательно изучать.

- Что-то бланк мне не нравится! Похоже на хорошо выполненную ксерокопию.

- Да и сто процентов годовых - это невероятно. Боюсь, что вас ...

- Это надо проверить, и чем быстрее, тем лучше!

– Но как? Ведь нельзя обратиться в официальные инстанции. Стариков могут лишить пособия.

– Давайте завтра же пойдем в еврейскую организацию. Попросим помочь разобраться.

В еврейской организации рассказанное также вызвало подозрение у сотрудника, принявшего их.

– Откуда вы узнали об этих акциях?

– Там, где мы обычно получаем ланч, две старушки подходили к столикам и рассказывали, как можно получить хорошие деньги. Потом свели нас с одним человеком.

– И многие прислушались к советам старушек?

– Да немало. Ведь деньги нужны всем.

– Дело это нешуточное. Я постараюсь разобраться и вас проинформирую.

– Только не ставьте в известность власти! – взмолились старики.

– Это понятно.

Через несколько дней состоялся повторный визит четверки в еврейскую организацию.

– Должен вас огорчить: акции оказались липовыми.

Старики начали дружно принимать валидол.

– Я вышел на старушек. Оказывается им платили за рассказы о возможности хорошо заработать. На удочку попало несколько десятков таких же доверчивых людей, как вы. Отдавали от нескольких сотен до нескольких тысяч долларов, припрятанных в чулках. Старушки, когда я их немного прижал, указали и на человека, который занимался мошенничеством. По моим прикидкам он выманил у простаков не менее миллиона долларов. Это некий еще довольно молодой мужчина по фамилии Фукс. Однако

старушки сказали, что не дадут на суде показаний против Фукса, поскольку и сами отдали ему деньги и боятся, что их лишат пособий. В такой ситуации не знаю, возможно ли наказать мошенника или хотя бы остановить его.

Столь серьезное дело вопреки желанию потерпевших скрыть произошедшее, все же не могло остаться без внимания полиции.

Однако обыск в доме Фукса не обнаружил ни липовых бланков, ни других следов преступления. Не было установлено никаких связей Фукса и с биржей. Свое знакомство со старушками и другими потерпевшими он отрицал. Ни одного свидетеля со стороны потерпевших, готового дать показания против Фукса, не оказалось. Еще бы. Остаться без средств к существованию и медицины старикам, которые уже не могут работать, равносильно гибели. Хитроумные расчеты Фукса полностью оправдались. Дело развалилось. Фукс продолжал спокойно разгуливать по Брайтону.

Тогда обманутые старики решили наказать его кулаком. Узнав об этом, мошенник исчез.

Говорят, что сейчас он безбедно проживает где-то на Западе. Наверное, прокручивает новые аферы.

2006 г.

РУССКИЙ СУП

- Мама, я договорилась с одной девушкой. Она будет убирать вашу квартиру раз в месяц.

- Замечательная новость! - радостно воскликнула Роза. - Ни я, ни папа уже не в состоянии делать большую уборку.

- Её зовут, как и тебя. Но есть один нюанс. Она чёрная... и потому будьте к ней особенно внимательны и доброжелательны.

- Могла бы этого не говорить. Я родилась не в Техасе, а в Москве. Ещё в детстве читала "Хижину дяди Тома" Бичер Стоу и плакала. В своё время переживала за Анжелу Девис и просто обожала Поля Робсона. Мы же были воспитаны интернационалистами. Так что об этом не волнуйся. "Надо будет приготовить хороший обед и угостить девушку настоящей русской едой," - решила Роза.

После завершения первой уборки Роза пригласила девушку за стол. Розита с удовольствием ела русский борщ, и хвалила. Девушка оказалась очень разговорчивой. Рассказала, что на ее родине в Уганде в их деревне в домах нет полов. Пищу готовят на костре, который разжигают прямо в доме, женщины ходят топлес. "Я бы и здесь могла ходить так же, если бы это было принято," - сообщила Розита. Все ходят босиком. Единственная одежда мужчин - штаны-шорты, но почти у всех в кармане мобильник. Роза была поражена.

- А в лесах у нас,- меж тем продолжала Розита, - живут пигмеи. Те совсем дикие и очень

воинственные. Убивают все, кто входит в лес без разрешения их вождя. А как-то правительство решило сделать им прививки от малярии, от которой они погибали, так первый же пигмей сказал доктору: “Ты хочешь сделать мне укол – плати за это”.

Розита оказалась и достаточно остроумной. Случилось так, что внучка оставила у Розы на несколько дней своего карликового добермана-пинчера. Он, естественно, встретил лаем незнакомого человека, когда Розита пришла на очередную уборку. Девушка, улыбаясь, сказала, обращаясь к собаке:

– Что ты лаешь на меня? Ты такой же чёрный, как и я.

Каждый раз после уборки Роза угощала Розиту каким-то новым блюдом.

Девушка с удовольствием ела, благодарила. Обед проходил в дружеской беседе. Так продолжалось, наверное, года два. Но однажды Роза была ошарашена телефонным звонком дочери.

– Мама! Мне звонила Розита. Вы её там с папой просто замучили!

– Замучили? Да ты что!

– Да, она жаловалась, что вы её каждый раз заставляете кушать ужасную русскую еду. Эти же русские супы с трудным названием: борщ и щи – просто кошмар! Обедая у вас, она теряет массу драгоценного для неё времени. А отказаться ей неудобно.

Роза была расстроена. “Я же хотела как лучше”, – обиженно подумала она.

Розита по-прежнему убирается в доме у Розы. По-прежнему они обнимаются при встрече, и

Розита называет Розу мамá. Но когда кончает работу, её больше не ждёт накрытый стол.

2008 г.

СВЕРХПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ

Сотрудница еврейского центра вернулась с работы уставшей и огорченной.

– Что случилось? – поинтересовался муж.

– Ты же знаешь, что мы занимаемся благотворительностью.

– Да, конечно.

– Кажется, я тебе говорила, что одна из программ предусматривает выплаты вновь прибывшим иммигрантам в течение первых шести месяцев по десять долларов на человека ежемесячно для покупки кошерного мяса.

– Да. Ты мне рассказывала. Ну и что?

– Конечно это не ахти какие деньги. Но семье, где взрослые еще не взяли языка, не определились с работой, – это какое-то подспорье.

– Согласен, но к чему ты мне сейчас об этом напоминаешь?

– Сегодня к нам пришло письмо, в котором написано: “Мой брат Лазарь Ганапольский не нуждается в ваших выплатах на кошерное мясо, так как в этой семье едят сало”. Я просто опешила и хотела порвать эту писанину.

– И правильно бы сделала.

– Но я на службе и не имею права утаивать от начальства какую-либо информацию. Пришлось скрепя сердце передать бумагу руководству. И вот

целый день ужасное настроение. Я все время думаю: откуда берутся такие люди? Чем они занимались там в России? Были платными осведомителями КГБ, авторами анонимных доносов или верными коммунистами, принципиальными, как железный Феликс? Но каким гнусным нужно все-таки быть, чтобы такое написать о только что приехавшем брате!

- А может быть, братья просто крупно поссорились и это месть обиженного?

- Тогда это гнусность вдвойне!

- Ладно. С этим типом все ясно. Горбатого могила исправит. Но интересно, какое решение примет твое начальство?

На другой день женщина, которая все еще не могла успокоиться, зашла в кабинет шефа.

- Что вы решили по вчерашнему письму?

- Пригласите ко мне его автора через неделю. Хочу побеседовать с ним. А пока получите о нём как можно больше информации.

Через неделю в кабинете шефа в сопровождении сотрудницы появился автор письма. Это был хорошо выбритый, упитанный, самоуверенный мужчина, который тотчас полуразвалился в кресле. Шеф попросил остаться в кабинете и свою сотрудницу.

- Спасибо за сигнал, - обратился к посетителю шеф. - Мы его получили.

Сотрудница с удивлением посмотрела на шефа.

- Однако по роду своей деятельности я обязан ознакомиться с мотивами, которые толкнули вас на написание письма: вы в ссоре с братом или дали информацию о нем из принципиальных соображений?

– Конечно из принципиальных. Принципиальности меня учили там, – он сделал жест рукой, – и от нее я никогда не отступлюсь.

– Похвально.

Сотрудница продолжала смотреть на шефа с удивлением.

– Ведь вы там были коммунистом? Наверное, отсюда и ваша принципиальность?

– Да. Я этого не скрываю. А деньги на кошерное мясо имеют право получать только религиозные люди. Это мой принцип.

– Спасибо, рад это слышать.

Посетитель самодовольно улыбнулся.

Сотрудница ужаснулась. Ее удивление сменилось негодованием. “Как шеф может благодарить доносчика? Я больше не могу с ним работать! Завтра же подам заявление об увольнении,” – подумала она.

– Сами вы как бывший член партии, наверное, не соблюдаете обычаев и не придерживаетесь кошерности?

– Разумеется. Все это пережитки.

– Тогда скажите, как это согласуется с тем, что вы сами три года назад получали деньги на кошерное мясо? Вот у меня ваше заявление с просьбой об этом и документы, подтверждающие их получение.

Лицо посетителя начало терять самоуверенность.

– Вы только что много говорили о принципиальности. Она исключает двойные стандарты. Руководствуясь этим, я подойду к разрешению сложившейся ситуации. Здесь возможны только два решения. Первое: вы отзываем свое письмо, и мы продолжаем выплаты вашему

брату. Второе: вы настаиваете, чтобы мы дали ход письму. Тогда мы прекращаем выплаты вашему брату, но одновременно востребуем с вас все суммы, выплаченные вам как за кошерное мясо, так и полученные вами к еврейским религиозным праздникам за все время вашего пребывания в США. Эти деньги вы вернете добровольно или мы взыщем их через суд.

От самоуверенности посетителя не осталось и следа.

– Время, отведенное на беседу с вами, истекло. Пройдите в кабинет моей сотрудницы, подумайте и сообщите ей свое решение.

Через какое-то время сотрудница возвратилась в кабинет шефа радостной.

– Он отозвал письмо.

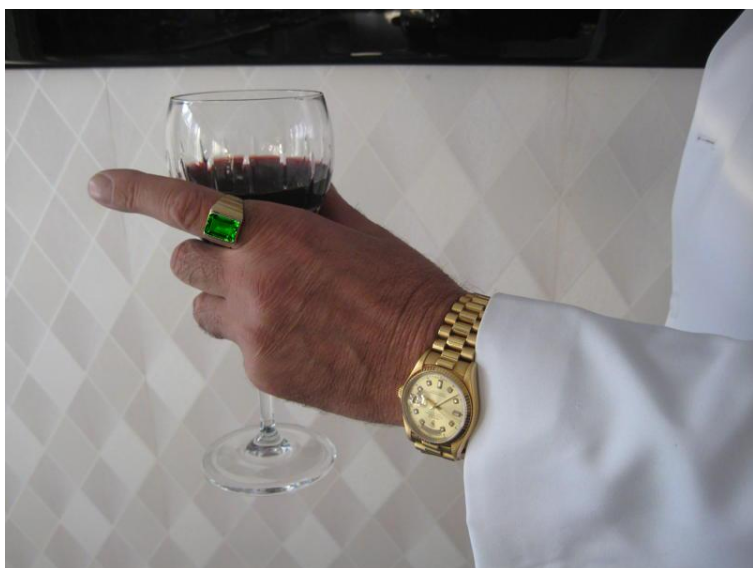
– Я не сомневался, что так произойдет. В беседе с ним, как вам было понятно, я несколько преувеличил наши возможности воздействия на него. Но этого негодяя следовало проучить.

– Спасибо вам! Мне теперь легче дышится.

2006 г.

Вечерний Бродвей на пересечении с 42-й улицей встретил тысячами огней, такой иллюминацией, которую им раньше не доводилось видеть. (к рассказу “Первый день в Америке”)

К Майклу протянулась рука с бокалом вина. На пальце собеседника он увидел массивный перстень с большим изумрудом (к рассказу “Трудное решение.”)

А утром,
когда родители
уехали на работу,
Броня заняла своё
привычное место
в кресле против
телевизора
(к рассказу
“Нет жизни
без телевизора”)

Завтра в
праздничный день он
выйдет из подъезда
билдинга, встанет на
его высоком крыльце
и будет стоять
сколько хватит сил
опирающийся на
палку
старик, увенчанный
множеством наград
за свой ратный
подвиг (к рассказу
“Ветеран”)

Через три года на очередной встрече в квартире Бориса за столом сидели уже девять стариков (к рассказу “Союз интеллектуалов”)

В один из дней внимание посетителей озера привлекла дама в шикарной, широкой красной шляпе, украшенной большими цветами (к рассказу “Красивая шляпа”)

Я не намереваюсь заявлять на вас, сэр. Уверен, вы надели мою майку по ошибке (к рассказу “Желтая майка.”)

Во время одной из прогулок Игорь неожиданно увидел, как из комнаты докторов выбежали трое врачей и помчались в одну из палат (к рассказу “Клятва Гиппократа.”)

ДРЯНЬ

Было довольно поздно, а Лина не возвращалась. Прежде случалось, что она приходила ещё позже, а иногда не приходила совсем. Ночевала где-нибудь у подруги. Однако она всегда звонила отцу и сообщала о своих планах. На душе у Давида было беспокойно и, когда часы пробили 12, он уже не мог больше ждать. С волнением начал обзванивать подруг Лины.

В двух местах ему никто не ответил. Возможно, там уже легли спать. В одном месте сработал автоответчик. Наконец, он куда-то дозвонился. Заспанный девичий голос ответил, что о Лине ничего не знает. Остался последний номер. Давид набрал его без всякой надежды что-либо выяснить. Однако трубку сняли почти мгновенно. Женский голос поинтересовался, кто звонит. Давид извинился за поздний звонок и спросил о Лине.

— О, не беспокойтесь! Я ещё не спала, читала. О Лине мне всё известно. Сегодня моя дочка рассказала о том, что Лина сотворила.

— Что с ней?! Она в госпитале, арестована?

— Нет, нет. Она жива, здорова и на свободе. Сейчас она у какой-то своей подруги. Просто боится вам позвонить. Она сказала моей дочке: "Когда отец узнает, он меня убьёт!"

— Что же случилось? У неё неприятности с бойфрендом или может быть она беременна?

Давид тотчас припомнил прошлогодний скандал. Тогда Линин бойфренд, с которым она встречалась два года, застал Лину в постели с новым знакомым. В результате порвал с ней отношения, предварительно избив девчонку. Поскольку Лина вела себя омерзительно, шума по этому поводу никто не поднимал.

— Нет! Здесь другое — Лину отчислили из колледжа.

— Не может быть! За что? Ведь она говорила мне, что регулярно посещала занятия весь год и успешно сдала все тесты.

— К сожалению, это не так. Лина вводила вас в заблуждение. Она практически посетила за год не более двух, трёх занятий и, конечно, ничего не сдавала. Просто весь год гуляла, веселилась, в общем, хорошо проводила время.

— Не могу поверить! Что теперь с ней будет?!

— Я понимаю, что после такого известия вас трудно утешить, но мне кажется, что Лина не пропадёт. Она из тех людей, которые могут за себя постоять и достигнуть того, что им хочется. Не так давно она была у нас и разговаривала по телефону из соседей комнаты. Вдруг она перешла на крик, была почти в истерике. Я думала, что она может быть выясняет отношения со своим бойфрендом или случилось что-то ещё очень серьёзное. На самом деле оказалось, что просто в сапожной мастерской задержали на сутки ремонт какой-то её обуви. Да, при таком напоре всегда можно достичь желаемого. Вам же сейчас нужно успокоиться, чтобы не дай бог с сердцем чего-нибудь не случилось. Ну, а Лину постарайтесь устроить на работу. Может быть, поняв, как трудно даются деньги, она изменит своё отношение к жизни.

Свет померк в глазах Давида. Он не мог поверить в услышанное. Случившееся рушило все его планы, мечты, делало его дальнейшую жизнь бесперспективной.

Семнадцать лет назад Давид с трёхлетней дочкой приехал в Америку. Через пять лет потерял жену. Тяжело давался английский язык. Отсутствие высшего образования и природная непрактичность ограничили возможность достижения успеха в новой стране. Поэтому Давид так и остался водителем, приобретя со временем своего кормильца — лимузин. Многие годы он жил мечтой дать дочке хорошее образование. Хотел, чтобы живая, общительная Лина стала лойером, со временем удачно вышла замуж и жила счастливо и обеспеченно. Хотел он ещё на склоне лет переехать из шумного города, где ночью мешают спать пронзительные звуки сирен полицейских и пожарных автомобилей в тихое место на природу. Чтобы у их дома был хотя бы небольшой участок земли, где можно было сажать цветы и выращивать помидоры. На лужайке могли бы резвиться его внуки, которых он уже заранее любил. Порою ему ночью снилось, как маленькая пухлая ручка обнимает его за шею, а его щеки касается нежная, тёплая детская щёчка. Но какой приличный человек возьмет в жёны такую...?

Как Лина могла похоронить мою мечту увидеть её с университетским дипломом в руках? Она ведь знала, как тяжело я работаю по 10-12 часов в день! Как собирал я каждую копейку на её образование. Ведь ради того, чтобы скопить эти деньги, мы переехали в однобедрумную квартиру и я сплю какой уже год в проходной комнате. А сколько лет по той же причине я не был в отпуске?

И вот теперь те немалые деньги, которые я заплатил за год её обучения в колледже, вылетели на ветер! А затраты на автомобиль, который был взят в рент, чтобы девочке было удобно ездить на занятия? А полное обновление гардероба после окончания школы, чтобы девочка была одета не хуже других. Ну и, наконец, совсем недавняя оплата её двухнедельной поездки в Европу, чтобы студентка отдохнула после первого года напряженных занятий. Как она могла взять деньги на это?

Да разве дело в одних деньгах? Как я гордился, что дочка учится! “Моя Лина пошла в колледж!” – повторял я везде и всем. И вот я остался в дураках! Ведь я неоднократно расспрашивал её об учёбе: какие предметы изучают, хороши ли преподаватели? Её ответы были какими-то неопределёнными, но я не придавал этому значения. Видел и то, что она совсем не занимается дома, и как-то спросил об этом. Лина утверждала тогда, что много занимается в колледже и в библиотеке, и я верил, верил ... и вот итог. Моя собственная дочь, моя девочка, которой я отдавал всё, ради которой трудился, не жалея себя, нагло врала мне в лицо! Обманывала самого близкого ей человека – своего отца! Как называть её после этого? Давид не мог найти подходящих слов...

“Как же это случилось, что моя милая, красивая девочка выросла и превратилась во лживое, подлое существо? – продолжал думать Давид. – Возможно всё было бы по-другому, если бы не эта проклятая работа, которая отнимала всё время? Если бы к тому же была жива её мать.”

Ночь прошла без сна. А в 5 часов утра он был, как всегда, уже на ногах. Бреясь, он увидел в

зеркале своё лицо и ужаснулся: на него глядел старик с кожей землистого цвета, тёмными мешками под глазами и потухшим взглядом. Машинально он надел чистую белую рубашку, завязал галстук – водитель лимузина всегда должен выглядеть прилично. Вскоре он мчался в аэропорт за ранним клиентом. Ни на минуту его не покидала мысль, что впереди нет и не может быть ничего светлого. Иногда возникало желание добавить газа, разогнаться до предельной скорости и смаху въехать в бетонную опору путепровода, пересекающего автостраду. Всего одно мгновение и ...

Но хорошо натренированные, опытные руки не подчиняясь безумству разума, сами плавно вписывали длинную машину в извилистые повороты хайвея. Продолжалось движение Давида в будущее, которое теперь представлялось ему дорогой в бесконечно длинном, тёмном и мрачном тоннеле.

2000 г.

КРАСИВАЯ ШЛЯПА

На Чудо-озере на западном берегу Флориды всегда полно людей, жаждущих поправить своё здоровье, погружаясь в тёплую, насыщенную различными минеральными солями воду озера.

Двигаясь вдоль каната, натянутого по периметру озера, можно невольно услышать разные интересные истории, споры на политические темы, анекдоты и много разного другого.

Здесь можно встретить людей, говорящих на разных языках, по-разному одетых, иногда вызывающе оригинально.

В один из дней внимание посетителей озера привлекла дама в шикарной широкой красной шляпе, украшенной большими цветами. Мгновенно её окружили несколько женщин, которые, не скрывая своего восторга, естественно спрашивали, где можно приобрести такую.

– Я привезла её из Японии, – поделилась хозяйка шляпы.

– Так вы были в Японии? Как это должно быть интересно! – воскликнула одна из женщин.

– В этом году я так много путешествовала, – меж тем продолжала хозяйка шляпы, чтобы привлечь к себе усиленное внимание. – После Японии я поехала в свой родной Свердловск, затем к Чёрному морю в Крым. Затем я побывала в Греции. Вернувшись, вскоре посетила Торонто. Через месяц еду в круиз по Средиземному морю от Барселоны до Стамбула.

– Какая вы счастливая! – не выдержала одна из женщин.

Чтобы окончательно добить внимательно слушающих её женщин, обладательница красивой шляпы сказала:

– На следующий год у меня планируется круиз на пароходе вокруг Южной Америки.

Женщины ахнули.

– Сколько же нужно иметь денег для таких поездок? – спросил невольно подслушавший разговор мужчина. – Вы что, выиграли несколько миллионов в лотерею? – спросил он не без ехидства.

– Почему же обязательно нужно выиграть в лотерею? Просто 30 лет назад я удачно вышла замуж за американца. Он хорошо стоит.

Вечером две пожилые женщины-приятельницы, присутствовавшие при утреннем разговоре, обсуждали рассказ обладательницы роскошной шляпы.

– Везёт же людям! Так удачно выйти замуж за богатого. Мой Сёма так и не преуспел в Америке. Как сел за руль карсервиса, так и сидит там уже столько лет!

– А мой так рано умер, оставив меня с детьми в крохотной квартире на Брайтоне.

– А эта на вид серая мышка путешествует по свету в своё удовольствие. Везёт же некоторым!

Меж тем обладательница роскошной шляпы едва дозвонилась своей дочери в Квинс. Осведомившись, как здоровье внуков, она сказала:

– У меня к тебе просьба. Сейчас начало месяца. Проверь, пожалуйста, перевели ли мне фудстемпы.

– Я это уже сделала. Фудстемпы перевели. На днях я побывала на кладбище. Прошло уже шесть

лет, как умер папа. Я всё ещё не могу смириться с этим.

- Да, доченька, у меня к тебе ещё одна, просьба: пришли мне, пожалуйста, если у тебя есть такая возможность, долларов 150-200. Боюсь, мне не хватит на питание. А так у меня все хорошо, погода замечательная. Сегодня на озере произвела фурор шляпа, которую три года назад ты привезла мне из Мексики. Все дамы, увидев её, просто обалдели. Я сказала им, что купила её в Японии.

- Мама, как тебе не стыдно морочить головы людям? Когда ты, наконец, уймёшься и перестанешь рассказывать людям небылицы?

- Наверное, никогда. Рассказывая о своих многочисленных путешествиях, я вырастаю в своих собственных глазах. Порой мне кажется, что всё это было на самом деле. Я чувствую себя такой сильной, богатой, независимой ...

Засыпая, обладательница красной шляпы думала: "Как замечательно сегодня прошёл день, как на зависть другим, я совершила множество чудесных путешествий. Пусть это только фантазии. Но я счастлива хоть этим малым".

2007 г.

КАК ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ

Однажды вечером 55-летний Мирон, бывший сотрудник Министерства финансов России, а ныне хозяин небольшого семейного русского продуктового магазина в Бруклине, обратился к сыну:

– Знаешь, Арик, – сказал он, устало облокотившись о прилавок, – я так утомился от нашего магазина. Доход плёвый, а работа ломовая по 12 часов в день без выходных и отпусков.

– Я с тобой согласен, папа. У меня постоянно болит спина от тяжёлых ящиков с крупой и консервами. Обидно, конечно, закончив ВУЗ по вычислительной технике заниматься этим. Но что делать? Жить ведь надо, а дети с каждым годом требуют всё большего.

– У меня появилась одна идея. Повесь, пожалуйста, вывеску, что магазин закрыт. В это время всё равно уже никто не придёт, и иди послушай.

Минут 20 Арик внимательно слушал, открыв рот от удивления. Когда отец закончил, восторженно произнёс:

– Папа, ты голова!!!

– Сказал бы лучше, хорошая еврейская голова.

– Это просто всё здорово! Но согласятся ли с этим там, за океаном?

– Я твёрдо решил попробовать. Чем мы рискуем – парой, тройкой тысяч долларов? Но такой шанс может не повториться. Как говорится: "Сейчас или никогда!"

- Но у нас нет сейчас даже этих трёх тысяч в наличии.

- Поступим так. Завтра занимаем деньги у Соломона. Под хороший процент он даст. Тотчас регистрируем “Инвестиционно-консалтинговую компанию,” что обойдётся в 300 долларов. Заказываем бланки, визитные карточки и печать еще на пару сотен. Ты садишься за компьютер и в течение трёх дней получаешь всю доступную информацию о фирме “Рука” и её конфликтных отношениях с Россией. Затем я покупаю себе хороший костюм и вылетаю в Москву.

- А что будет с магазином, пока мы занимаемся этими делами?

- Пускай твоя жёнушка покрутится. Дай ей необходимые инструкции. Может поймёт, наконец, как трудно зарабатывать на хлеб.

• • •

В Москве генеральный директор “Инвестиционно-консалтинговой компании” встретился с замминистра, с которым в прежнее время был знаком по работе.

- Ну, с чем к нам пожаловал американский миллионер? - шутливо обратился к гостю замминистра.

Вскоре он был просто ошарашен услышанным предложением.

- Да, проблемы с “Рúкой” нас просто достали. Здесь нет полной ясности. Всё это связано с тем смутным временем, когда с ними заключалось соглашение. Тогда не было чёткого законодательства и строгой ответственности чиновников. Мы считаем, что “Рúка” не выполнила

полностью поставки. Они считают, что мы должны им порядка 100 миллионов долларов. В их пользу решил Международный арбитражный суд. Мы с этим не согласны. Задета честь государства, и платить мы не хотим. “Рúка” пытается захватить наше зарубежное имущество, экспонаты выставок. В общем, большая головная боль. Если бы удалось разрешить проблему таким путем, каким вы предлагаете, – это было бы, на мой взгляд, здорово. Но я должен доложить выше.

Через несколько дней министр встретился с премьер министром.

– В принципе предложение интересное, – заинтересованно проговорил премьер, но как это всё будет конкретно осуществляться?

– Наш долг “Рúки” 100 миллионов долларов. Во-первых, г-н Либерман обязуется снизить наши затраты на его погашение до 90-95 миллионов. Во-вторых, договориться с “Рúкой,” что долг России гасит он – бизнесмен-филантроп – из собственных средств. В его договоре с “Рúкой,” соответственно юридически оформленном, будет запись, что “Рúка” больше материальных претензий к России не имеет. Получится так, что наша честь не ущемлена: мы говорим, что правы, что всё ранее заплатили, больше платить не будем. При этом конфликт будет исчерпан. Для осуществления этой операции г-н Либерман формально сделает заём в нашей банке на 95 миллионов долларов. Фактически возьмёт их без отдачи.

– Какой же во всём этом интерес у г-на Либермана?

– Его интерес, как он просит, составит 5%, т. е. 5 миллионов долларов, которые будут добавлены к сумме, переданной в “Рúки,” т.е. войдут в эти 95

миллионов. Таким образом “Рúка” получит на 5 миллионов долларов меньше наших затрат, мы сэкономим 5 миллионов долларов, а главное конфликт будет завершен.

– Хорошо. Доложу всё это президенту.

Через два дня премьер позвонил министру.

– Президент дал добро, но продумайте всё до мелочей, все процедуры взаимодействия с г-ном Либерманом, чтобы нас не обдурили.

– Я вас понял. Всё сделаем.

• • •

Получив согласие, Мирон вылетел в Париж. Там он встретился с главой фирмы “Рúка” господином Матье. В эти дни г-н Матье пребывал в ужасном настроении. В последние годы дела фирмы шли из рук вон плохо. Он был весь в долгах. Банки-кредиторы грозились со дня на день лишить его виллы в Швейцарии и офисного здания в Париже, если он в течение двух недель не погасит долг в 66 миллионов долларов.

Предложение американского бизнесмена обрадовало г-на Матье, хотя вместо 100 миллионов ему было предложено всего 75 миллионов. Зато они могли быть получены хоть завтра, а 100 миллионов, возможно, не будут получены никогда. Не выдавая заинтересованности, г-н Матье как деловой человек начал торговаться. В конечном итоге сошлись на 86 миллионах долларов. Россия в конечном итоге снизила свои затраты на “Рúку,” включая гонорар Мирону, на 9 миллионов – со 100 до 91 миллиона долларов. Конфликт, длившийся несколько лет, был исчерпан.

По возвращении из Парижа в Москву, Мирон вскоре получил сообщение от сына, что 5 миллионов долларов переведены на его счёт в Нью-Йорк.

Во время прощального визита к министру, тот сказал:

– Мирон Наумович! Спасибо вам. Вы талантливый бизнесмен. Хороший переговорщик. У вас светлая голова. Нам очень нужны такие люди. Может быть, возвратитесь? Я гарантирую вам высокую должность: начальника управления, или, может быть, даже замминистра.

– А меня со временем не может ожидать участь Ходорковского, если возрастут мои амбиции! – Мирон хитро улыбнулся.

– Надеюсь, что нет, если так же, как и в данном случае, вы не будете нарушать законов.

– Ладно. Я подумаю, но при всех случаях нужно в первую очередь продать магазин.

– Это вы о чем? Какой магазин?

– Ах, извините. Это я о своём. Мысли вслух.

2008 г.

ПЕРВЫЙ РАЗ В КАЗИНО

В один из солнечных апрельских дней, когда в Нью-Йорке уже достаточно жарко, Клара, как обычно, гуляла по пляжу в районе Брайтона. Прожив всю жизнь в маленьком белорусском городке и никогда ранее не видя моря, она теперь при каждом возможном случае старалась побывать у океана. Впрочем, это было несложно, так как она жила совсем близко. Только плохая погода, плохое самочувствие или посещение врача могли помешать её выходу на бордвок. Вот и в тот день она прошлась немного прямо около воды и решила передохнуть на лавочке.

Океан завораживал её своей бескрайностью, своей синевой, несмолкаемым шорохом прибоя. Она могла часами любоваться им. С любопытством следить, как где-то за самым южным маяком Форраковей начинают проглядываться неясные контуры корабля, держащего курс к причалам Нью-Йорка. Постепенно корабль увеличивается в размере, очертания его становятся более чёткими. Когда он достигает устья Гудзона, эту громадину, этот плавучий дом, как называет его Клара, можно рассмотреть уже достаточно хорошо. Вот он ушел направо, скрылся где-то за Сигейтом, а там вдали появляется новый, или, издавая большой шум, промчится быстроходный катер, или покажется белый лоскуток паруса яхты. От всего этого невозможно оторвать глаз...

Этот столь любимый Кларой процесс общения с океаном прервало появление пожилой женщины. Усевшись рядом, она тотчас вступила в разговор. Возможно, она, как и Клара, была одинокой и

искала любую возможность, чтобы хоть с кем-нибудь пообщаться или просто любила поговорить.

Беседа касалась того и другого... Когда казалось, что о Кларе она знает уже почти всё, женщина вдруг спросила:

– Надеюсь, вы уже побывали в Атлантик-сити?

– Нет. Я вообще нигде не была. Вот выхожу только сюда, когда ноги не болят.

– Как, вы живёте в Америке два года и ещё не были в Атлантик-сити?!

Поохав и поахав, женщина рассказала, что каждый день туда ходят автобусы.

Уплаченные за него деньги, возвращают. Что там так интересно, что можно хорошо провести время. Поэтому многие пожилые люди туда выезжают почти регулярно, чтобы иметь “Гуд тайм”.

– Видимо, для игры в казино нужны приличные деньги? – резонно спросила Клара.

– Если вы возьмёте с собой долларов 50 плюс то, что вам возвратят, то этого хватит на несколько часов игры на 25-центовых автоматах. Вы получите фан, а если повезёт, то и что-то выиграете. Это может возместить вам ваши затраты. В случае большой удачи, вы будете даже в прибыли.

Конечно, Клара, которой ни разу в жизни не повезло ни в каких розыгрышах, и на этот раз не рассчитывала на удачу. Однако рассказ об Атлантик-сити запал в душу. “Просто любопытно съездить туда пока ноги ещё носят,” – решила она. Просчитав ещё раз свой нехитрый бюджет, Клара пришла к выводу, что через два месяца сможет позволить себе эту поездку, отложив запланированную покупку очень нужной осенней пары обуви, длинной теплой ночной рубашки с

цветочками, которую она уже присмотрела в “Берте,” практически не ущемляя себя в еде.

Как всегда нарядно разукрашенный Атлантик-сити встретил Клару хорошей погодой, атмосферой праздника и веселья, которую здесь создавало всё: и величавые дворцы-казино, и оживлённая красочная набережная с многочисленными кафе и магазинами вдоль неё, и толпы оживлённых радостных людей, приехавших сюда отдохнуть, повеселиться, испытать судьбу.

Кларе, которая в тот день чувствовала себя достаточно хорошо, передалась эта атмосфере праздника. Настроение было как никогда приподнятое. Огромный зал казино поразил её. Хрустальные люстры, позолота, мрамор, разноцветные огни, пронзительный звон автоматов, drobный цокот падающих монет, просто ошеломили.

Получив возвратные деньги и разменяв всё свое богатство – 50 долларов, она медленно пошла по залу, прижимая к себе обеими руками пластмассовый стакан, в котором было 280 двадцатипятицентовых монет. Иногда она останавливалась и смотрела, как играют на автоматах, где и что нужно нажать. Скоро ей показалось, что многое она уяснила, и тогда направилась к свободной машине, предвкушая те новые приятные ощущения, которые в течение нескольких часов ей предстояло пережить.

Клара удобно уселась, поставила стакан с монетами справа от себя в проём между машинами, надела очки; пропустив первую монету в щель автомата, нажала кнопку. Разноцветные картинки на барабане покрутившись, остановились. Заглась надпись, что автомат просит опустить ещё одну монету. Неудачной

оказалась и следующая попытка. Однако в третий раз автомат, радостно звякнув, выдал две монетки, которые с характерным стуком ссыпались в металлический поддон машины. Вот он – первый в жизни выигрыш! Это была, может быть, маленькая, но всё же радость. “У меня осталось ещё 279 монет. Сколько раз мне ещё предстоит испытать сегодня эту маленькую радость? Как хорошо, что я сюда приехала!”

В этот момент, кто-то коснулся её плеча. Слева от неё, чуть сзади стояла женщина, которая жестом указала ей на пол. Клара взглянула туда и увидела несколько монет, валявшихся около её ног. “Какая я неловкая! – подумала Клара. – Должно быть я просыпала их из моего стакана! Как любезно со стороны этой женщины, что она указала мне на мою оплошность”.

Поблагодарив женщину, Клара нагнулась и начала собирать монеты. Ей это было не так легко. Наконец, собрав их, она протянула руку, чтобы высыпать монеты в стакан, но ... не нашла его. Неуклюже изогнувшись, она шарил в проёме между машинами, затем встала, осмотрела его – стакана не было! Клара беспомощно оглянулась вокруг. “Любезной” женщины след простыл. Около машины справа сидел пожилой внушающий доверие джентльмен, которого Клара никогда бы в жизни не решилась заподозрить. Что делать? Рядом не было никого из персонала казино. А если бы и были? Разве сумела бы Клара с её английским всё рассказать? Да ведь и свидетелей не было.

Ошеломлённая, подавленная Клара, как-то сразу ссутулившись, медленно побрела к выходу из зала. Её уже больше не радовала атмосфера праздника, которая совсем недавно приводила её в восторг. Конечно было жалко и эти 70 долларов,

которые были для неё совсем не маленькие деньги, но более всего её угнетало чувство несправедливости: что у кого-то поднялась рука ограбить старуху, которая живёт на небольшое пособие и постоять-то за себя не может. Горько было от того, что есть такие негодяи, что был отравлен праздник, к которому она долго готовилась, который с таким прекрасным настроением она начинала встречать!

Клара вышла из казино на набережную, подошла к перилам ограждения. Перед ней простирался не залив в устье Гудзона, а во всём величии сам Атлантический океан. Здесь и волна была круче и ширь необъятнее. Но сейчас даже он – ее любимец – не мог успокоить. Сдержавшись на людях в зале казино, здесь Клара расплакалась...

– Могу ли я помочь вам? – почти тотчас обратилась к ней белокурая девушка. Стоящий рядом высокий юноша держал её за руку.

Клара обернулась и увидела участливо устремлённые на неё синие, чуть испуганные глаза. От этого сочувственного голоса, от таких же синих, как океан, глядящих на неё с теплотой глаз, Кларе стало немного легче, и она благодарно улыбнулась. Улыбка была робкой, а лицо ещё всё в слезах.

Девушка по своему распенила слёзы Клары.

– Удивительная старушка, – обратилась она к своему спутнику, когда они несколько удалились от Клары, – плачет от радости! Вероятно, выиграла большую сумму. А я, наверное, не стала бы плакать, даже если бы выиграла миллион! – и она быстро направилась в сторону ближайшего казино, увлекая за собой высокого юношу.

2000 г.

ВСТРЕЧА В МАНХЭТТЕНЕ

Каждый раз бывая в Нью-Йорке, Илья останавливался в Мэдисон отеле на Бродвее. Вот и на этот раз, оставив вещи в номере на 67-м этаже, он решил, как обычно, прогуляться по вечернему Мидтауну – самой красивой части Манхэттена. Эти ставшие традицией прогулки каждый раз настраивали Илью на грустно-лирический лад, как бы возвращая его в прошлое, когда он 17 лет назад впервые попал в Нью-Йорк, впервые прошелся по Манхэттену. Сколько воды с тех пор утекло, сколько событий свершилось!

Тогда в начале 80-х годов, он, ещё довольно молодой учёный, с женой и дочкой через Италию прибыли в Штаты в качестве иммигрантов. Трудные были времена. Здесь не было ни родственников, ни друзей, способных дать совет, оказать хотя бы минимальную помощь, не было средств к существованию. Илья сел за руль карсервиса, лихорадочно изучал английский, рассылал по всей стране свои резюме. В первые месяцы было очень тяжело, но через год он уже работал в большой химической фирме в Канзасе... Да так и осел в небольшом городке Вечита. Дочка закончила хайскул, затем Гарвард, вышла замуж, родила детей.

Сам Илья руководит исследовательской группой, купил хороший дом, ему обеспечена приличная пенсия и безбедная старость. Но безжалостное время не может не оставить своих следов – на следующий год Илье будет 60.

Посеребрились кудрявые чёрные волосы, чуть ссутулилась спина, а отращенная профессорская борода старит Илью ещё лет на десять. Но это чисто внешне, а так он вполне бодр, преуспевает на службе. В общем нашел свою ячейку и добился успеха в жизни в Америке. Казалось бы, ничто не должно его тревожить. Однако все эти годы и особенно остро в последнее время, его не покидают мысли об очень дорогом для него человеке, который остался в далёкой России и о судьбе которого он ничего не знает.

* * *

А началось всё это 28 лет назад. Душным июльским вечером телефонный звонок оторвал Илью от телевизора.

– Привет, Илюшевич, узнаёшь?

Он, конечно, узнал. Кто ещё кроме Борьки Вольфсона так его называл? Их столкнула судьба, когда десять лет назад, будучи молодыми специалистами, они начали работать в химической лаборатории большого института в Москве.

Быстро подружились. Но года через два Борис ушел в другое место. Первое время после этого еще позванивал. Потом перестал.

– Я не отрываю тебя от дел? Нет? Тогда расскажи, как твои дела семейные, академические.

– Я восемь лет уже как женат. Жена прекрасная женщина, отличная хозяйка, мать. Я её очень люблю. Дочке семь лет. Если ты помнишь, я тебе рассказывал, что мой отец был единственным сыном в семье при семи сестрах, а у него единственный сын я. Поэтому мне очень хотелось иметь сына, чтобы продлить род. Однако теперь об

этом забыто. Я обожаю дочку – она очаровательное существо. Сейчас они с женой на даче. Мы недавно завели собаку, и они занимаются воспитанием щенка. В общем, по этой части всё хорошо – я счастлив. Хуже на работе – я ведь ещё хожу в младших научных сотрудниках. Денег получаю мало. Живём в долгах. Вот сейчас решил форсировать диссертацию, может быть после защиты стану старшим научным, денег прибавят.

– Поздравляю, наконец-то ты взялся за ум и решил завершить диссертацию. Давно бы пора! Помнится, ещё в те времена у тебя уже был кое-какой материал.

– По тем материалам пять лет назад я защитил кандидатскую, а сейчас работаю над докторской.

– Вот это да! Ну, ты даешь! Что же эти негодяи держат кандидата наук в младших? Это же свинство!

– Чему ты удивляешься? С моим-то профилем и в князи? Ну да ладно, а как ты?

– Ты, знаешь, о себе я в следующий раз. Долго рассказывать. Сейчас я к тебе с поручением. Ты, видимо, помнишь Наташу Разумовскую. Такая симпатичная, выше среднего роста, очень доброжелательная девушка, работала со мной в одной комнате. Так вот она просила тебя позвонить. У неё к тебе очень важное дело. Не откажи, позвони.

В тот же вечер Илья позвонил Наташе.

– То, о чём я тебя попрошу, Илюша, покажется тебе странным, невероятным, но ты не сочти меня ненормальной, не говори сразу нет и при всех случаях прости меня за этот разговор.

Илья выслушал сказанное с удивлением.

- Дело в том, что мне уже 36 лет. Сложилось так, что я ни с кем не связала свою судьбу и, как я понимаю, перспектив создать такую семью, как мне хотелось бы, у меня нет. Но мне не хочется оставаться до конца дней одной. И я решила, что ребёнок – всё равно мальчик или девочка – может для меня восполнить всё. Любовь к нему, забота о нём будут целью моей жизни и я никогда не буду одинока...

- Я тебя хорошо понимаю. Только после рождения дочки, после того, как она подросла и я получил возможность общаться с ней, я до конца понял, как нужно каждому человеку его продолжение, нужно то существо, которое до последних твоих дней будет называть тебя папой, для которого в жизни не может быть никого дороже мамы, папы, ну и, конечно, собственных детей. Я тебе благодарен за твою откровенность, но не понимаю, чем заслужил это? Почему всё это ты рассказываешь мне?

- Дело в том, что ... прости меня... дело в том, что я хочу... что я хочу, чтобы отцом моего ребёнка был ты...

- Я??? Ты сошла с ума! Я же...

- Я знаю, что ты женат, что ты любишь жену, и я не предлагаю себя в любовницы. Нет. Я только прошу дружеского участия, прошу помочь стать матерью, и всё. А потом ты должен забыть обо мне и обо всём, что связано со мною.

- И ты думаешь, что я бы смог просто так зародить ребёнка, а потом забыть о нём, не растить его, не воспитывать, ни хотя бы оказывать материальную помощь.

- Ты не должен ни о чём думать. О материальной помощи не может быть и речи. Я

сейчас работаю в Академии Наук, хорошо зарабатываю. У мамы приличная пенсия. Папа – профессор оставил нам кое-какие сбережения, у нас есть хорошая квартира, садовый участок. Мама по профессии педагог и будет воспитывать ребёнка самым лучшим образом, у нас хорошая библиотека. Ну, что ещё? Я не пожалею сил, чтобы дать ребёнку самое лучшее образование. Наверное, повторяюсь, но он будет единственной целью моей жизни. Всё, всё будет отдано ему – внимание, забота, все силы. Очень прошу тебя, согласись!

– Но почему именно я?

– Ты лучший из всех, с кем я была когда-либо знакома. Я уверена. Умоляю, не отказывай мне! Я жду тебя завтра по адресу: улица Воровского, подъезд против особняка Афганского посольства...

Илья начал постепенно приходить в себя от услышанного, приведшего его в состояние шока. Начала восстанавливаться его способность логически мыслить.

– Я вижу здесь по меньшей мере несколько аспектов, исключающих моё участие... Во-первых, ты сильно преувеличиваешь мои добродетели. Я прямо слышу шелест крыльев у себя за спиной, а ведь я далеко не ангел. Совсем обычный человек со множеством недостатков, как сказала известная личность: “Ничто человеческое мне не чуждо”. За последние годы я стал, может быть, чуть менее эгоистичен, но зато потерял свой юношеский романтизм, стал более прагматичным, нервным, раздражительным и ленивым. У меня плохая генетическая линия. Почти все мои предки рано умерли – наследственная гипертония и инсульт в финале. Подумай об этом.

Во-вторых, я буду с тобой предельно откровенен и прямолинеен. Уж извини за мою грубость. Ты предлагаешь мне роль быка-производителя. Но быку хороша любая корова. Мы с тобой не виделись довольно много лет. Тогда я был намного моложе. У меня не было постоянной женщины. И ты вроде была ничего... Наверное, тогда я мог бы без проблем переспать с тобой. Но времени прошло много. Ты, наверное, изменилась... и я совсем сексуально не озабочен. Мне это просто не надо. Поэтому так сходу лечь с тобой в постель... Ну, сама подумай, каково это мне?!

И, наконец, последнее и самое главное для меня. Смогу ли я спокойно жить, зная, что где-то на стороне растёт мой ребёнок без меня... Забыть об этом. Вычеркнуть этот факт из сознания. Едва ли. Поэтому я говорю тебе “нет”.

– Я знаю женщин в моей ситуации, которые специально едут на курорт, чтобы от случайной связи завести ребёнка. Для меня же лечь в постель с мужчиной, к которому я не испытываю определённых чувств, непреодолимая проблема. Тем более завести ребёнка от малознамого человека. Это просто исключено! Так уж я устроена. Твои же сомнения лишь укрепляют меня в мысли, что я делаю правильный выбор отца для своего будущего сына или дочери.

Конечно, я сейчас ужасно выгляжу в твоих глазах! Мне стыдно, я испытываю чувство вины. Но, пойми, если я пошла на такое, то только потому, что для меня это вопрос жизни и смерти. Я прошу понять меня, проникнуться чувством сострадания. Представь себе, что человек тонет и тебе нужно протянуть руку, чтобы спасти его. Я

понимаю твои сомнения, но настройся на то, что тебе нужно помочь погибающему. Если ты этого не сделаешь, человек умрёт. Ты будешь колебаться? Я уверена, ты спасешь тонущего, если даже это угрожает твоей собственной жизни. Попробуй преодолеть свои предубеждения, преодолеть себя! Ну, попробуй!

– Не могу тебе ничего обещать. То, о чём ты просишь, так невероятно! Я должен многое переосмыслить...

Илье помнится, что он плохо спал ночь. Может быть, совсем не спел, думал, думал, а на другой день не без внутреннего содрогания и сомнений звонил в дверь указанной ему квартиры.

В первый момент близости Наташа слабо вскрикнула. А потом, когда они лежали в истоме, прижалась к нему, обняла, нежно гладила его плечо, шею и тихо говорила:

– Ты мне нравился, очень нравился, я в тебя просто влюбилась тогда давно, когда мы работали с Борисом. Как я ждала каждого твоего прихода в нашу угловую комнату на первом этаже, краснела и теряла дар речи, когда ты, наконец, приходил и уводил Бориса покурить. Но я тебя не интересовала, как женщина, только, как собеседник, не более. И я смирилась. Как это ни смешно говорить женщине моего возраста, но ты первый мой мужчина! Как я тебе благодарна, что ты мне не отказал, что отцом моего ребёнка будешь именно ты – человек, в котором ум, доброта и красота, как мне кажется, сочетаются самым наилучшим образом.

* * *

Наташа оказалась человеком слова. Илья больше никогда не встречал её, ничего не слышал о ней.

Но ещё во время его жизни в Союзе, а потом и в Америке его часто мучили мысли о том, что, может быть, родился и где-то живёт его ребёнок, о котором он ничего не знает и не узнает никогда.

Вот и сегодня, охваченный этими невесёлыми мыслями, Илья продолжал свою прогулку по Мидтауну.

– Извините, сэр! Вы нам не подскажете, как пройти к Рокфеллер центру? – к Илье обратились трое симпатичных молодых людей.

Илья неохотно оторвался от своих мыслей и посмотрел в их сторону. Молодые люди повторили вопрос на приличном английском. Однако славянский акцент не оставлял сомнения в их происхождении.

– Вы русские? Я говорю по-русски.

– Да, мы из России, – ответил высокий, темноволосый, кудрявый юноша с карими глазами, в лице которого, как показалось Илье, было что-то очень знакомое, – смотрите, ребята, как нам повезло! Первый же прохожий говорит по-русски. Он нам всё объяснит лучшим образом.

– Кто вы? Из каких мест? – взволновался Илья.

– Мой товарищ в очках их Санкт-Петербурга, другой из Новгорода, а я москвич. Мы аспиранты МГУ. Приехали на стажировку в Колумбийский университет, и это наше первое знакомство с Нью-Йорком.

– Очень интересно! Я тоже бывший москвич. Где вы там живёте? – насторожился Илья.

– Я не знаю, знакомы ли вы с районом Арбата?

– О, да! Хорошо знаком! – Илья уже не мог скрыть волнения.

– Если так, вы, возможно, знаете большой серый дом на углу бывшей улицы Воровского и Трубниковского переулка? Ещё один хороший ориентир – напротив Афганское посольство.

“Неужели это мой сын...! ” – не в силах сдержать себя, Илья обнял изумленного юношу.

Выглядели озадаченными и его спутники.

– И что это старикан так судорожно вцепился в Вадика? Смотри, он плачет! – воскликнул очкарик.

– Ладно, не бери в голову, – после мгновенного раздумья ответил другой. – Просто он встретил земляка и расчувствовался. Старики так сентиментальны! Лучше посмотри на эту громадину! Впечатляет?! – И они стали считать этажи очередного небоскрёба.

1997 г.

ПОЕЗДКА В ЛАС ВЕГАС

За три недели до торжества Ира решила сообщить родителям о подготовленном для них подарке. Уже давно обсуждалось, как отпраздновать золотую свадьбу, – событие, выходящее далеко за рамки юбилейного дня рождения.

Старики категорически отказались от проведения торжеств в ресторане: “Нам не нужна вся эта суета, шум, выпивка, оглушительно громкая музыка, из-за которой не слышно, что говорит даже сидящий рядом”.

– Подарите нам лучше новую стиральную машину, – предложил прагматично мыслящий Рувим.

– Да, да, – поддержала его Сильва, – это будет замечательный подарок. Каждый раз при стирке он будет напоминать нам о нашем юбилее, мы будем с благодарностью вспоминать всех вас.

Однако не все родственники были с этим согласны и вопрос вроде бы оставался открытым, но только для стариков. Ибо совсем скоро на семейном совете в тайне от юбиляров было решено поступить по-другому. Конечно, было бы лучше преподнести подарок именно в праздничный день, но в данном случае это было невозможно, и вот в субботу, когда родители были приглашены на обед, а детям Ира велела отложить все свои дела и обязательно присутствовать, вручение подарка состоялось.

Ира специально выбрала момент после того, как все частично утолили чувство голода, поев супа с клёцками, и уже не были столь сосредоточены на пище.

– А теперь прошу внимания! – торжественно объявила Ира. – Вручается подарок к золотой свадьбе!

И она протянула Сильве тёмно-синюю дермантиновую сумочку с красной надписью: “Liberty Travel”. Сильвия была без очков, да и с английским у неё было туговато, поэтому ничего не поняв, она спросила:

– Что это? Паспорт на стиральную машину? Почему дарите заранее?

– Как ты не понимаешь? – вмешался Рувим. – Заранее – это потому, что хотят, чтобы её доставили к нам, подключили. Ну, в общем, чтобы к юбилею она была уже на ходу.

– А вы откройте, посмотрите, – загадочно улыбнулась Ира. Сильвия отцепила липучку на сумочке и увидела какие-то книжечки, купоны, талоны, похожие на авиабилеты.

– Я ничего не понимаю. На, посмотри ты, – она протянула сумочку мужу.

Видя, что отец тоже с ходу не может разобраться, Ира пояснила:

– Ладно, не будем больше испытывать ваше терпение. Мы дарим вам чудесную поездку в Лас-Вегас! Причём, хочу подчеркнуть, что участие в подарке приняли все члены семьи, включая детей.

– Что, в Лас-Вегас?! Боже мой! Не может быть! – Сильвия разрыдалась. Наверное, это была естественная реакция старой женщины, всю свою жизнь прожившей в маленьком провинциальном городке в России и никогда не думавшей, что ей

доведётся жить в Нью-Йорке, а вот теперь ещё и побывать в Лас-Вегасе, о котором рассказываю такие чудеса.

Ира взглянула на отца, который, как и подобает мужчине, всегда был более сдержанным. Он нервно теребил прядку волос, что было признаком его крайнего возбуждения. Уголки глаз около переносицы стали влажными. Дав родителям время несколько успокоиться, Ира продолжала:

– Ваше путешествие будет не очень долгим – 4 дня и 3 ночи, но, уверена, доставит вам массу удовольствия.

– Но как в наши годы возможен большой перелёт и как мы, наконец, сумеем объясняться по-английски? Мы ещё очень слабо знаем его, – поинтересовался рассудительный Рувим.

– Я говорила с вашим доктором. Хотя полёт действительно длится около 5 часов, но для вашего здоровья он не опасен. Всё время поездки будете принимать свои обычные лекарства, и всё будет хорошо. Относительно английского. Я вас провожу в аэропорт и помогу зарегистрироваться и сдать багаж. По прилёте на место вас будут встречать. Проезд в отель уже оплачен. Ровно, как и доставка вас обратно из отеля в аэропорт. Будете жить в одном из лучших отелей – Париже. Вам зарезервирован прекрасный номер на 30-м этаже, обставленный мебелью под старину с телевизором и прочими вещами. Главное, его окна будут выходить прямо на отель Беладжио, перед которым вы сможете увидеть танцующие под музыку подсвеченные фонтаны – зрелище просто потрясающее.

Я дам вам схему города с отметками отелей-казино, в которых необходимо побывать, чтобы увидеть чудеса. Это Мираж, внутри которого тропический лес и белые тигры за стеклом, Treasure Island, перед которым каждые 30 минут разворачивается морское сражение; Люксор, имеющий форму египетской пирамиды со сфинксами перед входом, MGM, поражающий размерами. Ну и, конечно, Венеция с площадью перед дворцом Дожей и каналами с гондолами и поющими серенады гондольерами. Всё это внутри здания. Да, ещё забыла, парад огней в Даунтауне и многое другое.

Также вы посетите одно из лучших в мире шоу – "Юбилей" в отеле Belise. Оно, пожалуй, превосходит знаменитое шоу в Мулен Руж в Париже.

И, наконец, мы даём вам денег на еду и на игру в казино. Правда, не так много, но достаточно, чтобы поиграть на одноруких бандитах.

От всего услышанного у стариков просто закружилась голова, и они долго не могли прийти в себя.

Началась подготовка к отъезду. Рувим тщательно изучил схему Лас-Вегаса и всевозможные рекламные описания, которые смог достать.

Изучая карту США, мысленно проложил маршрут самолёта из Нью-Йорка до Лас-Вегаса и в один из дней взволнованный прибежал в комнату к Сильве с криком:

– Мы будем лететь над Гранд Каньоном! И если позволит погода, увидим его!

– Ну и что?

- Как ты не можешь понять?! - это же Гранд Каньон - одно из чудес света. Почтище Ниагарского водопада! Это так интересно!

- Может быть, может быть..., - невнятно ответила Сильва. Она была увлечена другим - выбором шляпки, которую хотела бы одеть в дорогу. "Как мне хочется выглядеть элегантно, насколько это возможно в моём возрасте", - размышляла она.

День отъезда приближался, и нервное напряжение нарастало. У Рувима ухудшился сон, а у Силивии за два дня до отъезда скакнуло давление. Пошли в ход дополнительные лекарства. Это тревожило Рувима. Но накануне отъезда Сильва заявила, что чувствует себя прекрасно и готова к дороге.

И вот этот день наступил! Светлый, солнечный - словно сама природа разделяла радость стариков: сегодня их юбилей и полёт в город, который мечтают посетить миллионы.

Они прибыли в аэропорт за 1,5 часа до отлёта. Во время регистрации по просьбе Иры им дали места в передней части самолёта, где меньше качает. Довольные тем, что всё складывается так удачно, они стали прощаться с дочкой, которая в последний момент протянула им небольшую сумочку:

-- Это возьмите с собой в салон. Здесь бутылка шампанского и коробка конфет. Сегодня вечером в отеле отпразднуйте.

-- Какая у нас замечательная дочка! Как я счастлива! - повторяла Сильвия, провожая взглядом Иру, пока та не скрылась из виду.

Затем старики двинулись к указанному им проходу к самолёту. Надлежало пройти проверку

ручной клади и самих пассажиров. Длинная цепочка отъезжающих выстроилась к магнитным контролёрам. Когда очередь дошла до стариков, их попросили снять куртки, сложить в пластмассовое корыто все металлические предметы. Туда же они положили сумочки с шампанским и лекарствами, а также дерматиновую сумочку агентства путешествий с билетами, ваучерами на гостиницу и их гринкартами, вложенными туда после регистрации. Всё это уехало по ленте транспортера на досмотр. Сильвия первой прошла через магнит. И ей показалось, что ничего не зазвонило. Тем не менее контролёр отвела её в сторону и начала проверять, водя металлоискатель вдоль рук и ног. Настроение было прекрасным, и Сильвия улыбаясь и шутя неловко крутилась перед контролёром. Рувим прошел магнит следом. К этому моменту Сильву отпустили. Они забрали свои вещи с конвейера уже по ту сторону просмотровой камеры и поднялись несколько ступенек по лестнице, чтобы направиться на посадку. В этот момент произошло ужасное.

– Нет сумки с документами! – не то прокричала, не то простонала Сильва.

– Не может быть!

Оба старика начали судорожно рыться в своей не хитрой ручной клади. Один раз, второй... Дрожали руки, расстёгивая молнию сумки с лекарствами, участилось дыхание...

– Боже мой! Боже мой! – причитала Сильва. – Наша поездка пропала!

Рувим еще продолжал рыться в сумочках, до конца не осознавая того, что произошло. Но что теперь делать?! Они прошли регистрацию, значит, видимо, могут сесть в самолёт, но все ваучеры на

гостиницу, трансферы отсутствуют. Нет обратных билетов на самолёт. Действительно поездка невозможна. У Рувима всё похолодело внутри..., но, главное, он испугался за Сильву – ведь ещё вчера у неё было такое высокое давление. Что делать? Как её успокоить?

– Ну, мы не поедem, ну и что? Это же не конец света! Главное, что все живы и здоровы. Никто не умер. Ну, не поедem! – ничего более умного в этот момент растерянности ему не могло прийти в голову.

“Как это обидно, как несправедливо то, что произошло, – плача думала Сильва, – ведь мы были уже почти в самолёте. Ещё несколько часов и мы были бы там в сказке. За что это нам? Как я виновата перед Рувимом – ведь документы были у меня! Нет, это несправедливо, так не должно быть”.

Насколько ей позволяли силы Сильва побежала вниз по лестнице к месту досмотра. Рувим поспешил за ней. Сильва пыталась посмотреть не упала ли сумочка с транспортёра, не застряла ли где-нибудь внутри смотровой камеры, громко повторяла, обращаясь ко всем производящим досмотр только с одним доступным им словом “Tickets”. Рувим старался объяснить: “We lost our tickets in small blue bag” – на большее не хватало запаса слов. Их обращения к служащим и пассажирам были безрезультатны.

До отлёта самолёта оставалось чуть более 20 минут. Люди спешили, и в этой суете и толкучке несчастье двух стариков было незаметно другим, как песчинка в горстке песка. Меж тем на стариков было жалко смотреть. Они метались от одного служащего к другому, бледные, потные, жалкие.

Так продолжалось, наверное, минут десять, как вдруг Сильвия увидела в руках у стоящей в отдалении у входа в служебное помещение высокой женщины, видимо начальнице контролёров, их синюю туристическую сумочку. Сильвия подбежала к ней, ожидая, что её спросят фамилию, номер рейса. Но женщина молча, без каких-либо эмоций и сочувствия отдала сумочку.

Много позже, возвращаясь к случившемуся и анализируя ту трагическую ситуацию, старики пришли к выводу, что пропажа сумочки была не случайной и, если бы в ней были деньги, она не была бы возвращена. Конечно, там в служебном помещении содержание сумочки было изучено. Поскольку в ней отсутствовали деньги, она не представляла никакой ценности и её можно было вернуть владельцам. А расспрашивать их фамилии? Зачем? Ведь и так в течение почти 10 минут за ними наблюдали и видели их метания и тщетные поиски.

Но в тот момент, когда сумочка была снова у них, старики были не в состоянии осознать, что произошедшая с ними маленькая трагедия, стоившая им нервов и здоровья, не случайность, а следствие чьего-то злого умысла. В тот момент не хотелось думать ни о чём плохом. До отлёта самолёта оставалось совсем мало времени. Через несколько часов их ждал Лас-Вегас – этот сказочный город среди пустыни, в котором никогда не кончается праздник.

2002 г.

ЖЕЛТАЯ МАЙКА

Те несколько лет были самыми трудными в моей жизни. Подолгу не было постоянной работы. Я кое-как перебивался мелкими заработками.

Делил маленькую комнату на Брайтоне с еще одним таким же бедолагой. В общем, завидовать было нечему.

В один из летних воскресных дней, которые здесь в Нью-Йорке отличаются особой жарой и духотой, я решил освежиться в океане. пляж был забит народом. Все же я нашел свободное местечко около спящего мужчины, голову которого скрывал зонт. “Чудак, – подумал я, – пришел в такую жару спать на солнцепёке. Спал бы себе дома. Впрочем, у него так же, как и у меня, возможно, в доме нет кондиционера”.

Понежившись минут двадцать в воде, я вернулся на место. Чудак уже проснулся и собирал свои вещи. Голову его теперь украшала дорогая шляпа. Солнцезащитные очки тянули больше, чем на сто долларов, на руках несколько дорогих колец. Что могло привлечь этого небедного джентльмена на наш Брайтонский пляж? Я был удивлен. Но более всего поразился, увидев на нем такую же желтую майку, как моя. И черная надпись на груди совпадала. Но где же моя майка? Когда джентльмен встал, я увидел на майке знакомую дырку, которую я как-то по неосторожности прожег сигаретой. Тут мне стало ясно, что на мужчине моя майка.

– Извините, сэр! – обратился я к нему. – Вы, как мне кажется, надели мою майку! В другое время я не стал бы вам говорить о таких пустяках. Но сейчас я испытываю материальные трудности, так что даже эта майка для меня определенная ценность!

В моем голосе джентльмен, видимо, уловил некую угрозу.

– Да!?! – мужчина начал с удивлением осматривать себя. Затем быстро полез в сумку и, порывшись, вытащил оттуда такую же майку.

– О, извините, произошло недоразумение. Они так похожи. Но вы, надеюсь, не станете заявлять на меня в полицию?

Он посмотрел на мои рваные джинсы и еще более выдавшие виды кеды. После короткого раздумья достал бумажник и протянул мне стодолларовую бумажку. Я опешил, увидев эту купюру. У меня уже давно не было такой суммы. Поняв выражение моего лица по-своему, джентльмен протянул мне еще одну бумажку такого же достоинства. Я просто онемел. Тогда джентльмен протянул мне еще одну купюру. Когда сумма стала приближаться к тысяче, ко мне, наконец, вернулся дар речи. Испугавшись, что джентльмен заберет деньги назад, я бодро заявил:

– Ну конечно же, сэр! Я не намереваюсь заявлять на вас. Уверен, вы надели майку по ошибке.

– Разумеется это именно так.

– Однако, сэр, не могли бы вы все же вернуть мне мою, иначе я не смогу добраться до дома.

– Да, конечно! – он начал с безразличностью быстро снимать, буквально сдирать с себя желтую майку.

Эти деньги послужили начальным капиталом для моего первого маленького бизнеса. Он оказался успешным. Вскоре я приобрел автомобиль, через пару лет купил дом. А сейчас, вы видите сами...

С этими словами мой собеседник полез в карман своего шикарного пиджака. Его костюм тянул минимум тысячи на две баксов. Вытащил брелок с ключами. Тотчас на стоящем вблизи сверкающем никелем черном “Хаммере” включился двигатель и зажглись многочисленные фары и подфарники.

- У меня там помимо навигатора, индивидуальные телевизоры для каждого пассажира, камера с экраном, на котором можно видеть все сзади машины и множество других прибабасов.

Дверца захлопнулась. Не прошло и нескольких мгновений, как машина скрылась из вида на ближайшем перекрестке.

2006г.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПОЕЗДКА

Отлёт в Москву был назначен на 17-е сентября. Уже задолго до этого Давид очень нервничал. Ведь им с женой предстояло встретиться со страной, в которой они прожили такую долгую жизнь. Все 10 лет иммиграции они постоянно следили за тем, что происходит там в России, в стране навсегда оставшейся их родиной. Все это волновало, заставляло сопереживать.

Иногда, проснувшись среди ночи, Давид представлял себе, как вновь пройдет по знакомым московским улицам, увидит родной город. От этого щемило сердце. Вспоминался далекий военный 1942 год. Как он тогда совсем мальчишка, находясь в эвакуации в Сибири, мечтал вернуться в Москву. Пройтись от дома в Скарятинском переулке до школы вблизи Никитских ворот. Здесь на улице Герцена ему был знаком каждый дом, каждые ворота, каждый забор. Ему казалось, что это лучшее место на свете со старыми нуждающимися в ремонте домами, тротуарами и дворами. Как тогда учащенно билось сердце и перехватывало дыхание! Вот и теперь тоже...

Тогда он мальчишкой мечтал вернуться домой. Теперь... Со слов побывавших там Москва сильно изменилась: похорошела, выросла в высоту. "Вы не узнаете Москву," - говорили они. Предстояла встреча с теперь как бы незнакомым городом и страной, которая изменила даже свое название. Знакомым оставался только язык. Да еще друзья

Томские. Хотелось обнять Тамару и Лёню – друзей, которые за долгие годы стали самыми близкими.

Родители Давида и Лёни еще в 30-х годах построили дачу в Подмоскowie. Между семьями все делилось поровну. Дружили отцы, затем стали дружить дети, потом внуки. Давиду вспоминалось, как они с Леной помогали друг другу в работах по даче, как обменивались инструментами, полезной информацией, вместе чинили колодец, забор... Их жены угощали соседей-друзей своими фирменными блюдами, или простыми оладушками, которые вкусно готовила Тамара, или Инниныными блинчиками... Делать это было очень легко, так как дом не имел внутренней перегородки и двери кухонь выходили в общую прихожую.

Сколько их связывало! В обеих семьях росли дети, потом появились внуки. Родители делились своими переживаниями, сомнениями и радостями. Больше всего Давиду вспоминались их вечерние посиделки у камина, в который Лёня переделал свою голландскую печь. Что здесь только не обсуждалось?! Хрущевская оттепель, застой во времена Брежнева, перестройка и первые перемены.

Спорили, но, в целом было совпадающее мнение и оценка событий, личностей, одинаковое понимание общечеловеческих ценностей. Томские – потомственные врачи, как представлялось Давиду, были лучшими представителями русской интеллигенции, лишенными всякого лжепатриотизма, расовой нетерпимости. И это было очень близко Давиду. Потому так учащенно билось сердце в ожидании встречи.

11 сентября обрушилось, как гром среди ясного неба. Случилось невероятное, кошмарное, не поддающееся пониманию. Трагедии жителей США сочувствовало все человечество.

Семье Давида звонили взволнованные родственники из Германки и Австралии, знакомые из разных штатов. Не было только звонка из Москвы. Через пару дней удивленный Давид позвонил туда сам. Трубку сняла Тамара.

– Почему не звоним? Мы же знаем, что вы живете в Бруклине, а не в Манхэттене. Думается, что у вас все в порядке.

– То, что произошло такой кошмар! Кругом такое горе, погибло столько людей! – с горечью произнес Давид.

– Я собиралась позвонить. А в общем мне совсем не жалко американцев. Так им и надо! – в голосе Тамары прозвучала озлобленность.

– Что???

Давид онемел.

– Да, так американцам и надо – за Корею, Вьетнам, Югославию. Америка стала мировым жандармом! Все гребет под себя!

– Ведь погибли не солдаты, а мирные люди, много женщин.

– Американцы это заслужили.

Давид был в ужасе: “И это говорит Тамара, интеллигент, представитель самой гуманной профессии – врач? Что произошло с друзьями, как это могло случиться? – начал рассуждать Давид. – Да, Америка самая богатая страна в мире. Это страна иммигрантов, где по-настоящему решен национальный вопрос, один из самых высоких уровней жизни и социальной защиты людей, лучшая в мире демократическая конституция,

защищающая свободу личности. Но все это не свалилось с неба. Американцы всего достигли своим умом, деловитостью, упорным трудом, как говорится, потом и кровью. Конечно, Америка защищает эти свои достижения, свободу и демократию и щедро делится ими со всем миром. Отдает миллиарды долларов безвозмездно нуждающимся странам. Многочисленные благотворительные фонды борются с голодом, детской смертностью и страшными болезнями. Так было всегда. Так и сегодня.

Почему же так изменилась позиция демократов Томских? Откуда такая ненависть к Америке? Давид отметил для себя две возможные причины, подтолкнувшие Томских к этому. Во-первых, Америке завидуют, тем более в такой неблагополучной России. А зависть ведет к ненависти. Тем не менее, завидуя и ненавидя, миллионы людей стараются попасть в США, чтобы получить хорошее образование, заработать, пользоваться всеми возможностями, которые дает эта страна людям.

Во-вторых, средства массовой информации в России, выполняя заказ властей, видимо весьма успешно влияют на умы не только обывателей, но, к сожалению, и интеллигенции. Не избежали этого и Томские.

Давиду стало очевидно, что они потеряли друзей.

Так оборвалась последняя ниточка со страной, покинув которую они не переставали любить.

Продолжать разговор, что-либо доказывать, убеждать было бесполезно, да и просто противно. Ведь рядом люди в слезах хоронили близких, а над

городом еще висел тяжелый запах гари. Он повесил трубку.

Внезапно прерванный разговор испугал жену Давида, которая в соседней комнате собирала вещи в дорогу. Она застала мужа бледным с каким-то мученическим выражением лица.

– Дима! Что с тобой? Тебе плохо?

– Да. Мне очень плохо! Мы никуда не едем. Надо сдавать билеты.

2007г.

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Первое, что увидел Игорь, очнувшись от наркоза после длительной операции, – это озабоченные лица жены и дочери.

– Всё хорошо, – тихо проговорил он.

На второй день к вечеру в палату пришла дежурная сестра и сказала, что нужно подняться. Игорю это казалось совершенно невозможным. Несмотря на протесты, жалобы на боль, слабость, ссылки на преклонный возраст, его всё-таки подняли. Поддерживаемый с двух сторон, он проковылял несколько метров по коридору. Со стороны это представляло собой мало радостное зрелище, но, вероятно, то, что делалось, было необходимо.

Назавтра Игорь совершил уже две прогулки, а на четвёртый день уже самостоятельно обходил полный круг по “Бродвею”. Здесь на семнадцатом этаже госпиталя так называли коридор, имеющий форму замкнутого прямоугольника. Этот прямоугольник был значительных размеров. Внутри его находились комнаты врачей и сестёр. По углам были выходы в вестибюли с многочисленными лифтами, а вокруг размещались палаты...

С каждым днём Игорь был в состоянии без отдыха преодолевать всё большее количество кругов. Во время одной из прогулок он неожиданно увидел, как из комнаты докторов выбежали три врача и помчались в одну из палат. “Кому-то стало плохо,” – подумал Игорь. Он не

успел сделать ещё нескольких шагов, как начали открываться двери всех вестибюлей и из лифтов стали выбегать врачи. Они ехали с разных этажей, и все бежали к той же палате. Их было множество. Коридор заполнился белыми халатами, которые, как в воронку, втянулись в дверь палаты с больным. Удивительно, как они все там поместились? Поражённый Игорь застыл на месте.

Прошло ещё не более минуты, двух, как в дальнем конце коридора опять резко распахнулась дверь вестибюля. Ещё один врач начал свой бег. Это была молодая женщина, смуглая, с чёрными, как смоль волосами. На плече её висела медицинская сумка. Эта красивая женщина бежала тяжело дыша, как-то неуклюже выбрасывая ноги в стороны. Обеими руками она неловко придерживала живот, который не позволял застегнуть белый халат. “Да эта беременная женщина должна скоро родить, – подумал Игорь. – Как она рискует ребёнком и собою!” Однако женщина бежала, не щадя себя, так, словно она единственный врач в этом огромном госпитале и только от неё одной зависит спасение человека.

... И тут Игорю вспомнился далёкий 1943 год. Тогда он обессиленный долго лежал совсем близко к траншее и не мог доползти до неё, чтобы укрыться от рвущихся снарядов. Он уже мысленно прощался с жизнью, как вдруг к нему подползла его спасительница. Она была совсем молоденькой, почти девчонкой. Где-то потерялась её пилотка. Светлые волнистые волосы постоянно падали на глаза. Она отбрасывала их рукой, когда, встав на колени, начала перевязывать раненого Игоря. Запомнилось её: “Потерпи, потерпи, миленький!” Когда раздавался оглушительный грохот близкого

разрыва, девушка закрывала Игоря собой. Ей было страшно. Она, словно ища защиты, как-то по-детски прижималась к Игорю лицом. В ее серых глазах был ужас, но она продолжала закрывать собою беспомощного Игоря. Траншея была совсем рядом, но девушка не оставляла раненого...

Что двигало тогда этой девушкой и что движет сейчас этой молодой индуской, которая спешит на помощь человеку, рискуя собственным ребёнком? Для обоих над всем превалирует чувство долга, непоколебимое убеждение, что за жизнь человека нужно бороться не щадя себя, упорно, до конца... Игорь не находил другого ответа. Провожая взглядом бегущую женщину, он почувствовал, как у него что-то сжалось в груди и невольно стали влажными глаза.

Каждый раз, вспоминая увиденное в коридоре Манхэттенского госпиталя, Игорь испытывает те же чувства.

2006 г.

СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА

Катя была очень счастлива: ей 21, она стройная, хороша собой, совсем скоро – уже через год сбудется её заветная мечта: она станет учителем английского языка. Об этом Катя мечтала с детства, часто представляла себе, как, переполненная радостным волнением, впервые войдёт в класс к своим ученикам.

В последние дни произошло много важных для неё событий: на днях она получила 2-й разряд по художественной гимнастике, а вчера познакомилась с замечательным парнем!

– Ты просто вся светишься! – сказал кто-то из девчат соседей по комнате в общежитии. – Что с тобой?

– Девчонки! Я вчера познакомилась с таким парнем...! Его зовут Игорь. Он учится в соседнем с нами здании и будет инженером-химиком.

– Ты так взволнована, будто встретила сказочного принца.

– Да, это почти так! Он высокий, темноволосый, красивый... и такой интересный собеседник. А как играет в волейбол! Что я вам рассказываю? Скоро вы сами его увидите – в субботу он придёт к нам в Ленинку на вечер.

Знакомство Кати с Игорем произошло в спортзале завода “Каучук”. Он подошел к ней сразу после окончания тренировки.

– Я часто прихожу сюда посмотреть, как ты работаешь и всегда люблюсь тобою! Ты просто

порхаешь! Ты такая, такая... необыкновенная! И вот сегодня набрался смелости...

- А я не замечала тебя во время моих тренировок, - волнуясь, сказала Катя, видя устремлённые на неё полные восторга карие глаза Игоря. - Но, скажу честно, я довольно часто наблюдала за твоей игрой в волейбол. Ты здорово играешь!

Она запнулась, не зная, что сказать дальше. Ведь ей самой хотелось познакомиться с этим долговязым парнем. И вот теперь это состоялось.

- Это тебе, - сказал Игорь, протягивая Кате большую белую хризантему.

Они стали часто встречаться. Им нравилось гулять по набережной Москвы-реки, по дорожкам скверов бульварного кольца. Они часто посещали консерваторию. Кате импонировало то, что Игорь любит классическую музыку, которую она сама обожала. Его красивое лицо во время прослушивания выдавало гамму чувств, вызванных мелодией. Она любовалась этим классическим профилем и была очень счастлива.

Игорь жил в маленькой квартире на Остоженке, которую сдали ему уехавшие на время за рубеж знакомые его родителей. В этой квартире они с Катей провели их первую ночь. Потом ещё и ещё...

- Тебя скоро отчислят из общежития, - шутили девочки. А Катя ходила опьянённая первой большой любовью, которая пришла к ней.

В этом опьянении прошло несколько месяцев. Миновала зимняя сессия. И однажды Катя поняла, что беременна. "Нужно сказать об этом Игорю. Но какова будет его реакция?" - взволнованно рассуждала Катя.

Промучившись несколько дней, она поведала Игорю о случившемся. Его реакция обрадовала Катю: он не предложил сделать аборт, на что Катя ни за что бы не согласилась. Немного смутился:

– Я не думал, что смогу так рано стать отцом. Но раз такое случилось, будем вместе воспитывать малыша и обязательно распишемся до его рождения.

Кате пришлось прекратить тренировки. Смущенно и невнятно она пыталась изложить придуманную версию о том, что вынуждает её прекратить занятия спортом, разочарованному тренеру, который планировал готовить её на 1-й разряд.

Время шло, и наступил момент, когда нужно было прекратить интимные отношения. Игорь старался скрыть своё разочарование. Катя это видела, но что было делать?

Когда до родов оставалось месяца два, Игорь вдруг пропал. Пару дней он не звонил и не появлялся. На звонки Кати его телефон молчал.

“Что-то случилось”, – холодея от ужаса, думала Катя. Выждав ещё пару дней, она решила посетить его жилище на Остоженке. Зная её женщина из соседней квартиры, рассказала:

– Несколько дней назад он забрал свои вещи и уехал. Как странно, что вы этого не знаете?

Катя знала, что скоро должны возвратиться хозяева квартиры. “Возможно, Игорь нашел себе новое жилище, – пыталась она себя успокоить, – но почему скрывается от меня?”

Тогда Катя с трудом разыскала друга Игоря и от него узнала, что Игорь забрал документы из института и уехал, даже не сообщив ему куда.

Кате стало ясно, что её бросили подло, предательски, в таком трудном для неё положении. Мгновенно мир рухнул в её глазах. Машинально она добралась до остановки троллейбуса. У станции метро Кропоткинская вышла и, чуть придерживая живот, побрела по Гоголевскому бульвару. Присела на скамейку, у которой они часто назначали свидание с Игорем, и разрыдалась, огорошенная предательством человека, которого так любила, с которым планировала создать семью, растить детей, человека, который клялся ей в любви, называл её лучшей в мире...

Мысли Кати путались. Вызывала ужас сложившаяся ситуация, где и на какие деньги жить с ребёнком. Придётся бросить учёбу и искать работу. Но кто и куда её возьмет – беременную, недоучившуюся студентку? На помощь родителей не приходится рассчитывать. Они ничего не знают о её романе, о её положении. От настроенного весьма консервативно отца можно ожидать только осуждения и упреки. Что делать???

Катя не могла остановить слёз, не стеснялась их, не видя никого вокруг.

– Почему ты плачешь? Ты такая красивая! У тебя всё должно быть хорошо, – обратился к ней по-английски, остановившийся около неё мужчина.

Катя подняла глаза и сквозь слезы разглядела доброе, участливо смотрящее на неё лицо. Мужчина присел рядом с ней, дружески положил руку на её плечо.

– Ты не должна плакать! В жизни нет безвыходных ситуаций. Возможно, я смогу помочь тебе.

– Мне невозможно помочь! – всхлипывая, ответила Катя.

– Всё же Расскажи мне, что случилось, я не могу быть спокойным, глядя на твои слёзы.

Почувствовав искреннее дружеское участие, Кате вдруг захотелось поделиться с этим человеком, излить душу, ей было просто необходимо выплеснуть всё, что так её терзало, мучило, разрывало душу.

Вслушав рассказ, который позволил Кате её английский, мужчина на минуту задумался...

– Я понимаю трудность твоего положения. Но ты не должна переживать, что рассталась с этим твоим парнем, который оказался просто негодяем. Связав свою судьбу с ним, ты бы всю жизнь мучалась, живя рядом с таким человеком. Меня зовут Джон. Я живу в США, здесь в Союзе в краткой деловой поездке. Мне 39 лет. Никогда не был женат. Видимо, не встретил раньше ту, которая поразила бы моё сердце. Я предлагаю тебе – выходи за меня замуж.

Катя оцепенела от неожиданности.

– Вы это серьёзно??? Ведь мы совсем не знаем друг друга. Разве можно такие решения принимать мгновенно?!

– Ты права. Но я знаю своё сердце. Оно говорит мне, что ты именно та, которую я искал и ждал всю жизнь. Я могу дать тебе два дня на принятие решения. Вот мой номер телефона и адрес гостиницы, где я остановился. Через два дня я должен уехать домой. По возвращении в США, я мог бы немедленно начать оформление вызова для тебя.

Нелегко было для Кати принять решение, которое должно было изменить всю её жизнь.

Вызов пришел через полтора месяца и после этого Катя, наконец, решилась позвонить родителям. Первым к телефону подошел отец. Катя ему рассказала только то, что выходит замуж за американца и будет жить в его стране. Негативная реакция отца превзошла её ожидания. Он был в ярости:

– Ты что, ждёшь с моей стороны одобрения?! Я категорически против! Ты, комсомолка, решила уехать жить в Америку, предав Родину! Неужели здесь у нас мало хороших мужчин, с кем можно было создать семью? Ты просто сумасшедшая! Знай, если уедешь, я буду считать, что у меня больше нет дочери! Всё, разговор окончен. У меня больше нет времени. Опаздываю на партсобрание.

Ошарашенная Катя дальше стала разговаривать с матерью. Она рассказала ей всё. Мать была потрясена: “Что же ты мне раньше не рассказала о твоих переживаниях... Ведь я тебя так люблю! Я холодею от ужаса, что мы, скорее всего, больше никогда не увидимся. Ты не сможешь приехать к нам, а мы к тебе тем более – мать расплакалась. – Тем не менее, в сложившейся ситуации я поддерживаю твоё решение. Может быть это твоя судьба”.

Переживая тяжёлый разговор с родителями, Катя уже была в нерешительности: “До родов остаётся две недели. Если меня не возьмут в самолёт, опасаясь, что я начну рожать в полёте, то я останусь здесь навсегда,” – решила Катя.

В самолёт пустили, и перелёт прошел благополучно. В аэропорту в Нью-Йорке Катю встретила сестра Джона. Краснея и запинаясь от волнения, Катя поздоровалась, пытаясь хоть чуть-чуть неловко скрыть свой большой живот.

Сестра была дружелюбна.

– Не волнуйся, девочка! Я всё знаю. Видя, какая ты русская красавица, я вполне понимаю, как Джон мог влюбиться в тебя, и получилось так, что теперь вы с ним ждёте вашего ребёнка.

“Какая умница Джон, что не рассказал всего... Это значит, что он примет моего малыша, как родного”, – радостно подумала Катя.

– Я только не понимаю, – продолжила сестра, – почему Джон к твоему приезду оставил хорошую работу в Сиетле и решил переехать в другой штат, где он сейчас срочно занимается покупкой для вас дома. “Я-то понимаю, – подумала Катя, – он не хочет, чтобы кто-нибудь узнал, что не он настоящий отец малыша. Как это благородно с его стороны! Я этого, конечно, никогда не забуду”.

• • •

Прошло более тридцати лет. Супруги из России, совершая туристическую поездку по Америке, на одни сутки остановились в маленьком городке в штате Айдахо. На главной улице они в нерешительности искали место, где можно перекусить.

Внезапно к ним подошла стройная, элегантно одетая женщина, которая выглядела значительно моложе своих 55 лет. Дружелюбно улыбаясь, она обратилась к супругам по-русски с большим акцентом.

– Извините меня, пожалуйста, я услышала русскую речь и не смогла удержаться, чтобы не подойти к вам. Я так давно не слышала, как говорят по-русски! Сама не говорила по-русски. Я начинаю забывать свой родной язык – ведь я родом из

России. Если бы вы могли уделить мне несколько минут и поговорить со мной, вы доставили бы мне большую радость. Я знаю недалеко отсюда одно кафе, где есть вкусная еда. Давайте пойдём туда, поговорим. Я не займу у вас много времени.

Катя была взволнована неожиданной встречей. Ей хотелось, как можно больше рассказать о себе, о том, что привело её в Америку, о своей жизни в этой стране.

– Вы мне сказали, что сегодня вечером уезжаете отсюда. Едва ли вы приедете сюда когда-либо ещё. Поэтому я расскажу вам о себе многое, что по причинам, которые вам станут понятными, никто не знает в этом городе.

Рассказ Кати был очень эмоциональным и взволнованным.

– Как вы поняли, – сказала она в завершение, – никто, кроме нас с Джоном, не знает, что для Ника Джон неродной отец. Решив уехать в США, я приняла тогда трудное и рискованное решение – ведь я совсем не знала Джона. Но я не ошиблась – Джон замечательный человек: добрый, порядочный, хороший друг, заботливый муж. Я не могла не полюбить его. У нас трое детей – для всех них Джон заботливый отец, наставник, друг. Сбылась и моя мечта стать учительницей. Уже много лет я преподаю в школе – учу английскому языку американских детей.

Мои дети, к сожалению, не говорят по-русски. Я было пыталась учить говорить по-русски нашего первенца, но Джон, естественно, говорил с ним только по-английски. Я стала опасаться, что у ребёнка будет мешанина в голове и оставила эту затею. Единственное, к чему я приучила своих детей, – это к русской традиции каждый день

кушать суп. Вот теперь мне надо спешить, чтобы накормить обедом нашего младшего сына. У него сейчас в школе выпускные экзамены.

– Когда вернётесь в Россию, – сказала Катя прощаясь, – то можете рассказать, что встретили в Америке абсолютно счастливую русскую женщину с удивительной судьбой.

2010 г.

НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ 5

ЖИЗНЬ В СОЮЗЕ 6

Пропась	6
Счастлиое детство	10
Промех	13
Эдисонов брат	17
Неудачник	22
Полёт Гагарина	29
Незапланированный отпуск	33
Невыездной	39
Петька и генерал	46
Прошу принять меня...	51
Мечта идиота	55
Один эпизод из жизни Абрамовича	59
Как бросить курить?	67
Питер	71
Страсть	83
Сладкое хобби	88
Интересная книга	90
Треволнения на таможне	100
Однолюб	103
Старушечий бизнес	113
Авторское свидетельство	116
Опасное хобби	122
Вызов к начальству	125

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 133

Истоки подвига	133
Первый бой	137
Граф Монтекрисо	139
Белая ворона	146

Настоящий герой	148
Это вам за всё	149
Вы же не фашист...	153
Однажды в 1947-м...	156

НА ПУТИ К КАПИТАЛИЗМУ	158
-----------------------	-----

Письмо из Израиля	158
Есть идея	167
Простая фамилия	175
Проклятие	180
Российский Робинзон	184
Избиение	197
Настоящий полковник	201
Свидание с прошлым	206

НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ	217
--------------------	-----

НАШИ В ИММИГРАЦИИ	219
-------------------	-----

Четыре минуты, которые решили всё	219
Первый день в Америке	227
Трудное решение	235
Начало	240
Одиночество по-американски	244
Как я пытался работать	250
Нет жизни без телевизора	259
Семечко	264
Что впереди?	270
Ветеран	274
Прохиндиада	281
Союз интеллектуалов	288
Остап Бендер с Брайтона	292
Русский суп	296
Сверхпринципиальность	298

Иллюстрации	302
Дрянь	306
Красивая шляпа	311
Как делают деньги	314
Первый раз в казино	319
Встреча в Манхеттене	324
Поездка в Лас-Вегас	333
Желтая майка	341
Несостоявшаяся поездка	344
Клятва Гиппократа	349
Счастливая женщина	352
Содержание	361

Александр Каган
НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ

Рассказы.

Издательство Publishing House GelaNY,
Нью-Йорк, 364 стр., 2011 год

PUBLISHING HOUSE GelaNY
P.O.Box 61472, Staten Island,
New York, 10306
(718) 668-1375